Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 11 15 ИЮНЯ № 11

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1929
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—37049. Тираж 70.000 экз.
Тип. газ. „Правда", Москва, Тверская, 48.

Осенняя посевная кампания.

Истекшая весенняя посевная кампания показала, что путем мобилизации воли и активности широких масс деревенской бедноты и середняков, мы можем добиться значительного ускорения темпа развития и социально-технического переустройства сельского хозяйства. В период этой кампании нам удалось впервые организовать и поднять производственный энтузиазм крестьянских масс и направить его по руслу широкого применения простейших приемов агротехники и производственного об'единения распыленных крестьянских хозяйств. За сравнительно короткий период, прошедший со времени принятия декрета об урожайности, удалось добиться, что декрет не только дошел до деревни, но и осознан широкими массами крестьянства, а в течение весны получил свое применение. По предварительным подсчетам к настоящему времени принято не менее 100.000 приговоров о введении простейших приемов агротехники в обязательном порядке. Мы уже имеем такие края и области (Ср. Волга, С. Кавказ), где трудно найти селение, которое в течение истекшей весны не ставило перед собою вопросов повышения урожайности. Поход за урожай принял широкий массовый характер, и дальнейший успех работы в этом направлении целиком и полностью зависит от того, насколько нам удастся и впредь сохранить и расширить тот опыт работы, который был достигнут весной. Меньше всего теперь следует говорить об агрономической косности крестьянских масс. Практика истекшей весны показала, что агрономическая наука и техника являются самыми желанными гостями деревни. В то же время достигнуты крупные успехи не только в области технического под'ема деревни, но и его социального переустройства. Еще в прошлом году наметился решительный перелом в развитии колхозного движения. За прошлый год количество колхозов удвоилось. В период весенней посевной кампании вновь грандиозной волной развернулось движение по производственно-коллективному строительству. Предварительные данные показывают, что по одной РСФСР организовалось не менее 10.000 колхозов, при этом нередки случаи, когда в колхоз об'единяются целые селения, насчитывающие по нескольку сот дворов.

Не будет преувеличением, если скажем, что великая социальная и техническая перестройка деревни проникла в гущу крестьянской

массы. Достижения весенней посевной кампании прежде всего зиждутся на том, что ей был придан широкий общественный характер, что она стояла в центре внимания партийных, советских и кооперативных организаций. Такое концентрированное внимание всех организаций к кампании дало возможность активного привлечения к ней широких масс деревенской бедноты и середняков.

При подходе к осенней посевной кампании необходимо прежде всего озаботиться, чтобы придать ей характер массовой политической и хозяйственной кампании. До последнего времени укрепился такой порядок (правильнее непорядок), что осенней посевной кампании уделялось гораздо меньше внимания, чем весенней, и в значительной мере она проходила «самотеком». Такое невнимательное отношение совершенно не соответствует тому значению, какое озимые хлеба занимают в разрешении зерновой проблемы. Удельный вес озимых во всей посевной площади составляет для ржи в 1928 г. 22,4% и для пшеницы 5,7% или в общей сложности 28%. Занимая менее одной трети всего посева, озимые хлеба составляют около 40% площади зерновых хлебов и еще более солидное место в отношении продовольственных хлебов. Успешное проведение осенней посевной кампании в значительной степени предопределяет положение с продовольствием в предстоящем году в особенности, если принять во внимание, что урожаи озимых, как правило, являются более высокими и более устойчивыми.

Вот почему совершенно недопустимо прохладное отношение к посеву озимых. Уже сейчас необходимо, чтобы местные партийные, советские и кооперативные организации поставили в центре своей работы подготовку к осенней посевной кампании, используя ее как для борьбы за расширение посевных площадей и дальнейшего расширения системы агромероприятий, так и дальнейшего развертывания работ по социальной реконструкции сельского хозяйства. Нельзя ни на одну минуту забывать, что выполнение пятилетнего плана в целом будет зависеть в значительной степени от выполнения намеченных проектировок в области сельского хозяйства. А это предполагает и требует систематической, напряженной и энергичной, отнюдь не носящей характера очередной «кампании», работы по под'ему сельского хозяйства и его материально-технической, агрономической и социальной реконструкции. И в этой работе осенняя посевная кампания должна будет явиться одним из важнейших звеньев.

С другой стороны, ход осенней посевной кампании приобретает крупнейшее значение и с точки зрения преодоления тех затруднений, под знаком которых проходило наше развитие последних лет, затруднений, имевших своим источником чрезвычайную отсталость сельского хозяйства и, как следствие, недостаточность в первую очередь хлебоснабжения городов и промышленных центров.

Все это делает сугубо ответственной и совершенно обязательной задачу выполнения намеченных планов в осенней посевной кампании роста посевных площадей (6% по РСФСР), дальнейшего роста строительства совхозов и колхозов и решительного **качественного** улучшения работ сельского хозяйства — усиления агромероприятий, роста урожайности и т. д.

Надо сказать, что возможности освоения новых земель весьма велики. В частности, возможность освоения новых земель в так называемых потребляющих губерниях является совершенно реальной, и наша беда заключается в том, что к разрешению этой важнейшей задачи мы подходим слишком медленно. Противоестественным является тот факт, что в Московской губернии под посевом находится около 18% земельной площади. Ценнейшие и плодороднейшие земли, расположенные вокруг таких рынков сбыта, как Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, остаются неиспользованными, а между тем для их эксплоатации требуются сравнительно небольшие мелиоративные и корчевальные работы. К разрешению этой задачи следует приступить еще с осени текущего года, и расширение озимого клина в потребляющих районах должно пройти под лозунгом одновременного освоения новых земель.

Для производящих районов, в особенности там, где сохранилась переложная система полеводства, задача расширения озимого посева имеет не только значение количественного расширения площади, но и агрикультурное, поскольку урожаи озимых хлебов являются более высокими и более устойчивыми. Для этих районов необходимо добиться максимального расширения посевной площади (для С. Кавказа — 20%, Казакской Республики — 27%, Крымской — 12,5% и т. д.). При этом особое внимание должно быть обращено на такие районы, как Казакстан, Сибирь, где посевы озимых составляют всего несколько сот тысяч га, несмотря на то, что озимые вполне могут произрастать в этих районах. Проникновение в эти области озимых посевов имеет огромное значение в деле технической реконструкции хозяйства.

В связи с быстрым развертыванием колхозного строительства имеются все основания предполагать, что посевная площадь колхозов значительно возрастет. Прежде всего озимый посев должен в колхозах сопровождаться дальнейшим расширением обобществленных посевов. Одним из крупнейших недостатков современного колхозного строительства является то, что значительная часть посевов остается необобществленной. Такое двойственное положение члена коллектива, когда наряду с обобществленным посевом у него иногда имеется не меньшая площадь индивидуального посева, чрезвычайно болезненно сказывается на росте и укреплении колхозного строительства. За счет дальнейшего охвата обобществленным посевом крестьянских земель, а также их лучшего использования необходимо расширить посевную площадь в существующих колхозах на 30%, в одновременно со строительством новых колхозов вся посевная площадь коллективного сектора возрастет на 119%. Гигантскими шагами вперед пойдет в осенний период совхозное строительство. Общее расширение посев-

ной площади в совхозах предполагается на 91%, а по отдельным трестам:

	1928 г.	1929 г.	%%
Госсельсиндикат	92,6 т. га	152,6 т. га	164,8
Сахаротрест	51,2 „ „	59,8 „ „	116,8
Зернотрест	15,6 „ „	126,5 „ „	810,9
Овцевод	3,0 „ „	6,2 „ „	306,6
Нетрест. совхозы	41,6 „ „	44,1 „ „	106,0
Итого	204,0 т. га	389,2 т. га	190,8

Исключительно быстрое развертывание получают посевные площади Зернотреста и Овцевода. Одновременно с этим решительный сдвиг происходит в старых совхозах. За последние годы совхозы Госсельсиндиката не имели такого значительного расширения посевной площади, какое предположено для предстоящей осени.

Итак, план осенней посевной кампании построен на основе дальнейшего значительного укрепления и расширения социалистического сектора сельского хозяйства на ряду с быстрым под'емом и расширением посевной площади в индивидуальных крестьянских хозяйствах. При этом в осенний период особое внимание должно быть обращено на укрепление и укрупнение существующих колхозов. Коллективное движение приняло такие грандиозные размеры, что мы не успеваем в ходе возникновения колхозов правильно их организационно и хозяйственно обслуживать. Большое количество колхозов продолжает существовать, не имея организационных и производственных планов. В течение осенней посевной кампании необходимо прежде всего обслужить создавшиеся весною колхозы, заботясь о том, чтобы обеспечить их средствами и орудиями производства, внедрением в хозяйство приемов агротехники, переводя их на многопольные севообороты и т. д. Одновременно с этим осенняя кампания развернет дальнейшее строительство новых колхозов. В частности, начиная с осени, начнется работа крупных машинно-тракторных станций. Машинно-тракторные станции уже завоевали себе достаточно прочное положение. За весну на территории РСФСР организовалось около 50 машинно-тракторных станций (колонн), в большинстве своем пока еще состоящих из 30—40 тракторов в каждой. За короткий период эти небольшие тракторные колонны зарекомендовали себя настолько, что многие из них могут быть в течение ближайшего времени развернуты в мощные энергетические центры в 200 — 250 тракторов.

Одним из важнейших моментов осенней посевной кампании является дальнейшее развертывание работы по повышению урожайности. В первую очередь в этом направлении немедленно следует развернуть кампанию ранних паров. Как показывают данные опытных станций, применение ранних паров может вполне обеспечить повышение урожайности на 20—30%. Между тем, размеры применения ранних паров до последнего времени являлись крайне незначительными

и колеблются в пределах 20% озимого клина, повышаясь до 50% на С. Кавказе. Такое незначительное распространение ранних паров об'ясняется не только, правильнее не столько, тем, что крестьянство не понимает значение пара, а в значительной степени неурегулированностью землепользования, необеспеченностью в ряде районов пастбищами, неорганизованностью крестьянских масс в использовании тяговой силой и т. д. Мы можем себе поставить совершенно реальную задачу в текущем году добиться удвоения площади ранних паров с тем, чтобы по всем основным производящим районам посевы озимых производились не менее как на 60—70% по культурным парам.

Другим не менее эффективным мероприятием по повышению урожайности является расширение посевов чистосортными семенами и зерноочистка. В настоящее время под чистосортными посевами находится всего-на-все около 3% озимых. Однако, при внимательном отношении к сбору их, при полном и целесообразном использовании их в качестве посевного материала посевная площадь под сортовыми хлебами может быть увеличена в 3 — 4 раза. Особенное внимание следует уделить важнейшему массовому мероприятию — зерноочистке. В этом направлении нами в весенний период были достигнуты кое-какие успехи. Не следует, однако, упускать из виду, что для работы зерноочистительных машин в осеннем периоде имеется гораздо меньше времени. Как правило, посевы озимых проводятся семенами нового урожая, а между уборкой хлеба и посевом нередко остается всего-на- все несколько дней, а в лучшем случае несколько недель. Только исключительная четкость в работе может гарантировать выполнение намеченного плана зерноочистки.

Однако, все эти мероприятия могут быть и будут проведены при условии действительной активности широчайших масс деревенской бедноты и середняков, ясного понимания с их стороны стоящих перед нами хозяйственных и политических задач, при условии дальнейшего развертывания наступления на капиталистические элементы деревни. Ни на одну минуту не следует забывать, что вокруг проведения этих мероприятий будет развертываться обостренное столкновение классов в деревне, что за срыв всех мероприятий, направленных к расширению посевных площадей, росту урожайности, проведению агрикультурных мероприятий и социальной реконструкции, ведет свою борьбу кулачество и подкулачники. Каждый успех в области под'ема материально-технического и агрикультурного уровня сельского хозяйства, каждое продвижение вперед в деле обобществления сельского хозяйства означает ограничение кулачества, означает ослабление его хозяйственной и политической мощи, и, естественно, своих «прав» на эксплоатацию, на порабощение, на кабалу бедноты кулак без боя, без ряда жестоких и упорных боев не отдаст.

И здесь в первую очередь необходимо расширить и углубить работу по организации бедноты, оживить работу производственных совещаний, обеспечив за беднотой решающую в них роль, оживить работу агроуполномоченных, провести созывы беспартийных бедняцко-середняцких конференций и с'ездов по поднятию урожайности и т. д., и т. п. Надо сказать, что производственные совещания при сельсоветах в ряде районов уже в настоящее время имеют огромное значение в деле организации сельского хозяйства. После весны наметился некоторый спад в их работе, который должен быть немедленно ликвидирован. Производственные совещания при сельсоветах не являются временными организациями для периода весенней посевной кампании (на практике кое-где так и получилось), а постоянными организациям, действующими в течение круглого года и вовлекающими широкие массы крестьянства в дело под'ема и реконструкции сельского хозяйства. Недостаточно удовлетворительно поставлена работа агрономических уполномоченных. Между тем они представляют огромную культурную силу, насчитывающую около 200—250 тысяч агроуполномоченных. В значительной части это представители наиболее передовых бедняцких и середняцких хозяйств, применяющие в своем хозяйстве приемы агрономической техники. Эта армия является столь значительной, что при правильной ее организации она может привести в движение миллионы крестьянских хозяйств. С этой целью необходимо установить еще более тесную связь агронома с агроуполномоченным, а также контроль со стороны сельсовета и производственных совещаний за работой уполномоченных. Теперь же необходимо еще и еще раз проверить состав агроуполномоченных как с точки зрения их активности, так равно и классовой принадлежности. Нам надо сколотить прочный актив культурных передовых крестьян из бедноты и середняков, с помощью которых мы будем переустраивать деревню. Производственные совещания агроуполномоченных в этом деле могут оказать неоценимую услугу.

Важнейшим разделом работ в период осенней посевной кампании явится контрактация. Контрактация стала одним из важнейших методов воздействия на сельское хозяйство, наиболее полно обеспечивающим возможность втягивания крестьянского хозяйства в русло планового хозяйства. В отдельных производственных районах контрактацией будет охвачено до 50% озимого клина. При таком широко массовом характере контрактации она может иметь совершенно исключительное значение в деле повышения урожайности и производственного кооперирования. Несмотря на то, что контрактация все еще производственно обслуживается недостаточно, а в некоторых районах носит явно торговый характер, мы имеем возможность с помощью контрактации в массовом порядке провести такие агрономические мероприятия, которые обеспечивают значительное повышение урожайности. Одним из наиболее существенных недочетов в современной работе по контрактации является то, что выдаваемые авансы не

используются в организованном порядке на производственные цели, и нередки случаи, когда выдаваемые авансы идут на удовлетворение потребительских нужд хозяйства. Перед кооперацией стоит задача найти пути наиболее целесообразного использования авансов на производственные цели как отдельными хозяйствами, так в особенности группой хозяйств или целым земельным обществом. Только в том случае, когда выдаваемые авансы пойдут на производственные цели, когда кооперация найдет пути организованного использования их, контрактация полностью сможет выполнить свою роль в деле переустройства сельскохозяйственного производства.

Осенняя посевная кампания должна быть также направлена по линии дальнейшего развития социалистического соревнования в деревне. До настоящего времени деревня все еще недостаточно втянута в социалистическое соревнование, а между тем в этом направлении может быть развернута колоссальная работа. При этом следует заботиться о том, чтобы соревнование носило наиболее конкретный характер и в нем могли участвовать широкие массы крестьянства. С этой целью особое значение приобретают мелкорайонные соревнования, когда несколько селений-колхозов, расположенных недалеко друг от друга, соревнуются между собою. При этом на первое время соревнование должно охватить такие мероприятия, которые понятны широким массам крестьянства и в которых могут принимать активное участие бедняки и середняки. Нельзя начать соревнование с таких мероприятий, которые требуют значительной затраты средств, ибо такое соревнование может оказаться не под силу деревенской бедноте. В тех районах, где соревнование началось весною, целесообразно теперь, в период междупарья, когда крестьянство наиболее свободно, подвести первые итоги, используя для этого беспартийные конференции, мелкорайонные с.-х. выставки и т. д.

В период осенней кампании так же, как и весной, нам придется встретиться с новым приливом волны кулацкой агитации. Кулаками используется каждый момент для того, чтобы задержать рост и укрепление позиции партии в деревне. Разбитый на фронте хлебозаготовок, он сделает попытку закрепиться на осенней посевной кампании. Агитация за сокращение посевной площади, против контрактации, открытый поход против колхозов, — вот на чем сосредоточит кулак свое внимание. Этой агитации мы должны противопоставить четкую классовую линию во всех мероприятиях осенней посевной кампании, направляя их на решительную поддержку и помощь деревенской бедноте и середнякам. Осенняя посевная кампания, являясь одним из ответственнейших участков развертывающейся борьбы с кулачеством, должна привести к дальнейшей мобилизации воли и активности широких слоев крестьянства по социально-техническому переустройству деревни.

Б. Борилин.

К вопросу о теоретическом изучении советской экономики.

Теоретическое изучение нашей экономики, представляющей первый в мире образец переходного к социализму строя, имеет колоссальнейшее значение. Об'яснять это значение, само собой разумеется, совершенно излишне. Еще в 1919 г. именно по этому поводу Ленин говорил: «Теперь можно сказать без всякого преувеличения, что нигде, ни в какой другой стране не интересовалось так трудящееся население вопросом о превращении капитализма в социализм, как теперь у нас. Об этом думают гораздо более, чем в какой-нибудь другой стране. Неужели же партия не должна дать ответа на этот вопрос? Мы должны н а у ч н о (разрядка моя. *Б. Б.)* показать, как эта коммунистическая революция пойдет». (XVI, стр. 132).

Ленину самому не удалось написать специальной теоретической работы, посвященной закономерностям экономики нашего хозяйства. У него имелось намерение написать к двухлетнему юбилею советской власти брошюру на тему «экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Но «сутолока повседневной работы», по его собственному выражению (т. XVI, стр. 347), не позволила ему выполнить это намерение. Зато Ленин оставил нам богатейшее наследство разбросанных в разных статьях, речах, письмах теоретических мыслей, замечаний, суждений о нашей экономике, показывающих, с какой научной глубиной, тщательностью, неутомимостью он подходил к изучению нашей экономики. Конечно же, в работе Ленина мы можем найти все главное, принципиальное, что нужно для понимания общих проблем существования и развития нашей экономики.

Важно, однако, при этом особенно подчеркнуть—и это имеет еще на продолжительное время актуальнейшее значение для вопросов изучения переходной экономики—тот общий подход к изучению переходной экономики, который был у Ленина и который глубочайшим образом отличает его методологию от методологии социал-демократических теоретиков.

Ленин вообще был величайшим противником «застывших догм», того «книжного», «мертвого» квази-марксизма, который под маской научной ортодоксии всегда отрывает теорию от практики, от революционной жизни. Никто из марксистов не умел так бороться за революционную теорию, как это делал Ленин. Но основным отличием ленинизма от социал-демократического «марксизма» нужно считать гениальное сочетание теории и практики. Высший критерий для теории Ленин видел всегда в революционной практике. И в этом отношении Ленин был последовательнейшим из всех учеников Маркса и Энгельса. Разве не также думали Маркс и Энгельс? Разве признание в этом смысле примата практики над теорией не есть основная истина их учения? «Мы не идем доктринерски навстречу жизни с новым принципом: в этом и заключается истина, перед ней стань на колени! Мы из принципов мира развиваем миру принципы», — пишет Маркс Арнольду Руге. Поэтому «ка-

ждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». (Письмо Маркса к Браке 5 мая 1875 г.).

Непонимание этого Ленин считал важнейшим недостатком социал-демократического марксизма. Именно это непонимание он считал их величайшим преступлением. «Наша теория не догма, а р у к о в о д с т в о к д е й с т в и ю»—говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т. п. является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата. «Политическая деятельность—не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говаривал еще русский великий социалист до Марксова периода Н. Г. Чернышевский» (XVII, с. 159).

Этот общий подход, который вообще отличает Ленина от социал-демократических марксистов, приобретает особенную важность в отношении изучения и понимания переходной экономики. Представление об экономическом строительстве и политической деятельности в эпоху диктатуры пролетариата, как о «чистом, широком, ровном тротуаре совершенно прямой, главной улицы Петербурга», особенно вредно, особенно губительно. Понимание эпохи революции и диктатуры пролетариата, которое абстрагируется от необходимости беспрерывной проверки теоретических положений на непосредственной практике революционного преобразования жизни, на опыте обостреннейшей, ни на минуту не прекращающейся борьбы со старым миром, само собой разумеется, ничего общего не имеет с доподлинным марксизмом. Вот почему Ленин был особенно требователен по части учета практического опыта в отношении изучения, анализа, выводов в вопросах переходного строя и нашего экономического строительства.

Интересно противопоставить в этой плоскости прямые высказывания, которые по вопросам нашей экономики и нашего экономического строительства делались социал-демократическими теоретиками, с одной стороны, Лениным, с другой.

Первые, конечно, третируют наш метод экономического строительства, как образец революционного импрессионизма, как надругание над теорией. «Русский метод: «сначала решись, а потом взвесь», привел к невеселым хозяйственным результатам», потешается и поучает К. Каутский (K. Kautsky, «Was ist Sozialisierung», 1920. Berlin. с. 23). «Как бы ни был плодотворен сам по себе революционный темперамент... он делается преступлением, если он не руководится и не ограничивается научной теорией». «Не слепо штурмующая храбрость, при полном пренебрежении ко всем трудностям нашей задачи, должна одухотворять дело экономической революции пролетариата»... (K. Kautsky. «Proletarische Revolution u. ihre Programm», 1922, с. 174). Конечно, все это говорится по поводу русской революции. Все эти «грехи» русской революции Каутский, как и следует ожидать, обосновывает тем, что большевистская партия России «беспомощна по отношению к экономическим проблемам», в то же время «тратит все свои духовные силы на подготовку путчей, на талмудическое толкование цитат из Маркса и т. д.» (там же, с. 158—159). Другое дело, если бы русские большевики послушались совета Каутских, восстановили поруганную честь научной теории, составили точный план движения к социализму и по этому выработанному плану мирно и спокойно врастали в новое общество!

Иначе к вопросу о составлении плана движения к социализму, о выработке теории переходного строя подходил Ленин.

В нижеследующих строках именно представителям пошлейшего и подлейшего «марксизма» Каутских отвечает Ленин: «Масса людей обвиняла нас,

и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют за то, что мы взялись за дело, не зная, как довести его до конца. Но это обвинение людей мертвых. Кто когда-нибудь мог делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца? Откуда можно взять такое знание? Оно не почерпается из книг. Таких книг нет. Только из опыта масс могло родиться наше решение» (XVI, с. 103) «... В таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества. Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что экспроприаторы неизбежно будут экспроприированы». «Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, но ни темпа, быстроты развития конкретной организации мы знать не могли» (XV, с. 304—5). «А если взять вопрос по существу, разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов?» (XVI, с. 253). «Мы не подражали никому из тех, кто слово «революция» пишет с большой буквы... Мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше» (XVIII, ч. 2, с. 15).

С необычайной силой Ленин подчеркивает величайшую трудность социалистического строительства и необходимость постоянной проверки «серой теории» на опыте жизни. Больше, чем кому бы то ни было, Ленину было чуждо представление о готовенькой заранее, чистенькой и законченной теории движения к социализму. Только на опыте самого движения, в результате отбора все новых и новых форм, ростков и т. д., а не из книг, «которых нет», можно взять эту теорию.

Для всякого очевидно, что между этим подходом Ленина к изучению, уяснению переходного строя и подходом Каутского и К° существует непреодолимое различие. Это—различие между книжным, изувеченным, мертвым марксизмом и марксизмом революционным, преобразующим мир.

Правильно ли все это и в настоящее время, и правильно ли это и теперь в отношении интересующей нас темы, вопроса изучения нашей экономики?

Конечно, было бы в высшей степени глупо считать, что наши знания в отношении экономического строительства социализма, в отношении переходной экономики сейчас ничуть не больше, чем они были в начале нашей революции. Многие и притом кардинальные вопросы нашего строительства партия уже разрешила, уяснила себе. Поворот от военного коммунизма к нэпу, который был совершен партией, опыт самого нэпа были практическими этапами, когда партия сознательно определила основные вехи своего движения вперед, вехи, с которых она, конечно, не позволит никому сбить себя. Теоретическое изучение нашей экономики пошло так далеко, как это, может быть, и не мыслилось в начале революции. Мы имеем ряд опытов в смысле систематизации теории переходного хозяйства. И все-таки мы еще не имеем общепризнанной теоретической работы, систематически раскрывающей закономерности переходной экономики. И все-таки еще и до сих пор совершенно правильным остается положение, что в вопросах «форм преобразования», «темпа» и «быстроты развития конкретной организации» мы очень многого еще не знаем, не можем знать и можем узнать только из тщательнейшего изучения практического опыта нашего строительства.

Было бы в высшей степени ошибочным, более того, прямо губительным, если бы мы успокоились на достигнутом. Процесс развития нашей экономики

есть процесс непрестанного усложнения хозяйственных форм, выдвижения новых методов строительства, беспрерывной ликвидации и накопления противоречий между элементами нового и старого. Вместе с тем все развитие переходной экономики представляет собой целую сумму переходов, целую гамму периодов. Каждый новый период выдвигает новые задачи и новые стороны в нашем развитии, в нашей борьбе. Поэтому нельзя уяснить себе существа и получить полное представление о нашей экономике, исходя из условий одного какого-нибудь узкого исторического отрезка времени. Такие периоды, как Брест, военный коммунизм, переход от военного коммунизма к нэпу, восстановительный период в нашем хозяйстве, переход от восстановления к социалистической реконструкции,—приносили с собой неисчислимое количество особых проблем и условий, освещали разные и новые стороны в нашем строительстве и развитии. Полное понимание нашей экономики может быть результатом только всестороннего изучения всех этих периодов и беспрерывного учета новых вырастающих на наших глазах моментов и задач.

Не может быть никакого сомнения, что, например, новый, реконструктивный период, в который вступило наше хозяйство, дает возможность еще полнее, глубже, монистичнее взглянуть на закономерности нашего развития, нежели это можно было сделать только на основе прошлого опыта. Ряд моментов, которые выплывали и освещались ранее, в свете беспрерывно возрастающего опыта приобретает особый смысл и особое ударение. И далее, ряд новых моментов, выплывающих только теперь, еще более обогащает наше понимание эпохи.

* * *

Что является об'ектом изучения теории переходной экономики?

Это вопрос, в отношении которого далеко нет установленного единого ответа. По этому вопросу существуют немалые разногласия.

Ответ на него должен зависеть, в основном, от ответа на другой вопрос: для чего нужно существование особой теоретической экономической науки, в то время как уже больше десяти лет назад в нашей стране пробил час гибели капиталистической частной собственности, а вместе с ней, казалось, и час смерти теоретической (политической) экономии? Капиталистический способ производства нуждался в такой теоретической науке. Но нуждается ли наш переходный строй также в особой теоретико-экономической дисциплине?

В данном случае ответить отрицательно можно было бы только при одном условии, если бы мы стали на ту точку зрения, что мы имеем полную, законченную социалистическую систему производственных отношений, что производственные отношения в нашем строе полностью перестали быть стихийными, помимо сознания людей вырастающими и воспроизводящимися общественными отношениями. Только в этом случае действительно не было бы нужды в специальной теоретической науке, вскрывающей специфические закономерности существования и развития этих производственных отношений, за движением «вещей» в производстве и обмене обнаруживающей многосторонние социальные связи между людьми. Но в том-то и дело, что наша экономика еще не тождественна с социализмом, но есть только экономика, переходная к социализму, на ряду с социалистически организованными элементами сохраняющая (на продолжительное время) и стихийно воспроизводящиеся производственные отношения. Получается своеобразная система смешанного переходного хозяйства, находящегося в процессе неустанной борьбы и трансформации разнородных элементов. Поэтому потребность в теоретической науке, изучающей этот процесс трансформации, качественной переделки производственных отношений,—приобретает большое познавательное и огромное прикладное значение, как основа для экономической политики пролетариата.

Производственные отношения в любом обществе находятся в своем развитии в зависимости и связи с развитием производительных сил. И только в этой связи производственные отношения могут быть познаны в их движении. Однако, именно система производственных отношений составляет самостоятельный и существеннейший об'ект изучения в капиталистическом обществе, об'ект специальной теоретико-экономической дисциплины. Именно раскрытие существа этих производственных отношений в капиталистическом обществе в их диалектическом развитии составляет главнейшую заслугу политической экономии Маркса. В отличие от буржуазных экономистов, сводящих свою «теорию» к изучению отношений между человечеством и природой, Маркс с необычайной силой вскрыл отношения между людьми, которые составляют экономическую формацию общества, базирующуюся на определенном уровне развития производительных сил. Там, где буржуазные экономисты видели вечное отношение человека к природе, Маркс обнаружил исторически-обусловленное производственное отношение между людьми. И это ослепительно ярким светом озарило исторически определенный и преходящий характер капиталистической системы. «Раз понята связь вещей—рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике»,—писал Маркс (Письма. Маркс и Энгельс, с. 154).

В нашем переходном строе зависимость производственных отношений между людьми от уровня и развития производительных сил, конечно, не может не быть подчиненной тем же законам, как и во всей человеческой истории. Однако, здесь следует отметить некоторые дополнительные обстоятельства. Если в любом обществе производственные отношения ни в какой степени не представляют собой просто пассивного отображения развития производительных сил, но обладают способностью самостоятельного обратного влияния на производительные силы, то особенно следует это иметь в виду в отношении нашего хозяйства. Сознательно регулируемые нами отношения между людьми служат одновременно мощным рычагом нашего воздействия на движение производительных сил. Между управлением движением производительных сил и организацией и регулированием общественных и классовых отношений произошло такое сближение, которое мыслимо только для организованного хозяйства. В той мере, в какой растет и крепнет плановое начало в нашем хозяйстве, движение вещей перестает управлять отношениями между людьми. Наоборот, и то и другое устанавливается и регулируется сознательной волей. Поэтому, конечно, величайшей ошибкой было бы считать, что у нас овеществление общественных отношений остается такой же характерной чертой нашего хозяйства, как и капиталистического.

Но должны ли мы поэтому в нашем хозяйстве отказываться от выделения производственных отношений в их специфике, как особого, самостоятельного об'екта изучения для особой теоретической науки, в отличие от общественной технологии? Ответ на этот вопрос должен быть безусловно отрицательным.

Переходная экономика вообще, и советское хозяйство в частности, еще в меньшей мере, чем какое бы то ни было другое хозяйство, может быть представлена, как система отношений между людьми, пассивно развивающаяся по фаталистическим законам воздействия производительных сил. Развитие переходной экономики это есть одновременный процесс борьбы за утверждение данной системы производственных отношений, процесс переделки производственных отношений. Особенно для первого периода переходной экономики ясно, насколько неверно утверждение, что производственные отношения являются простым пассивным рефлексом производительных сил. Ведь в этот первый период речь идет именно о том, какой системе производственных отношений утвердиться при данном уровне развития производительных сил, — капиталистической или переходно-социалистической. Борьба идет за определенную социальную форму производительных сил. Понятно, что такая борьба неизбежно предполагает ясное представление того, что отличает именно данную «социальную форму», как таковую. Именно в этой «социальной форме», в ее особенностях (уровень производительных сил первое время остается даже неизменным) заключается существо переходной экономики. И именно в изучении процесса утверждения новой социальной формы и заключается существеннейший об'ект теории экономики переходного периода.

В последнее время в экономической теории кое-где начало воскресать смешение экономических и технических категорий. В то время, как Маркс подчеркивал всюду, что экономические категории представляют собой выражение определенных типов производственных отношений между людьми, а не их отношений к природе, кое-кто это различение Маркса считает — увы! — устаревшим. По этой «мудрой» новой теории, для того, чтобы определить, что такое социализм с экономической точки зрения, недостаточно сказать, что это есть общественная собственность рабочего класса на средства производства, нужно сказать еще, какая техника находится в обладании рабочих. Для того, чтобы сказать, что такое капитал, недостаточно ответить, что это есть стоимость, создающая прибавочную стоимость посредством эксплоатации наемного труда. Нужно еще сказать, что капитал есть машина и т. д. и т. п. Применение такого рода «марксистской» теории к изучению экономики переходного периода было бы особенно губительным.

В самом деле, согласно этой теории, социализм это — электрификация. Там, где нет электрификации — нет и социализма. Допустим, что это так. Но какую социальную характеристику мы в таком случае должны дать нашему государственному обобществленному хозяйству? Что это—социализм или капитализм? Мы до сих пор привыкли думать, что наша государственная промышленность есть социалистическая промышленность, хотя она еще не имеет (но будет иметь) широкой базы электрификации. Но по означенной теории этого признать, конечно, никак нельзя. Наоборот, капиталистическая Америка, имеющая гораздо более высокую технику и широкую базу электрификации, должна быть признана прямо «социалистическим раем» по сравнению с нами.

Согласно этой теории, где трактор в сельском хозяйстве — там и социализм. Увы, в капиталистическом сельском хозяйстве гораздо больше тракторов, чем у нас, а социализмом не пахнет.

Согласно этой теории, где соха и лошадь, там мелкое трудовое хозяйство, а где машина, там капитализм. Увы, и здесь жизнь дает немалое количество опровержений. Мы знаем, что и первобытная техника нашей деревни обладает «таинственной» способностью порождать доподлинный (или кулак есть жупел?) капитализм. Не видеть в ряде случаев роста капитализма, хотя техника имеет здесь и первобытный характер, значит действительно уподобляться той самой девице, которая отрицала рождение человека по той причине, что «ребенок был ведь совсем маленький».

Нет, экономические категории отличаются одна от другой непосредственно по тому типу производственных отношений между людьми, выражением которых они являются. Только опосредственно разные экономические категории отражают и разные технические уровни. Для определения данной экономической категории поэтому вполне достаточна характеристика типа отношений между людьми без привлечения моментов техники, отношений человека к природе. Именно этого-то и не понимали буржуазные экономисты, когда «поражались» марксовым определением экономических категорий, как отношений между людьми. Этого не понимают и те «марксисты», которые

никак не соглашаются с тем, что кулацкое хозяйство есть капиталистическое, ибо капитал, видите ли, есть не только отношение между людьми, но и... машина (sic)!

Как раз по поводу таких людей в свое время писал Ленин: ««Друзья народа», впрочем, никогда не смогут вместить того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был капитализм. Они никак не в состоянии вместить, что капитал — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Р. Мысли» один из них, говоря о книге Зибера (о теории Маркса), приводил это определение (капитал—отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал» (т. I, стр. 139).

И далее, по адресу тех же, кто был недоволен определением капитализма, как «отношения между меньшинством, монополизировавшим средства производства, и большинством, продающим свою рабочую силу», и только, Ленин говорил: «А если вы не согласны с тем, что признаками, необходимыми и достаточными (разрядка моя *Б. Б.*) для этого понятия, являются монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплоатация наемного труда (говоря общее,—присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством — вот в чем суть капитализма),—тогда потрудитесь дать «свое» определение капитализма и «свою историю его» (т. I, стр. 140).

Все это имеет непосредственное отношение и к проблеме изучения экономических категорий нашего советского, переходного хозяйства. И здесь игнорирование производственных отношений между людьми, являющихся специфическим об'ектом теории переходного периода, мстит за себя. Существующая система производственных отношений не может быть просто «сведена» к уровню производительных сил, хотя только во взаимозависимости с производительными силами она может быть понята; производственные отношения являются предметом sui generis, подлежащим тщательному исследованию теории переходного хозяйства. За движением производительных сил, за движением и накоплением богатства, за движением вещей экономист, изучающий советское хозяйство, должен с величайшей тщательностью раскрывать социальные, производственные, классовые отношения людей. Обогащение и накопление в советском хозяйстве еще не тождественны с усилением именно данного (социалистического) типа производственных отношений. А приори этого установить никак нельзя. Количественный рост богатства, производительных сил сопровождается появлением и развитием тех или иных качественных изменений в общественных отношениях между людьми. Именно эти качественные изменения в общественной структуре должны составлять специальный об'ект теоретического изучения[1]).

[1]) В данном случае тоже находит себе применение следующее положение Гегеля: «Определенное количество, поскольку оно принимается за безразличную границу, есть та сторона, с которой существование подвергается неожиданному нападению и подрывается в корне. В том и состоит лукавство понятия, что оно схватывает бытие с той стороны, с которой не имеет значения его качество, и при том в той мере, что увеличение государства, имущества и т. д., составляющее несчастие государства, собственника, прежде всего кажется даже его счастьем» (Гегель, Наука Логика. Первая часть. Учение о бытии, стр. 231).

* * *

Одним из условий правильного анализа и понимания каждой эпохи для марксиста является изучение этой эпохи в ее историческом своеобразии. Каждое производственное отношение, как и вся система производственных отношений любого общества, представляет собой исторически обусловленное и потому преходящее явление. Это требование понимания исторического характера изучаемых явлений с еще большей силой должно быть подчеркнуто в отношении переходного хозяйства, в отношении переходной экономики. Марксистский анализ переходной экономики предполагает кропотливейшее изучение всех исторических особенностей того перехода, который составляет существо этой экономики.

Переходная экономика не может не быть принципиально отличной от экономики капитализма, ибо она содержит в себе переход от капитализма к социализму, включает в себя, в качестве ведущего начала, социалистически организованную промышленность. Поэтому принципиально безграмотным, а политически вредным было бы некритическое перенесение экономических категорий и законов капитализма в переходное хозяйство, особенно в его социалистический сектор.

Об этом само собой разумеющемся положении, казалось бы, и не стоило бы упоминать, если бы в области экономической теории не встречались и до последнего времени попытки это принципиальное различие между различными общественными формациями смазать, затушевать, если бы иногда и в настоящее время не встречалось непонимание характера наших общественных отношений по сравнению с капитализмом.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как была отвергнута в дискуссии о советском хозяйстве точка зрения тех (Сокольников, Смилга и т. д.), кто считает закон стоимости законом, господствующим в наших отношениях. Однако, такие взгляды можно встретить иногда и поныне даже в рассуждениях о нашем социалистическом секторе. Понятно, что подобное представление о том, что стоимость управляет нашим социалистическим сектором, находится в очень почтенном отдалении от марксистских положений на этот счет. Ведь отношения внутри социалистического сектора и не только внутри его, складываются не на основании господства стихийного закона стоимости, а совсем иначе, в огромной части на основе планового, сознательного регулирования, учета а приори общественных потребностей и т. д.

Непонимание этого отличия может проистекать только из двух вещей: из полного непонимания существа производственных отношений нашего хозяйства или из полного непонимания существа отношений в неорганизованном товарном хозяйстве. Здесь, в этом пункте, таким образом, встречаются и те, кто рисуют наше хозяйство на манер товарно-капиталистического, и те, кто подкрашивают капитализм под цвет организованного хозяйства. Не случайно социал-демократы, не намеренные признавать плановых черт нашего хозяйства, имеют такую поразительную склонность петь дифирамбы организованности капиталистического хозяйства. К сожалению, подобное прикрашивание капитализма приходится встречать и в нашей советской экономической литературе. Так в одной довольно распространенной экономической книге[1]) мы читаем такого рода изображение прелестей организованного хозяйства капитализма: «Учет потребностей общества лежит в самой основе (капиталистического) производства»... «Каждый товаропроизводитель заранее подчиняет свою производительную деятельность общественной потребности»... «Его труд а приори отнесен к труду общества»... Он определяет свою функцию в обще-

[1]) С. С. Шабс. «Проблема общественного труда в экономической системе Маркса». ГИЗ. 1928 г. Стр. 48, 49, 99, 61, 53 и др.

стве а приори, «ориентируясь на потребность общества, следовательно, как функцию общественную»... «Каждый частный товаропроизводитель подчиняет направление своей индивидуальной производительной деятельности осознаваемой им общественной необходимости». (Значит, мы узнаем от автора, что товарное общество есть общество «индивидов, действующих согласно осознанной общественной необходимости»!)... После такого изображения такого «общественного», «социализированного» производства в капиталистическом обществе, естественно, в капитализме остается только одно противоречие—между уже непосредственно общественным производством и частно-правовой надстройкой, между хозяйством и правом. С другой стороны, с точки зрения такого изображения капиталистического хозяйства не остается никакой принципиальной разницы между товарно-капиталистическим хозяйством и, предположим, социализированной частью нашего советского хозяйства. Подобного рода взгляды, поддерживаемые—увы!—иногда и некоторыми марксистами, само собой разумеется, не менее вредны, чем прямое перенесение категорий стоимости и т. д. из капиталистического хозяйства в советское.

Нередко встретить далее и такое мнение, что если закон стоимости, как форма стихийного регулятора, отмирает в советском хозяйстве, то количественные пропорции в хозяйстве, которые определялись этим законом, как законом трудовых затрат, остаются и при этом устанавливаются только в наиболее чистом виде. Согласно этой точке зрения ничего иного наши плановые органы не делают, кроме повторения новыми методами установления тех же количественных отношений между отраслями, частями хозяйства и т. д., которые без них устанавливал закон стоимости. Здесь только происходит предварительная антиципация того, что при господстве закона стоимости устанавливалось бы пост фестум. Такая точка зрения особенно распространена среди наших специалистов. Под ее влиянием находится и немалое количество коммунистов. Теоретически эта точка зрения наиболее полно выражена покойным А. Богдановым, утверждавшим, что «закон трудовой ценности (в советском хозяйстве) не только проводится, «но проводится еще больше, чем при капиталистическом хозяйстве, а именно с возможной планомерностью» (выступление А. Богданова по докладу Е. Преображенского «Закон стоимости в советском хозяйстве»).

Но правильна ли такая точка зрения? Нам думается, что нет. Наш планово-социалистический сектор ведет борьбу с товарной стихией не только за форму регулирования. Ежедневно и ежечасно идет, напр., борьба и за другое, за количественное распределение продукта общественного труда между отраслями нашей промышленности и между промышленностью и сельским хозяйством. В промышленности мы против тенденций рыночной стихии, толкающей нас на расширение легкой индустрии, производим перекачку средств из легкой индустрии в тяжелую. И в отношении сельского хозяйства мы еще вынуждены определенное время осуществлять неэквивалентный обмен города и деревни, хотя наша линия, в отличие от линии троцкистских идеологов, не может не направляться на осуществление эквивалентного продуктообмена. Таким образом, с точки зрения нашего опыта экономического строительства мнение о том, что мы должны осуществлять плановым порядком только то, что без нас осуществлял бы закон стоимости (как закон трудовых затрат), означает не что иное, как теоретическое обоснование политики т. н. «восстановительных цен».

Но это мнение неправильно не только с точки зрения нашего опыта экономического строительства. Оно противоречит и правильно понятой марксистской теории. В противовес тем, кто пытается абсолютизировать количественные пропорции, устанавливаемые между отраслями хозяйства на основе закона рыночной или общественной стоимости, которому подчинены все продукты капиталистического хозяйства, и представить эти пропорции,

как железный неизменный закон природы,—Маркс писал, что «ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического способа производства ассоциацией осталась бы прежняя» (Маркс, т. III, ч. 2, с. 201). Ибо величина стоимости в капиталистическом обществе определяется законом рыночной стоимости и не может иначе определяться. Само собой понятно, что в организованном хозяйстве количество общественного труда, право на которое признается за данной отраслью, зависит совсем не от рыночной стоимости, которой вообще нет, а от признания обществом необходимости развития в определенных темпах различных отраслей при условии соблюдения максимальной пропорциональности в воспроизводстве.

Гораздо чаще, чем с вышеотмеченными ошибками в отношении качественной и количественной стороны закона стоимости в нашем хозяйстве, приходится сталкиваться с меньшей, но также принципиальной ошибкой в вопросе о внешней форме производственных отношений в нашем хозяйстве. Сплошь и рядом приходится слышать такого рода суждение, что, если производственные отношения людей в нашем социалистическом секторе совершенно иные по своему типу, чем в товарно-капиталистическом обществе, то внешняя форма их совпадает целиком и полностью с товарно-капиталистической. Так, в одной распространенной книге о советской экономике [1]) мы читаем: «В нашем плановом хозяйстве тоже существует цена. Эта цена так же, как и в обществе меновом, по существу является формой проявления регулирования общественных отношений. Так же, как и там, она остается орудием этого процесса».

...«Обмен и у нас (а не только в капитализме. *Б. Б.*) является единственной формой связи... и... поэтому овеществление общественных отношений не устраняется». Из этих цитат видно, что, если верить автору, у нас, как и при капитализме обмен есть единственная форма связи, а цена единственная форма регулирования производственных отношений. Нужно ли доказывать, что такое представление о полном тождестве внешней формы производственных отношений при капитализме и у нас совершенно неправильно? Нужно ли напоминать о том, что производственные отношения устанавливаются у нас в социалистическом секторе и до обмена? Нужно ли об'яснять, что у нас вещи не играют той роли в установлении производственных отношений, какую играют они при капитализме? Нужно ли доказывать, что овеществление общественных отношений, эта об'ективная основа товарного фетишизма, серьезнейшим образом подорвано в советской системе хозяйства? И нужно ли говорить о том, что подобное представление о полной неизменности, хотя бы и внешней, формы, несмотря на радикальное изменение содержания, ни в какой степени не мирится с элементарными представлениями о диалектике и насквозь механистично.

И такое представление о тождестве внешней формы далеко не единичный случай. Иные углубляют его, считая, что не просто внешняя форма проявления, но социальная форма «вещей» при капитализме и у нас одна и та же. Получается, что «и там и тут вещи обладают одной и той же «социальной формой» стоимости и денег» [2]). Очевидно, по их мнению, то же относится и к капиталу, как «социальной форме» вещей, и к другим категориям. Но что мы понимаем под экономическими категориями политической экономии? Общепринятым в марксистской среде является представление о том, что эти категории суть «социальные формы» вещей. Так в учебнике полити-

[1]) А. Кон. «О «Новой экономике» Е. А. Преображенского». ГИЗ. 1927 г. стр. 29, 32.

[2]) См. тезисы т. Бессонова по его докладу «Диалект. метод в экономическом учении Маркса» в ИКП, стр. 9.

ческой экономии А. Кона мы читаем такое совершенно правильное определение капитала: «Капитал есть не вещь, но социальная форма, приобретаемая вещами в меновом классовом обществе» [1]). Так неужели же «социальные формы» вещей — капитал, стоимость, деньги — одни и те же в капиталистическом и советском хозяйстве? Может ли быть что-нибудь более чудовищно-безграмотное, чем это глубоко-механистическое, немарксистское перенесение категорий капитализма в советское хозяйство?!

Всякий об'ективный наблюдатель нашего советского хозяйства, таким образом, должен притти к выводу об историческом своеобразии того типа общественных отношений, который характерен для него.

Это уже не капитализм. В нем уже не господствует ни закон стоимости, ни капитал, ни прибавочная стоимость и т. д. Плановое хозяйство ведет борьбу с законом стоимости, как стихийным регулятором; организует количественные отношения между частями хозяйства, которые могут совпадать с количественными пропорциями, диктуемыми законом стоимости, но могут и должны от них отличаться; использует форму регулирования, унаследованную от товарного хозяйства, но обязательно создает и новую форму и т. д., и т. п. В этом и выражается то строительство социалистического организованного хозяйства, которое характерно для переходного строя.

Но это еще не социализм. Нельзя назвать, охарактеризовать наш строй социалистическим в pendant к характеристике довоенной России, которую мы называли капиталистической, несмотря на наличие там так же, как и у нас, большого количества некапиталистических, мелкотоварных и даже натуральных элементов. Это означало бы опаснейшее непонимание того, что наше хозяйство совершает только сложнейший и мучительный переход к социализму, который еще не создан, в смысле фундамента, хотя будет создан в переходный период.

Следует отметить особо вопрос, касающийся моментов единства и борьбы в нашей экономике. Троцкизм игнорировал элементы единства в нашей системе (заложенные в союзе рабочего класса и крестьянства), рисовал противоречия в нашем хозяйстве на манер капитализма. Из этого вытекало неверное представление о первоначальном социалистическом накоплении, об эксплоатации крестьянства и т. д. Партия отвергла такую идеологию. Однако, кое-кто не прочь это использовать для затушевывания той борьбы между разнородными элементами, которая свойственна нашей экономике, которая присуща ей по природе. Кое-кто склонен приписать нашей системе то механическое единство, которого она не имеет, как и ни одна переходная и непереходная система в мире. Ошибочно было бы считать, что наличие обмена, рынка механически создает гармоническое единство всей системы. Наличие обмена еще не создает предустановленной гармонии между разнородными по существу элементами. Борьба между ними не устраняется наличием обмена и рынка, она ведется и через рынок и помимо него. Вообще в высшей степени антимарксистским было бы такое представление, будто наличием рынка и обмена ликвидируются или уменьшаются противоречия разнородных элементов. Формы обмена оставлены нами потому, что они наиболее удобны для связи с мелким и мельчайшим крестьянским хозяйством, но этим само собой, разумеется, ни в какой мере не обеспечено «мирное» врастание в социализм без борьбы с капиталистическими элементами, без обязательного использования и нерыночных методов борьбы и движения и т. д.

Точно так же, конечно, неверно думать, что один только факт наличия социалистических командных высот изменяет всю картину экономики страны так, что противоречия, порождаемые благодаря существованию несоциалистических элементов хозяйства, превращаются в свою противоположность, ликвидируются. С этой точки зрения, куда ни глянь, всюду социализм. И кулак есть не кулак. И капитализм есть не капитализм. А все по установленным законам движется к социализму. Нет нужды доказывать, что такое представление о механическом единстве, якобы заложенном в нашей системе наличием социалистического сектора, является насквозь ошибочным и антиленинским.

[1]) А. Кон. Курс полит. экономии». 2 изд., стр. 268.

Наша система представляет диалектическое единство. Неправы были троцкисты, которые рисовали себе нашу систему по образу и подобию капитализма. Наша система, в противоположность капиталистической, идет в своем развитии в конечном счете к ликвидации этих противоречий, а не к их обострению. Но неправы и те, кто выбрасывают элементы борьбы, противоречий, свойственные нашей системе, как системе, где происходит беспрерывная трансформация, переделка общественных отношений. Наличие социалистического сектора и обмена не только не устраняет этой борьбы, но делает ее абсолютно неизбежной.

Раз необходимо теоретическое изучение советской экономики, возникает один в высшей степени трудный, но и важный вопрос. В какой мере применим в отношении ее изучения метод абстракции, какова предельная абстрактная классовая модель этой экономики и какова ее значимость для теории?

Нет никакого сомнения в том, что основными классами нашей экономики являются пролетариат и крестьянство. Нет также никакого сомнения в том, что основным отношением нашей экономики является отношение между социалистическим и мелкотоварным секторами. И с этой точки зрения, совершенно ясно, что нельзя определить генеральной линии нашего движения к социализму, не выведя прежде всего из специфической связи ее между этими двумя секторами, т.-е. из так называемого двухсекторного или двухукладного хозяйства. В самом деле, как вывести закономерность наличия рыночных отношений у нас, закономерность нэпа, роль кооперативного плана, основную проблему индустриализации и т. д., как, прежде всего, не из существа отношений именно между этими двумя укладами? Спор с Преображенским шел главным образом по вопросу именно о понимании этого генерального отношения, господствующего в нашей экономике. Преображенский и троцкисты именно роли этих двух секторов в нашем хозяйстве не понимали, недооценивали. Поэтому, конечно, не может быть никакого сомнения в том, что теоретический анализ нашей экономики может и должен опираться на изучение этой абстрактной двухсекторной модели.

Если в такой общей постановке вопрос о возможности применения предельной двухклассовой абстрактной модели при изучении нашей экономики более или менее ясен, то значительно сложнее дело обстоит при дальнейшем исследовании этого вопроса, именно при выяснении того, обладает ли изучение этой двухклассовой абстрактной общественной модели для советского хозяйства *такой же точно* значимостью, как изучение двухклассового общества, состоящего из буржуазии и пролетариата, для капитализма, или же здесь мы должны установить некоторые *дополнительные условия* для пользования этой абстракцией, которые нам не приходится устанавливать при пользовании методом абстракции в отношении капитализма? Ведь абстракция чистого двухклассового капиталистического общества вполне достаточна для выведения *всех основных* закономерностей существования, развития и гибели капитализма. Маркс (если отвлечься от учения о земельной ренте) дает в «Капитале» нам в основном именно такую теорию чистого капитализма. Но можем ли мы на основании анализа только двухсекторного хозяйства вывести также *все основные* закономерности развития нашего советского хозяйства?

Подойдем к проблеме следующим образом. Возьмем для сравнения проблему изучения империализма. Допустима ли при изучении империализма та

ступень абстракции, которая нами применяется в отношении капитализма вообще? Конечно, допустима. Однако, не имеет ли применение предельной абстракции при изучении империализма гораздо более узкие границы, чем при изучении капитализма вообще? Безусловно. Мы были бы не в состоянии вывести в с е х о с н о в н ы х закономерностей империализма, если бы мы ограничились анализом «чистого империализма» или «чистого монополистического капитализма». Мы не поняли бы основных закономерностей империализма, если бы не учли существования на ряду с империализмом и широкой базы капитализма вообще, колоний, некапиталистической среды. В основном при анализе империализма мы исходим из как бы «трехукладного» хозяйства: монополий, капитализма свободной конкуренции и мелкотоварного хозяйства. Против теории «чистого империализма» как раз и возражал, как известно, Ленин. В спорах о теоретическом введении к нашей партийной программе Ленин говорил: «Чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ними нет». Это—«книжное изложение финансового капитализма». «Описать такую систему это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную», и т. д. и т. п. (т. XIV, стр. 112, 114).

Значит, уже в отношении изучения империализма применение метода изучения строя в виде предельной абстракции дает уже некоторую «осечку». Прямое перенесение этого метода при изучении империализма уже дает по выражению Ленина «неверное обобщение», «систему, оторванную от жизни и неверную». Вспомним, насколько вредно теоретически и практически применение такого метода чистой абстракции в отношении единого мирового треста. Как безжалостно бичевал Ленин такую теоретическую «абстракцию»!

Ленин называл империализм «переходным» строем в условном смысле слова, так как в нем уже имелось соединение разных «начал»—монополии и свободной конкуренции, так как в нем уже наметился «переход» к какому-то новому общественному строю. В этом последнем между прочим об'ективная основа того, что империализм является кануном социалистической революции. Этот «переходный» характер империализма, очевидно, прежде всего служил причиной того, почему Ленин не считал возможным в отношении империализма изучение монополий, империализма в «чистом виде», оставляя в стороне широкую базу капитализма, колониальную периферию, неравномерность развития разных стран и т. д.

Теперь перейдем к проблеме изучения нашей экономики. Наше советское хозяйство является не переходным в условном смысле, как империализм, а доподлинно переходным. Все существо этой экономики состоит именно в переходе от империализма к социализму. Поэтому то ограничение, которое применимо в отношении метода предельной абстракции при изучении империализма, конечно, не менее действительно, если не более, в отношении нашей экономики. Плох был бы тот экономист, который построил бы такую теорию чистого переходного периода для нашей страны, в которую не были бы включены все основные элементы, составляющие этот переход. Вот тут мы и подошли к вопросу о том, является ли включение социалистического и мелкокрестьянского сектора вполне достаточным для учета в с е х о с н о в н ы х элементов перехода от капитализма к социализму в абстрактной теории нашей экономики. Мы думаем, что на этот вопрос нужно ответить отрицательно.

Так же, как и в отношении империализма применение абстрактной модели, в которую не включены все три уклада (монополии, капитализм свободной конкуренции, мелкотоварное и колониальное хозяйство), является в достаточной мере ограниченным и не дает возможности раскрыть все основные закономерности империалистической эпохи, так и в отношении нашей советской экономики изучение двухклассового общества не дает возможности обнаружить в с е х о с н о в н ы х закономерностей нашего движения к социализму. Иначе говоря, применение двухклассовой модели возможно даже в абстрактной теории, только в определенных границах.

В настоящей статье, конечно, мы не в состоянии наметить конкретно, где точно кончаются границы применения двухклассовой модели. Мы остановимся только на нескольких отдельных моментах и примерах, иллюстрирующих это положение. И для этого снова обратимся к сравнению с империализмом.

Можно ли, напр., разрешить теоретически проблему монопольной цены при империализме, если привлечь к анализу только момент монополии и отвлечься от капитализма свободной конкуренции и от мелкотоварного хозяйства? Каждый должен будет ответить, что нет. Ибо если взять чистую монополию, то никакой монопольной цены не будет, не будет цены вообще, ибо мы будем иметь организованное, хотя бы и в антагонистической форме, хозяйство. Но если взять только монополию и мелкотоварное хозяйство и абстрагироваться от капитализма «диких» или капитализма свободной конкуренции, может ли быть построена теория монопольных цен? Тоже не может, или может быть построена в высшей степени однобокая теория. Не будет конкуренции между трестами, между трестами и дикими и т. д. Будет один мировой трест, возвышающийся на хребте мелкобуржуазной стихии, т.-е. неверная картина империализма. Только если мы включим и капитализм свободной конкуренции, монопольные цены могут быть поняты в их своеобразии, ибо для империализма характерно не просто наличие монополий, но «соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии» (т. XIV, ч. 1, стр. 121). «Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,—существеннейшая особенность империализма вообще». (Там же).

Значит нельзя разрешить проблемы монопольной цены при империализме, не беря в с е т р и «уклада»: монополии, капитализм вообще и мелкотоварное хозяйство.

То же самое мы обнаружим, если возьмем проблему ультраимпериализма, войн, закон неравномерности развития при империализме. Попробуйте разрешить любую из этих важнейших проблем без привлечения трех «укладов», характерных для империализма. Жизненной, правильной теории не получится.

Могут сказать, что таким включением всех трех «укладов» мы смазываем специфическое в самом империализме, как особой стадии капитализма, забываем про коренные вопросы, определяющие существо империализма, превращаем империализм в «один из трех» укладов и т. д. Нужно сказать, что во время споров о партийной программе, кое-кто пытался в действительности выдвинуть такое обвинение в недооценке коренных особенностей империализма против Ленина. Ленин, дескать, изображает империализм, как некоторую незаметную «скорлупку» над старым капитализмом. Но такое обвинение, конечно, ни на чем не основано. Правильно, что «старый капитализм в целом ряде областей дорос до империализма». «Тенденции (капитализма) — только империалистические». «Нет ни одного крупного вопроса внутренней или внешней политики, который мог бы быть решен иначе, как с точки зрения этих тенденций» (т. XVI, с. 115). Все это безусловно правильно. Все это Ленин понимал гораздо больше, чем кто бы то ни было другой. И тем не менее Ленин всегда был против «мертвых абстракций», общих аргументов, т.-е. касающихся империализма вообще (т. XIII, с. 424), против «шаблонного употребления понятия империализма» (с. 440). И тем не менее Ленин со всей

силой подчеркивал: «Империализм есть надстройка над капитализмом». В действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма. Есть надстройка империализма, которая привела к войне, и из этой войны вытекло начало диктатуры пролетариата. Из этой фазы вы не выскочите. Этот факт характеризует самый темп развития пролетарской революции во всем мире и останется фактом на много лет». «В тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она изящна ни была» (т. XVI, стр. 115).

То, что говорил Ленин об империализме, о «разнородных частях действительности», о сложной «мозаике» «укладов» и т. д., имеет, конечно, отношение не только к империализму. Требование поменьше находиться в эмпиреях «чистых абстракций» относится, конечно же, в равной мере и к нашей переходной советской экономике. Не случайно Ленин, как видно и из уже приведенных цитат, увязывал так тесно вопрос о правильном понимании империализма с правильным пониманием закономерностей переходной экономики. Это переплетение высказываний Ленина по обоим вопросам в этот период споров о партийной программе настолько велико, что иногда буквально трудно даже разобраться, идет ли речь у Ленина об империализме или об экономике, совершающей переход от капитализма к социализму.

«В этой действительности как раз такой цельности (какую требовали некоторые в отношении программы.—*Б. Б.),* нет, — говорил Ленин. — Программа, составленная из разнородных частей — это, конечно, неизящно. Но с этим ничего не поделаешь. Из этой разнокалиберности, из этого построения из разного материала, как это ни неприятно, мы не выскочим в течение очень долгого периода. Когда выскочим, тогда создадим другую программу. Но тогда мы будем жить уже в социалистическом обществе» (XVI, с. 113).

«Выскочить из этой печальной действительности посредством создания гладкой и цельной программы, значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное, написать программу неверную... Тот капитализм, который был обрисован в 1903 г., продолжает оставаться и в 1919 г. в советской пролетарской республике как раз благодаря разложению империализма, как раз в силу его краха. Такой капитализм можно найти, напр., и в губернии Самарской и в губернии Вятской, не слишком далеких от Москвы». «Надо сказать то, что есть: программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное. Только тогда она—программа—марксистская». (т. XVI, с. 114)

«Чтобы быть международной, наша программа должна учитывать те классовые моменты, которые экономически характерны для всех стран. Для всех стран характерно, что капитализм в массе местностей еще развивается. Это верно для всей Азии, для всех тех стран, которые переходят к буржуазной демократии это верно для целого ряда частей России. Вот тов. Рыков, который в области хозяйства факты знает очень хорошо, сказал нам о новой буржуазии, которая у нас существует. Это правда. Она рождается не только из наших советских служащих — ничтожным образом она может нарождаться и оттуда—она нарождается из среды крестьянства и кустарей, освобожденных от ига капиталистических банков и отрезанных теперь от железнодорожного транспорта. Это факт. Каким же образом вы этот факт хотите обойти? Вы этим только тешите свои иллюзии, или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее. Она показывает нам, что в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как во всяком капиталистическом обществе» (XVI, стр. 132—133).

Как видно из всех этих приведенных мест, Ленин, так сказать, «заодно» нападал и на тех, кто в теории империализма, и на тех, кто в изображении советской экономики, пытались абстрагировать от базы капитализма.

Повторяем, мы считаем не случайной такого рода связь в высказываниях Ленина.

Резюмируя, следует отметить следующие моменты, которые делают необходимым обязательное включение в абстрактную теорию советского хозяйства, на ряду с двухклассовой абстрактной моделью, и трехклассовой абстрактной модели.

Во-первых. Мелкотоварный крестьянский сектор в течение продолжительного времени не может не порождать буржуазии и буржуазного способа производства. Мероприятия социалистического сектора по кооперированию и коллективизации сельского хозяйства не могут разом изменить мелкособственнический характер крестьянского хозяйства. Поэтому на продолжительное время нельзя не считаться с неизбежностью выделения «капиталистиков» и капиталистов из мелкобуржуазной стихии. В этом, между прочим, существенное отличие «второго» класса абстрактной модели нашего хозяйства, от «второго» класса в абстрактной модели капитализма. Класс рабочих в капиталистическом обществе не владеет средствами производства и не порождает из себя новый способ производства, отличный от капиталистического, вплоть до самой социалистической революции. Крестьянство, этот «последний капиталистический класс», неизбежно порождает из себя буржуазию, поскольку оно предоставлено само себе. Но этим самым, на ряду с двумя основными классами, в абстрактной теории вырастет и некоторая «дробь». От нее нельзя абстрагироваться.

Во-вторых. Техническая и экономическая отсталость нашей индустрии не дает нам возможности отказаться от «сотрудничества» буржуазии так быстро, как это будет возможно для более развитой страны, и ликвидировать ее питательную базу с такой же быстротой. Это особенно делает необходимым учет «дроби» в абстрактном анализе.

В-третьих, наконец. Строительство социализма происходит пока только в одной нашей стране. Это означает, что буржуазные элементы в стране опираются на поддержку всего мирового капитализма так же, как советская страна испытывает на себе огромное давление со стороны мирового капитализма.

И в отношении советской экономики, как и в отношении империализма, неправильно было бы по этому поводу сказать, что включением трехклассовой модели в «чистую» теорию советского хозяйства мы замазываем специфическое в советской экономике, союз между двумя основными классами — пролетариатом и крестьянством, как решающий момент. Совершенно правильно, что пролетариат и крестьянство являются основными решающими классами нашего общества, что именно отношение социалистического и мелкокрестьянского сектора прежде всего определяет генеральную линию нашего развития. И тем не менее, исходя из особенностей переходного хозяйства, мы не можем абстрагироваться в теории от «дроби» капиталистических элементов, от капитализма, постоянно порождаемых мелкособственнической средой. Конечно, развитие советской экономики со временем должно дать и даст решающий, абсолютный перевес сил социалистическому сектору промышленности и коллективистическому сектору сельского хозяйства. Тем самым «дробь» — капиталистические элементы — будет сведена до минимума. Равное действие может и должно произвести включение в советскую экономику ряда других передовых стран или всех стран вообще.

Но еще на большое количество лет абстрактная теория переходной экономики не сможет быть такой «цельной и гладкой», как этого некоторые хотят.

В. Карпинский.

О колхозах и кулаке[1]).

Обсуждение вопроса о массовой коллективизации и кулаке, начатое в «Сел.-Хоз. Газете» и в «Комсомольской Правде», развернулось на партконференции в очень оживленную дискуссию о колхозах и кулаке вообще. На этом вопросе останавливался т. Калинин в своем докладе и заключительном слове, этого вопроса касались почти все ораторы.

Спор разгорелся главным образом вокруг вопроса, возможно ли допускать в колхозы кулаков, и если возможно, то в каких случаях и нв каких условиях. Партконференция не дала по этому вопросу прямых директив. Но в резолюции о путях под'ема сельского хозяйства содержится указание о «всемерной поддержке инициативы перехода целых сел и деревень к коллективным формам труда» на основе машино-тракторных станций и колонн, массовой контрактации и при условии преодоления кулацкого сопротивления (гл. III, п. 5в). Таким образом, возможность оставления кулвков в коллективе при сплошной коллективизации целых селений не исключается, но не дается и прямого указания на этот счет. О возможности приема кулаков в небольшие колхозы обычного типа никаких указаний в резолюции не содержится.

Однако, мы имеем стврую партийную директиву, принятую XIV партконференцией, следующего содержания:

«В целях наибольшего охвата со стороны кооперации всех процессов хозяйственной жизни деревни необходимо предоставить **в с е м** слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации. Для обеспечения же руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства кооперативные организации **в с е х** видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов» (подчеркнуто мною. *В. К.*).

В соответствии с этой директивой, относящейся, несомненно, и к колхозам, приняты соответствующие постановления в советском порядке. Наконец, в последнее время ряд местных партийных организаций дал указания в смысле допущения кулаков в колхозы на определенных условиях, обезвреживающих их участие в коллективе.

Таково положение вопроса. Очевидно, необходима дальнейшая его разработка. Необходима тем более, что массовое развитие колхозного движения и обострение классовой борьбы в деревне требуют вполне конкретных указаний по вопросу.

Подойдем к вопросу прежде всего с принципиальной, теоретической стороны. Возражения против допущения кулаков в колхозы, примерно, таковы.

Кулак — наш классовый враг. Кулак ведет на нас наступление. Кулак жжет колхозы, убивает из обрезов колхозников. Кулак проникает в колхозы и взрывает их изнутри и т. д. Как можно даже ставить вопрос о допущении кулаков в колхозы, об «об'единении в колхозах двух антагонистических классов» и т. п. «Оппортунизм»! «Врастание»! «Правый уклон»!

[1]) В порядке обсуждения.

Как видим, обвинение формулировано достаточно четко. К сожалению, в нем, — как выразился т. Калинин на партконференции, — очень много «молодого задору», «затверженных на-зубок азбучных истин», много «шаблону и трафарету», но мало умения по-марксистски, по-ленински применить теорию к практике.

Ну, а как же все-таки с определенной партийной директивой, допускающей включение кулаков в коллективы? Правильна она или неправильна? Если правильна, тогда к чему же все эти «громы и молнии»? Если неправильна, то тогда почему эти товарищи молчали четыре года, не поспешили вразумить партию, что у нее есть кулацкая директива, основанная на «теории врастания»? Если эта директива устарела, была правильной в 1925, перестала быть правильной в 1929 году, то почему эти товарищи не попытались доказать нам это? Может быть, действительно в 1925 году, когда у нас почти не было тракторов и когда мы только что начинали бросать в деревню машины, — допущение кулаков в коллективы было правильной директивой? А теперь, когда в деревне более 30.000 тракторов, когда в деревне несколько десятков машино-тракторных станций и тракторных колонн, когда мы повысили в несколько раз производство с.-х. машин, — теперь, быть может, допущение кулаков в коллективы стало как раз совершенно неправильной директивой?

Наши оппоненты не дают никаких об'яснений на этот счет. Они обходят этот вопрос сторонкой. Они стараются лишь кричать как можно громче об «оппортунизме», тем только доказывая, что страдают «детской болезнью «левизны».

А между тем разбираемая директива покоится на прямых указаниях Ленина. Еще в марте 1918 года Владимир Ильич ставил вопрос о включении в кооперативные организации **в с е х** граждан, как о способе окончательного преодоления буржуазных элементов в советском обществе, перестраивающемся в социалистическое. Вот что он писал:

«Задача советской власти, **п о с л е** того, как буржуазия экспроприирована политически и экономически, состоит явным образом в том, чтобы **р а с п р о с т р а н и т ь к о о п е р а т и в н ы е о р г а н и з а ц и и н а в с е о б щ е с т в о**, чтобы **п р е в р а т и т ь в с е х г р а ж д а н д а н н о й с т р а н ы п о г о л о в н о в ч л е н о в о д н о г о о б щ е н а ц и о н а л ь н о г о и л и, в е р н е е, о б щ е г о с у д а р с т в е н н о г о к о о п е р а т и в а**... Какие практические, непосредственно осуществимые переходные меры нужны для этого, это — вопрос другой. **Н о н а д о я с н о о с о з н а т ь и н е п р е р е к а е м о р е ш и т ь, ч т о в с е д е л о т е п е р ь и м е н н о в э т о м п р а к т и ч е с к о м п е р е х о д е, ч т о п р о л е т а р с к а я г о с у д а р с т в е н н а я в л а с т ь д о л ж н а з а н е г о в з я т ь с я, в с я к и е р е ф о р м ы е г о н а о п ы т е п р о в е р и т ь и в о ч т о б ы т о н и с т а л о э т о т п е р е х о д о с у щ е с т в и т ь**». (Цитирую по «Правде», от 14 апреля 1929 г. Подчеркнуто мною. *В. К.*).

И в одной из своих последних статей, в статье всем известной, «О кооперации», Владимир Ильич точно так же прямо выдвигает задачу «полного кооперирования»: «достигнуть через нэп участия в кооперации **п о г о л о в н о в с е г о н а с е л е н и я**» (XVIII, ч. 2, стр. 141, 145).

Наряду с этим Ленин, само собой разумеется, не забывал и о классовой борьбе. Он находил «нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир» (та же статья «О кооперации»). Ленин много раз подчеркивал, что «классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы... классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы» (XVI, 354—355).

И тем не менее Владимир Ильич писал: «Чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно—два десятилетия». (XVIII, ч. 2, стр. 141—142).

Как же, товарищи, правильно все это или нет?

Быть может, теоретически это верно, но Ленин ошибся, поставив эту задачу на ближайшую историческую эпоху? Быть может, Ленин не предвидел возможности обострения классовой борьбы в деревне, а это обострение как раз и отменяет начисто всю установку Ленина в данном вопросе на ближайшую эпоху?

К сожалению, наши оппоненты и не пытаются прикоснуться к этой основной теоретической установке ленинизма в вопросе о кооперировании в переходную к социализму эпоху. Но *мы на эту установку именно и опираемся*. Перед нашими оппонентами на выбор два выхода: либо отказаться от обвинений нас в «оппортунизме», в уклоне от партийной линии, от ленинизма в данном вопросе, либо попробовать заняться ревизией ленинизма в этом вопросе.

Едва ли есть надобность доказывать, что Владимир Ильич, составляя свой кооперативный план, конечно, *предвидел* возможность обострения классовой борьбы, усиления сопротивления со стороны разбитой, но еще не уничтоженной до конца буржуазии. Можно, напр., указать, что Ленин в набросках о диктатуре пролетариата, написанных во второй половине 1919 или в начале 1920 года, ставил одной из основных задач советской власти «*подавление сопротивления эксплоататоров и всякого рецидива, возврата к капитализму и к капиталистическим традициям*» («Ленинский Сборник», III, 494). И в то же, приблизительно, время Владимир Ильич выдвинул свою мысль о поголовном кооперировании всего населения.

Противоречие? Нет, нисколько!

Взятый нами со введения нэпа и совершенно необходимый, при переходе и для перехода к социализму, общий курс на охват кооперативными организациями всего населения нисколько не отменяет ни подавления эксплоататоров вообще, ни самого решительного отпора попыткам их вернуться к «капиталистическим традициям». Этот курс нисколько не исключает временного обострения классовой борьбы. Более того: именно успешное осуществление этого курса, ведя к обобществлению процесса распределения и производства в среде мелких производителей, как раз и вызывает усиленное сопротивление сохранившихся в нашем строе мелких капиталистов.

Обратно: временное обострение классовой борьбы (наступившее теперь в деревне) нисколько не отменяет общего курса на кооперирование всего населения на основе нэпа. Более того: именно это усиленное сопротивление кулацких элементов нашей политике требует от нас особенно настойчивого и усиленного развертывания работы по кооперированию, ибо только осуществление ленинского кооперативного плана в корне решит вопрос о буржуазии в нашем Союзе. И само собой разумеется, что развертывание работы по кооперированию, вплоть до включения всех граждан, отнюдь не должно означать какого-то примирения с кулацкими элементами, — наоборот, оно должно происходить *на основе дальнейшей классовой борьбы с ними*, но только в иных формах, иными методами.

Обратимся теперь к теории «мирного врастания». Основные ее черты таковы.

Любое крестьянское хозяйство заинтересовано в развитии кооперации всех видов. Возможны кооперативы бедняцкие, середняцкие, кулацкие. Основную массу крестьянских кооперативов составят организации трудового типа. Но *и кулаки организуют свои особые кооперативы* по

сбыту, снабжению, кредиту, производству, возможно, даже свои банковские организации и постараются сделать их своими опорными пунктами. Однако кооперативы трудового типа, при поддержке пролетарского государства, получат преобладающее распространение, они будут врастать в систему государственных организаций, будут становиться ячейками единого социалистического хозяйства. *Кулацкие кооперативы*, хотя и останутся до известной степени чужеродным телом, но *точно так же будут врастать в ту же систему единого социалистического хозяйства* главным образом через посредство наших кредитных органов. Окончательное преодоление кулацких элементов, врастающих в нашу социалистическую систему, вполне обеспечено наличием в руках пролетариата экономических «командных высот» и более быстрым ростом социалистического сектора по сравнению с частным сектором.

Достаточно напомнить эту «теорию врастания», чтобы сразу уловить существенное отличие ее от ленинского кооперативного плана. Ленин, действительно, считал, что кооперация при советской власти может и должна стать путем к социализму для крестьянства, в отличие от кооперации в капиталистических государствах. Но Ленин имел в виду *бедняцко-середняцкую* кооперацию. Он советовал «научиться практически строить социализм так, чтобы всякий *мелкий* крестьянин мог участвовать в этом построении» (XVIII, ч. 2, 140). Ленину была совершенно чужда мысль об особых кулацких кооперативах, «врастающих в социализм» через систему советских государственных органов. «Теория врастания» полагает, что советская власть будет относиться терпимо к возникновению особых экономических организаций капиталистической верхушки крестьянства, а эта верхушка будет пользоваться своими организациями, своими накоплениями не для борьбы с советской системой, а для сращивания с нею подобно тому, как в капиталистических государствах кооперация срастается с капиталистической системой. Эта мысль как нельзя более чужда ленинизму. Это было бы возможно только при прямом вырождении советской системы в буржуазную. Ленин тысячу раз нам твердил, что ни завоевание власти пролетариатом, ни наличие в его руках экономических «командных высот» *отнюдь не отменяет классовой борьбы*, а только дает пролетариату новое оружие, новые методы для продолжения классовой борьбы вплоть до полного преодоления буржуазных элементов и переустройства советского общества в бесклассовое, социалистическое. «Теория врастания» *выхолащивает из ленинского кооперативного плана классовую борьбу*, допускает включение кулацких хозяйств в советскую кооперативную систему *на основе классового соглашения с особыми кулацкими организациями*. Ленинский план допускает включение кулацких элементов в общие кооперативные организации *с подавляющим бедняцко-середняцким большинством в них, на основе продолжающейся классовой борьбы с этими элементами*,—допускает, *как один из способов их окончательного преодоления*.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что ни обострение классовой борьбы в деревне, ни наше отрицательное отношение к теории врастания не дают нам никаких оснований к ревизии ленинского кооперативного плана и основанных на нем партийных директив с принципиальной стороны.

Но принципиальный спор занял в дискуссии лишь небольшое место. Главное внимание было уделено практической стороне вопроса.

Два обстоятельства придают исключительно важное практическое значение вопросу о колхозах и кулаках в настоящее время. С одной стороны,— *обострение классовой борьбы в деревне*, усиление сопротивления кулачества социалистическому строительству вообще, колхозному

в особенности. С другой стороны—наше усиленное наступление на кулачество и в ряде мест наш весьма серьезный успех в этом наступлении, подрывающий самые корни эксплоататорского слоя деревни.

В основе усилившегося сопротивления кулачества лежит несколько возросшая за годы нэпа экономическая сила кулацких хозяйств (увеличившиеся средства производства, хлебные запасы и т. п.). Кулачество искусно пользуется своими возросшими экономическими возможностями для попыток срыва государственного регулирования, нашей политики цен и проч. Недостаток в Союзе товарного хлеба усиливает позиции кулака, а наше наступление особенно обостряет борьбу.

В основе нашего усиленного наступления на кулачество лежит весьма значительно выросшая экономическая мощь пролетарского государства, давшая возможность укрепить наши позиции в деревне, завязать новые, производственные связи с бедняцко-середняцкой массой и приступить вплотную к разрешению, по словам Ленина, основной задачи Октябрьской революции,—«созданию таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» (XV, 198). Отсюда—вся ярость кулацкого сопротивления.

В общем вопрос о колхозах и кулаках превратился сейчас, очевиднейшим для всех и острейшим образом, в вопрос о том, каким путем пойдет дальше деревня: социалистическим или капиталистическим?

Перед лицом этого основного факта дискуссия обнаружила полное единодушие. Ни малейших «примирительных» тенденций. Продолжение и усиление классовой борьбы с кулачеством по всем линиям и всеми способами. Дальнейшее вытеснение капиталистических элементов деревни со всех их позиций. Необходимая перестройка рядов и изменение методов борьбы со стороны всех наших органов и организаций. Широчайшая мобилизация пролетарских рядов для сплочения и руководства борьбой бедняцко-середняцких масс против кулачества.

В части практических директив, вытекающих из такой оценки положения, необходимо подразделить колхозные организации на два разряда. Первый: подавляющая масса существующих и вновь возникающих небольших колхозов, организуемых обычно путем выделения из деревни группы дворов. Второй: крупнейшие коллективы, организуемые путем перехода к коллективным формам труда целых деревень.

По отношению к небольшим колхозам обычного типа общее мнение таково, что в такие колхозы кулаков допускать не следует. Наоборот, необходимо провести решительную чистку колхозов от кулацких элементов и ликвидацию тех из них, какие окажутся лжеколхозами. Необходимо всемерно облегчить доступ в колхозы бедноте и батрачеству, чтобы усилит в них наиболее надежный в классовом отношении элемент. Необходимо усилить руководство колхозами и обобществление в них средств производства, отраслей хозяйства, труда и быта, дабы уменьшить и устранить возможности внутреннего разложения и перерождения колхозов в предприятия с эксплоататорскими тенденциями.

Такова должна быть общая линия партии в колхозном движении. Лишь в отдельных случаях, в порядке исключения из общего правила, возможен прием кулака, но при следующих непременных условиях: 1) при строгом соблюдении требования закона о том, что ни в учредители, ни в выборные органы колхозов кулаки не допускаются; 2) при обеспечении подавляющего большинства и твердого руководства за беднотой и середняками; 3) при сдаче кулаком своих средств производства в обобществленные, еще лучше—в неделимые фонды колхоза.

Так, примерно, формулируют основные и непременные ограничительные условия для приема кулаков все товарищи и некоторые парторганизации, уже давшие соответствующие директивы.

Однако этим вопрос далеко не исчерпывается. В колхозном движении за самое последнее время возникло новое явление, мимо которого никак пройти нельзя. Это—сплошная коллективизация целых деревень и даже групп деревень на основе машинно-тракторной базы, тракторных станций и колонн.

В РСФСР этой весной работают уже 46 тракторных колонн, организованных сел.-хоз. кооперацией. Они берут под сплошную обработку от 3 до 23 деревень в каждом массиве. На Украине к настоящему времени уже образовалось 208 коллективов путем сплошной коллективизации целых деревень. В Тульской губернии коллективизируется целый Воловский район со всеми деревнями, со всей землей в количестве 83.580 га и с населением свыше 60.000 человек. Район делится на 14 гнезд, по 5—7 тыс. га в каждом, во главе движения идут существующие крупные колхозы—«Красивомеченское т-во», коммуна «Авангард» и др. В основу коллективизации кладутся машинно-тракторные станции и индустриальные предприятия по переработке с.-х. продуктов.

Достаточно этих примеров, чтобы понять, что мы подошли к новому этапу в колхозном движении, что мы нашли новые способы массовой коллективизации деревни. Глубоко неправильно изображать дело так, будто кулак везде и всюду наступает, а наши органы обороняются, колхозы обороняются, распадаются, вновь возникают и если чем берут, то исключительно своим массовым стихийным ростом и поддержкой власти. Колхозы в общем уже окрепли. В целом ряде мест колхозное движение, в лице крупнейших машинизированных колхозов, уже перешло в решительное наступление на кулачество широким фронтом. Материальную основу для такого наступления создала наша машиностроительная индустрия. А возможность подвести машинно-тракторную базу под колхозы изменяет самый характер колхозного движения, ставит по-новому и вопрос о борьбе с кулаком при организации крупнейших колхозов.

Правда, тракторов и других крупных машин у нас еще очень и очень недостаточно. Колхозное движение в основном идет еще по старому руслу организации сравнительно небольших колхозов на базе живой тяговой силы и мелкого или среднего машинного инвентаря, реже—единичных тракторов. Но все же мы имеем уже сотни случаев сплошной коллективизации целых деревень, и практика требует определенного разрешения в ту или иную сторону вопроса о кулаках: оставлять или нет кулаков в таких коллективизирующихся деревнях? Неправы те товарищи, которые считают, что вопрос этот «надуман», «искусственно заострен» и т. п. В корне неверно. Вопрос выдвинут самой жизнью. Уклониться от его разрешения невозможно. Наоборот. Чем больше будет проникать в деревню крупная машина, трактор, тем больше возможностей будет для организации машинно-тракторных станций и колонн, тем чаще будут случаи сплошной коллективизации целых деревень, групп деревень и целых районов, и тем настоятель-

нее будет требовать своего разрешения вопрос о кулаках при такой сплошной коллективизации.

Дискуссия наметила два способа его разрешения. Первый: кулаков оставлять в коллективизирующейся деревне при соблюдении определенных условий. Второй: кулаков исключать. (О промежуточных способах, сводящихся к предложению отложить вопрос до массовой или повсеместной организации машино-тракторных станций, говорить нет смысла).

Какие же аргументы у противников оставления кулаков?

Главный аргумент состоит в том, что, оставляя кулаков, мы тем самым, будто бы, прекращаем классовую борьбу с ними, заключаем с ними сделку, вводим в социалистическую ячейку классового врага, не разоружив его, не лишив этого врага материальных возможностей бороться с нами и причинять нам вред. Отсюда предложение исключать кулаков из коллективизирующейся деревни, продолжать с ними борьбу вне организуемого коллектива на почве соревнования крупного коллективного предприятия с мелкими капиталистическими, подрывать таким образом экономические корни кулацкой эксплоатации, уничтожать кулацкие хозяйства как таковые и только после этого ставить вопрос о приеме кулаков в коллективы.

Правильна ли эта аргументация? В корне неправильна. Во-первых, никто из товарищей, выступавших за возможность оставления кулаков при сплошной коллективизации при соблюдении определенных условий, не ставил вопроса так, что это должно означать прекращение борьбы с кулаками. Наоборот, все эти товарищи подчеркивали, что оставление кулаков они не мыслят себе иначе, как в форме продолжения борьбы с кулаками в целях окончательной победы над ними. Здесь со стороны наших оппонентов явный перегиб, полемическое искажение взглядов противника.

Но со всей серьезностью мы должны рассмотреть такой вопрос: может быть, оставление кулаков, несмотря на ставящиеся при этом цели борьбы с ними, тем не менее, в силу об'ективных условий, неизбежно должно повести лишь к вредным последствиям, к смазыванию, к прекращению борьбы с кулаками?

Нет, и это в корне неверно. Возможно, конечно, извращение всякой правильной директивы, даже при самых благоприятных для ее выполнения условиях. Но в общем именно наличие солидной машино-тракторной базы, какую мы выдвигаем непременным условием оставления кулаков при сплошной коллективизации, как раз и создает обстановку, обеспечивающую в основном дальнейшую успешную борьбу с кулаками.

На самом деле. Оставляя кулаков, мы включаем их надельную землю в обобществленный клин. Это—раз. Но что гораздо важнее—мы включаем также в обобществленный клин и всю ту землю, которую кулаки до того арендовали у бедноты и маломощных. Т. е. кулацкую эксплоатацию за счет земли, в пределах земельной площади данного селения или селений, мы полностью ликвидируем. Это—два. Обрабатывая общественным инвентарем земли бедняков и маломощных, мы делаем почти невозможной, в пределах данного земобщества, кулацкую эксплоатацию за счет сдачи в наем лошадей и машинного инвентаря. Это—три. Обусловливая в договоре сдачу государству или кооперации части продукции в покрытие расходов по содержанию тракторной станции или колонны и в накопление средств на расширение дела, обусловливая в договоре коллективную реализацию по крайней мере части остальной продукции,—мы тем самым значительно сокращаем для кулаков возможности спекуляции хлебными излишками. Это—четыре. Обобществляя полностью всю землю, мы радикальным обра-

зом разрешаем все вопросы землеустройства и ряд связанных с ним агротехнических вопросов. Это—пять. Наконец, мы подчиняем кулаков непосредственному производственному и иному контролю коллектива.

Ниже мы разберем, насколько эта благоприятная для борьбы с кулаком обстановка изменяется в худшую сторону в случае исключения кулаков из коллективизирующейся деревни. А пока заметим, что единственным отрицательным условием при оставлении кулаков является предоставление им права голоса на собраниях коллектива, — конечно, с теми ограничениями, какие законом для них установлены. (Само собой разумеется, что общие мероприятия нашей классовой политики в деревне сохраняют свою силу).

Огромное положительное значение перечисленных выше обстоятельств явным образом недооценивают товарищи, возражающие против оставления кулацких дворов. Они не видят и не понимают, что одно дело—небольшой колхоз, об'единяющий на нескольких десятках гектаров несколько лошадей и орудий или даже имеющий один-два трактора. Такой колхоз должен еще отстаивать свое право на существование в борьбе с крепким кулацким хозяйством, и нередко это ему, такому колхозу, удается лишь с большим трудом. Но совсем другое дело — крупное коллективное предприятие, об'единившее в себе многие сотни и тысячи дворов на основе машино-тракторной базы. Тут решающий перевес сразу получает такой колхоз-гигант. Вот чего не могут понять товарищи, опасающиеся оставления кулаков в таких случаях.

Разумеется, возможны ошибки и недочеты при организации этого дела, на которых кулаки и могут выехать. Никак нельзя начинать такое дело без предварительной самой тщательной подготовки и обеспечения за собой твердой поддержки всей бедняцко-середняцкой массы. Лучше браться за него пока только в тех деревнях, где есть крепкие парт'ячейки, где хорошо налажена работа советских органов и общественных организаций, где уже есть ряд колхозов и проч. И, повторим еще раз,—при непременном условии машино-тракторной базы.

Полным непониманием существа дела является тот довод, что, дескать, кулак никак не пойдет на «самораскулачивание», что ожидать этого—значит сеять иллюзии, что у класса могут быть только отдельные перебежчики, что это «белые вороны» и т. п. Рассуждения эти прямо смехотворны. Какое тут «самораскулачивание», когда факт организации машино-тракторной базы отнимает у кулака основные возможности эксплоатации! Какие тут «иллюзии» насчет «самораскулачивания», когда очевиднейшим для всякого непредубежденного человека образом «раскулачивает» кулаков крупная машина—трактор, подрезая корни кулацкой эксплоатации! Какие там «белые вороны», когда речь идет о целом социальном слое, начинающем терять возможности дальнейшего эксплоататорского существования!

Мы нисколько не закрываем глаза на то, что,—как это отмечал и докладчик на партконференции т. Калинин, — оставление кулаков в деревне при сплошной ее коллективизации сопряжено и с отрицательными сторонами. При организации общественной обработки земли на основе машино-тракторной базы не происходит еще сразу полного обобществления всех средств производства, всех отраслей хозяйства. За это еще надо бороться. Средства производства остаются у кулаков и притом — лучшие средства из числа крестьянских (лошади, коровы, строения, семенные и продуктовые запасы и т. п.). Некоторые возможности эксплоатации этих средств с целями наживы остаются у кулаков. Например, сдача в наем лошадей, как вспомогательной силы к механической тяге базы, сдача помещений, переброска средств в животноводство, спекуляция хлебом и т. д. Нужно найти способы ограничить и уничтожить эти возможности, что вполне осуществимо при

оставлении кулаков и контроле над ними коллектива. Само собой разумеется, что кулаки, будучи оставлены в коллективизировавшейся деревне, окажут всяческое сопротивление дальнейшему обобществлению средств производства и труда, что они попытаются вообще всеми мерами развалить дело. Но никто ведь и не утверждает, что на этой первой стадии борьбы за обобществление все дело и кончается. Наоборот, борьба будет продолжаться, ее надо продолжать до полной победы. Возможны и частичные неудачи, как во всякой борьбе. Но важно установить, что наличие машино-тракторной базы, при надлежащей организационной постановке дела, в основном обеспечивает нам успех и создает новые громадные возможности массового наступления на кулачество.

Посмотрим теперь, какое положение получается при противоположном решении вопроса. Главный вопрос тогда — как же быть с кулаками, если их исключать из земобщества при его сплошной коллективизации? Надо признать, что на этот вопрос сторонники исключения кулаков не дают ясного ответа. Практически же возможны три способа его разрешения. 1) Выселение на отруба, т.-е. оставление кулацких усадеб на месте с выделением им земель в одном общем клину. 2) Выселение на хутора, т.-е. полное выделение из деревни с отводом для каждого хозяйства отдельного участка. 3) Выделение кулаков в отдельный кулацкий поселок. Других способов землеустройства выделяемой из деревни части хозяйства ни наш закон, ни наша практика не знают. Предложения согнать кулаков с земли вовсе или переселить их на пустующие окраины либо на необитаемый остров мы не слышали. Наши указания на явную неудовлетворительность каждого из этих способов и на прямое противоречие их с партийными директивами не встретили никаких опровержений. Сторонники исключения кулаков, видимо, склоняются к отрубам,—так по крайней мере можно заключить из их невнятных ответов на прямо поставленный вопрос. Посмотрим, что означает это разрешение вопроса (или любое из остальных двух).

Во-первых, земля остается у кулаков в частном пользовании. Во-вторых, наличие частного землепользования, вклинивающегося между коллективизирующимися деревнями создает ряд серьезных агротехнических затруднений (холостые перегоны машин, борьба за сортовые посевы, борьба с вредителями и т. п.). В-третьих, сами кулаки остаются в деревне (или вблизи нее), что, следовательно, нисколько не улучшает дела в смысле обеспечения от возможного вредительства со стороны кулаков и вообще ослабления кулацкого влияния. В-четвертых, все средства производства кулаков (включая и землю) и вся продукция их хозяйств не только остаются в полном частном распоряжении кулаков, но, кроме того, исключаются из-под контроля со стороны коллектива, и у коллектива отнимаются возможности дальнейшего вовлечения их в кооперативный оборот.

Все эти обстоятельства имеют явно отрицательное значение и только затрудняют борьбу с кулачеством. Положительное значение (как и при оставлении кулаков) остается за из'ятием арендных (бедняцко-середняцких) земель у кулачества и за обработкой этих земель общественным инвентарем. Единственная выгода, получаемая специально от исключения кулаков, состоит в том, что кулаки формально лишаются права присутствовать и выступать на собраниях перешедшего на коллектив земельного общества. (Но в деревенских условиях это, конечно, не лишает еще кулаков возможности выступать и вообще влиять на дела коллектива, а права решающего голоса они все равно лишены даже на собраниях земельного общества). В общем предложение исключать кулаков практически сводится к тому, чтобы—по справедливому замечанию т. Беленького,—при обобществлении индивидуальных хозяйств целыми деревнями «на деле не трогать кулацких

индивидуальных хозяйств». Точнее говоря: нам предлагают, сохраняя для кулацких хозяйств возможности эксплоататорского существования и не подчиняя их непосредственному производственному контролю, бороться с ними исключительно путем соревнования, каким обычно борется крупное производство с мелким.

Эта точка зрения выражена особенно ярко, доведена до абсурда одним из сторонников метода исключения, который, соглашаясь на «обработку кулацкой земли тракторными колоннами за соответствующую плату», решительно возражает против «включения кулаков в уставные колхозные об'единения». Что означает на деле это предложение предоставлять обобществленный инвентарь к услугам изолированных кулацких хозяйств? Не что иное, как абсолютно ничем не оправдываемое освобождение частного кулацкого инвентаря для эксплоатации его на стороне при одновременном отказе от какого-либо контроля над этими кулацкими хозяйствами!

Мы считаем, что исключение кулаков при сплошной коллективизации приводит лишь к явному ограничению мер и способов борьбы с кулачеством, к сужению размаха этой борьбы. Такой результат ничего неожиданного не представляет, раз люди, хотя бы и с весьма левыми лозунгами на устах, не умеют применить их на практике, раз по сути дела они отступают перед трудностями новых форм борьбы и, вместо развертывания дальнейшего наступления, остаются на старых позициях или плетутся в хвосте событий.

В настоящий момент, когда мы только что приступили к сплошной коллективизации целых деревень, когда мы только еще налаживаем массовое производство тракторов и прицепок, практика не дала еще нам достаточно материала, чтобы выработать вполне точные конкретные директивы по вопросу, охватывающие всю массу случаев. Следует испробовать и проверить на опыте всевозможные способы разрешения задачи. Мы не исключаем и возможности выделения кулаков на отруба, как худшего способа, который может оказаться, однако, необходимым в известных случаях. Заслуживают всяческого внимания практические предложения, направленные к тому, чтобы, после включения кулацкой земли в общественную обработку, ограничить возможности использования частного инвентаря с целями наживы, провести дальнейшее обобществление производства и труда, увеличить обобществленные фонды коллектива, ввести отчисление в них прибылей и внесение паев натурой и деньгами, создать неделимые фонды, коллективизировать полностью сбыт и снабжение и т. д.

Общая же директива по данному вопросу может быть формулирована пока так. Всемерно поддерживать инициативу перехода целых деревень к коллективным формам труда. Проводить сплошную коллективизацию деревень с оставлением в них кулацких хозяйств лишь при следующих условиях:

1) при наличии солидной машино-тракторной базы;

2) при наличии в данном месте достаточно крепких парт'ячеек и хорошо налаженной работы советских органов и общественных организаций и не иначе, как обеспечив себе твердую поддержку всей бедняцко-середняцкой массы;

3) разрешать всю эту задачу не путем примирения с кулачеством, а путем продолжения, усиления борьбы с ним старыми и новыми методами во время организации коллектива и после его основания, путем развертывания наступления на кулачество сплошным бедняцко-середняцким фронтом.

Э. Бронштейн.

Проблема безработицы в пятилетнем плане.

Аграрное перенаселение—основной источник безработицы СССР.

Безработица СССР—преимущественно городская безработица. По данным переписи ВЦСПС число безработных в городах составляет 80% всей массы безработных. По данным демографической переписи — 86%. Однако при изучении безработицы в ее динамике нельзя рассматривать город изолированно. Общеизвестно, что город подвергается постоянному напору со стороны аграрно-перенаселенной деревни, которая по мере расширения «отходных каналов» (Маркс) выявляет свои скрытые резервы рабочей силы. В течение восстановительного периода каналы эти были особенно широки, и число переселившихся из деревни в город составило значительную величину (около 3 млн. за период между двумя переписями по Европейской части СССР).

Аграрное перенаселение — явление, унаследованное советской системой хозяйства от дореволюционного социального уклада деревни. Форсирование индустриализации, поднятие крестьянского хозяйства, его коллективизация,—одним словом, вся система советской экономической политики, ставящей себе целью максимально быстрый рост производительных сил страны, является вместе с тем наиболее действительным средством борьбы с аграрным перенаселением. Но само собой разумеется, борьба эта не может быть завершена в течение немногих лет, а потому на протяжении ближайшего пятилетия нам приходится считаться с аграрным перенаселением как неоспоримым фактом.

Каков размер аграрного перенаселения СССР? Различные исследователи дают различные ответы на этот вопрос, в зависимости от источника и методов учета. Так, по данным С. Г. Струмилина, количество избыточного населения деревни составляет в 27/28 г. 8 млн.; Н. Огановский в 1924 г. исчислил размер аграрного перенаселения в 19,9 млн.; исчисление Л. И. Лубны-Герцика дает для 1923 года по 4-м районам 7—10 млн. избыточного населения. Госплан УССР определил в 1925 г. в 6—7 млн. количество избыточного населения по Украине. Исследователи довоенного времени называли еще более крупные цифры, характеризующие аграрную перенаселенность нашей деревни.

Однако при изучении городской безработицы для нас не столь важен размер скрытой безработицы деревни, сколько перспективы превращения скрытой безработицы в явную, размер отхода избыточного сельского населения в города.

Изучение материалов отдельных районов о размере аграрного перенаселения в сопоставлении с размерами отхода в города показывает, что решающую роль в деле стимулирования отхода играет наличие в районе промышленных центров тяготения.

В самом деле на 100 душ населения отход составляет:

ЦПО	Вятск. р.	ЦЧО	Зап. р.	Урал	С. Кавк.	Сибирь	Казакстан
58,7	38,0	29,0	29,0	23,9	7,9	6,4	4,2

По сравнению с этим главным фактором влияние диференциации деревни совершенно стушевывается. Как видно из нижеследующей таблицы, показатели расслоения деревни для районов с ничтожным отходом (Сибирь, Сев. Кавказ и Казакстан) выше, чем для районов с большим отходом.

Распределение районов по размерам средств производства и степени расслоения [1]).

Районы	Число хозяйств со стоимостью средств производства на 1 хоз-во (в %% к итогу).					Число хоз-в, нанимающ. рабсилу на ср. св. 50 дн. в %% к итогу
	0—200 р.	200—400 р.	400—800 р.	800—1600 р	Свыше 1600 р.	
Казакстан	59,0	25,7	16,0	6,1	1,3	1,84
Сев. Кавказ	35,5	18,5	23,1	16,1	6,8	6,07
ЦЧО	29,1	26,1	31,2	11,8	1,9	1,15
Урал	28,3	31,7	28,9	9,8	1,3	5,27
Сибирь	25,0	28,0	29,7	14,5	2,8	7,31
Западн.	20,9	33,8	33,8	14,7	1,8	2,84
ЦПО	20,5	23,2	37,4	16,4	2,5	1,46
Вятский	19,5	35,7	35,4	8,8	0,6	1,24

Каким темпом пойдет рост городов в предстоящем 5-летии?

Анализ вышеприведенных данных показывает, что перспективы механического роста городов нужно ставить в связь с перспективами роста индустрии, с размером спроса на рабочую силу со стороны городов. Эта взаимозависимость, установленная Марксом для капиталистического общества, должна тем исключительнее проявляться в СССР, что здесь отталкивающие силы деревни относительно слабее. Как уже было отмечено выше, система советской сельскохозяйственной политики является фактором, существенно смягчающим давление избыточного населения деревни на город. В этом же направлении будут действовать предполагаемое в течение пятилетия упорядочение организации найма рабочей силы и повышенное требование к ее качеству.

Исходя из всего вышеизложенного, Госплан запроектировал меньший темп роста городов, чем имели до настоящего времени, снизив его с 4,7% в 1927 году до 3,6% в 1932—33 году. В среднем за все пятилетие города растут на 4% (округленно) в год при росте населения на 2,3% ежегодно. Механический рост городов составляет в среднем 780 тыс. за пятилетие вместо 798 в 1928 году. Все население городов по отправному варианту растет за пятилетие на 20,8% или на 5,8 млн. чел. в абсолютном выражении, а по оптимальному варианту на 22,6% или 6,3 млн. абсолютно. Сельское население растет на 9,8% за все пятилетие по отправному варианту и на 9,4% по оптимальному. Опережение роста городского населения приводит к изменению соотношения между городским и сельским населением к концу пятилетия.

	1928 г.	1933 г. Отправн.	1933 г. Оптимальн.
Все население	100	100	100
Городское	18,4	19,9	20,2
Сельское население	81,6	80,1	79,8

Приведенные выше цифры красноречиво говорят о той роли, какую играет деревня в образовании трудовых ресурсов города. Если городское населеня растет за пятилетие в среднем за год на 4%, то из них на долю деревни приходится 2,3%, а на долю города 1,7% (в порядке естественного движения населения). Из 3,6 млн. прироста городского работоспособного населения по отправному варианту на долю деревни приходится 2,4 млн.

[1]) Матер. дин. обслед. ЦСУ от 1927 г.

По оптимальному варианту прирост городского населения в работоспособном возрасте составляет 3,9 млн., в т. ч. 2,7 млн. из деревни.

Различие темпов роста городского и сельского населения сопровождается различием возрастной структуры городского и сельского населения. В то время, как работоспособное население (в возрасте 16—59 лет) составляет среди сельского населения 52% (округленно), процент этот среди городского населения поднимается до 63 (округленно). Такое различие коэффициентов об'ясняется относительно высоким удельным весом работоспособного населения среди всего населения, притекающего из сельских местностей; по исчислениям Б. Н. Бобынина указанная возрастная группа составляет 72% в общей массе притока из деревни.

Такие значительные темпы роста городского населения капиталистические страны знали лишь в начальный период своего промышленного развития: Англия—в XVIII веке, Германия—в XIX веке. Крупные города Германии росли за период 1871—1885 гг. на 5,99% ежегодно. В 1885—1900 гг.—на 4,91% ежегодно, в 1900—1905 гг.—на 4,76%. Все города Германии в 80-х годах давали 2,7% роста ежегодно. У нас нет массовых статистических данных о росте городов Англии периода XVIII в., но те отрывочные данные, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о чрезвычайно бурном росте городов. Так, за период 1740—1801 гг. город Бирмингам увеличил свое население с 25 тыс. до 73, т.-е. втрое. Манчестер в 1727 г. насчитывал 9—10 тыс. жителей, через 50 лет (1777 г.) в нем жило уже 20 тыс., в 1790 г.—50 тыс., в 1800 г.—95 тыс. (удвоение за десятилетие).

За последнее время рост городского населения в капиталистических странах замедлился, достигая в среднем за год [1]:

		Население всех городов	В т. ч. больших городов
Для Германии	1919 — 1925 гг.	1,05	2,83
„ Англии с Уэльсом	1901 — 1911 „	1,04	1,77
„ Соедин. Штатов .	1910 — 1920 „	2,56	3,05

Мы остановили внимание читателя на проблеме роста городов, так как в свете этой проблемы процесс превращения скрытого аграрного перенаселения в явную безработицу выступает со всей очевидностью.

Характерные черты советской безработицы.

Характерные особенности советской базработицы выступают с особой рельефностью при параллельном анализе корней безработицы в капиталистических странах и у нас. Известно, что крупные капиталистические страны насчитывают значительное количество безработных, увеличивающееся за последние годы в связи с проводимой рационализацией с головокружительной быстротой.

Безработица в Германии, насчитывавшая в 1925 г. в месяцы наибольшего под'ема безработицы (декабрь—апрель) 40—500 тыс. человек, достигает в 1926 г. за соответствующие месяцы 1½—2 млн. чел., удерживаясь на этом уровне почти весь 1926 год и начало 1927 года. Последние месяцы 1927 г. дают некоторое снижение безработицы, доходя до 600.000 в декабре. Зимние месяцы 1928 года опять дают рост до 1—1,3 млн., а в январе—марте 1929 г. число безработных поднялось до 2—2,6 млн. [2]). Еще более резкое повышение безработицы имеет место в САСШ. Систематический учет безработицы в САСШ не ведется, но по исчислению самих американцев число безработных достигает 4 млн. чел.—при чем больше половины падает на так

[1]) «Wirtschaft und Statistik» № 9, 1926 г.

[2]) Эти данные надо считать преуменьшенными, так как источником их являются материалы органов страхования, неполностью охватывающие трудящихся по найму.

называемую «структурную» безработицу, являющуюся следствием реконструкции, в отличие от «кон'юнктурной», связанной с сезонными колебаниями и цикличностью развития капиталистического хозяйства.

Об абсолютном снижении рабочей силы в САСШ свидетельствуют следующие данные:

Индексы продукции и индексы занятости рабочей силы обрабатывающей промышленности САСШ[1]).

Годы	Физический об'ем продукции	Рабсила
1923	100	100
1924	93,0	90,3
1925	104,1	91,2
1926	107,0	91,9
1927	105,0	88.5
1928	110,0	86,1

Надо оговорить, что в торговом аппарате и обслуживающих отраслях наблюдается обратный процесс; там число занятых лиц растет, однако, не настолько, чтобы поглотить громадные резервы рабочей силы, образующиеся в результате естественного прироста населения и абсолютного сокращения количества индустриального и сельскохозяйственного пролетариата.

Реконструкция промышленности в условиях здорового, бескризисного развития социалистического хозяйства СССР никогда не может привести к таким результатам, к каким приводит капиталистическая рационализация.

Маркс писал: «Если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в теперешнем его масштабе». Политика советской власти в области труда предусматривает все вышеприведенные Марксом моменты. Ограничение женского труда и труда подростков было введено с самого начала возникновения советской власти. На протяжении ближайшего пятилетия, в виду расширения сети учебных заведений и создания социализированного фонда зарплаты, предназначенного главным образом для обеспечения учащихся подростков, представляется возможным дальнейшее ограние труда подростков. Мы приступили к дальнейшему сокращению рабочего дня, и к концу пятилетия мы будем иметь рабочий день длительностью в 6,86 час. вместо 7,71 в настоящее время. Кроме того, промышленность переходит на большее количество смен, увеличивая свою трудоемкость. Рост физического об'ема в производстве идет таким темпом, какого не знает ни одна капиталистическая страна. Все эти мероприятия не только гарантируют нас от абсолютного снижения рабочей силы, но и вызывают значительный спрос на дополнительную рабочую силу. Число лиц наемного труда у нас увеличивается из года в год за истекший период. Оно будет расти и в перспективе. Однако, несмотря на неуклонный рост рабочей силы, безработица за истекшие годы также растет, обгоняя в своем темпе рост занятых.

Число безработных членов союзов по данным ВЦСПС составляло [2]):

	25 — 26 г.	26 — 27 г.	27 — 28 г.
Число безработных членов союзов в тысячах (без с.-х. рабочих)	931	1250	1535
В том числе в городе . .	745	1000	1225
В %% к предыдущему году	—	134	123

[1]) Заимствовано из материалов сектора мирового хозяйства Госплана СССР.

[2]) Данными бирж труда мы не пользуемся в виду их несопоставимости.

Если к учтенной массе безработных членов союзов прибавить количество нечленов союзов, зарегистрированных биржами труда, мы получим всю учтенную массу безработных, насчитывавшую в 1927—28 г. 1,7 млн. человек. Эту цифру надо признать преувеличенной, главным образом за счет преувеличения профсоюзной безработицы.

Если при капиталистическом режиме, тормозящем рост профсоюзных организаций, численность безработных, измеряемую численностью безработных членов союзов, надо признать преуменьшенной, то в условиях советского строя, где тяга в профсоюзы, в виду предоставленных членам союзов прав, очень велика, измерение общей безработицы масштабом профсоюзной безработицы неизбежно ведет к преувеличенному представлению о численности безработных. Общеизвестно, что среди безработных СССР, в частности, среди безработных членов союзов, находится значительное количество мнимых безработных. К ним могут быть отнесены безработные, нашедшие работу, но не снятые с учета (явка на регистрацию обязательна раз в три месяца), члены союза, не ищущие работу, но регистрирующиеся в качестве безработных в целях поддержания связи с союзом и сохранения за собой связанных с союзным членством прав, безработные сезонники, возвращающиеся в период сезонного затишья обратно к своему сельскому хозяйству, и, наконец, безработные, работающие в коллективах безработных; в группе фиктивных безработных значительное место, в частности, занимают «безработные» домашние хозяйки.

У нас нет прямых данных, дающих возможность судить о размерах фиктивной безработицы, но некоторые косвенные данные, проливающие свет на это явление, мы находим в материалах обследования безработных членов союзов, проведенного ВЦСПС в ноябре 1927 года.

Это обследование выявило 10—15% «мертвых душ», совсем не явившихся на регистрацию: это, очевидно, те безработные, которые оторвались от профсоюза и совершенно утеряли связь с ним.

Среди фиктивных безработных мы встречаем значительное количество квалифицированных профессий, о чем свидетельствует высокий процент застойных безработных среди тех профессий, на которые промышленность предъявляет большой спрос.

По металлу, например, в числе застойных групп безработных (с длительностью безработицы свыше 1½ лет) мы встречаем такие профессии, как электромонтеры (13,7% безработных с длительностью безработицы свыше 1½ лет), слесаря-сборщики (11,5% с длительностью свыше 1½ лет), разметчики-наметчики (14,1%) и проч. Все эти профессии требуют большой квалификации, и спрос на них со стороны промышленности очень велик. Если эти категории рабочих остаются такой длительный срок безработными, очевидно, они имеют удовлетворяющие их источники дохода и не ищут труда по найму.

Обращает на себя внимание значительная застойность безработицы среди женщин. При средней длительности безработицы для обоих полов в 9,1 месяцев, средняя длительность безработицы среди женщин достигает 12,4 месяцев, а среди мужчин—6,3 мес. Если разбить всех безработных мужчин и женщин на группы по длительности безработицы, мы получим следующее:

Группы по длительности безработицы в %% к числу безработных.

	Мужчин	Женщин	Обоего пола
От 1 до 6 месяцев	68,0	46,3	58,0
„ 6 „ 12 „	16,0	16,6	16,2
„ 1 г. до 2 лет . . .	11,5	19,5	15,2
Свыше 2 лет . . .	4,5	17,6	10,6

В то время как безработные мужчины насчитывают в своем составе группу безработных с длительностью 1—2 года и свыше 2-х лет в размере

16%, среди женщин эта группа достигает 37%, т.-е. больше ⅓ всего количества безработных. Это явление стоит в связи с малой активностью женщин в подыскании работы вследствие их загруженности домашним хозяйством, а также в виду относительно большей материальной обеспеченности безработных женщин. Из всего количества безработных женщин 29% приходится на одиночек, 22% имеют семьи на своем иждивении, а остальные 49% безработных женщин являются членами семьи, находящимися на иждивении. У безработных мужчин мы видим обратную картину: при 23% одиноких и 77% семейных только 17,8% безработных являются иждивенцами. Из всего числа семейных безработных процент имеющих доход составляет среди женщин 73, а среди мужчин только 42.

Связь между длительностью безработицы и степенью материальной обеспеченности выявлена не только среди безработных женщин, но и среди всех безработных; она становится особенно очевидной при сопоставлении размеров доходов семьи с длительностью безработицы. Так, средний размер дохода на семью (в рублях) среди семейных безработных, имеющих доход, составляет:

Для групп с длительностью безработицы до 6-ти мес.	47,35 р.
„ „ „ „ „ 6 м.—1 г.	49,56 р.
„ „ „ „ „ 1 г.—2 г.	62,02 р.
„ „ „ „ „ свыше 2-х лет	71,18 р.
В среднем по всем группам	54,36 р.

Помимо указанной закономерности эти данные дают возможность выявить и материальный уровень безработных. Мы считаем, однако, более показательным уровень душевой нормы дохода, установленный материалами переписи. Приведем данные по некоторым союзам.

Распределение семейных безработных по размеру дохода на члена семьи в октябре—ноябре 1927 г.

Союзы:	Из числа семейных % имеющих доход в размерах[1]): до 5 р.	5—10	10—20	20—30	Свыше 30 р.
По 21 союзу	13,5	11,0	13,0	7,5	8,6
в том числе:					
Индуст. союз	15,0	12,7	14,2	7,5	7,7
Металлисты	15,8	16,3	14,9	7,5	8,2
Печатники	11,8	17,3	18,1	13,5	17,8
Текстильщики	10,6	14,3	26,1	12,8	11,4
Химики	6,1	14,2	16,5	10,2	10,3
Швейники	12,6	13,1	19,4	12,4	12,8

Из приведенной таблички видно, что в общей массе семейных безработных, составляющих около 80% всех безработных, 16% приходится на семьи, имеющие доход в размере 20—30 руб. и свыше 30 руб. на члена семьи. По некоторым индустриальным союзам этот процент поднимается до 20—30. Иначе говоря, 12—13% всех безработных материально обеспечены, так как их доход не только не отстает от среднего уровня дохода рабочих, но даже превышает его в известной степени[2]). Эти цифры получены в результате учета не всех доходов безработной семьи, а лишь доходов от работы по найму, пенсий и пособий. Нет сомнения, что если бы можно было учесть прочие источники дохода (ремесло, торговля и проч.), численность материально обеспеченных групп безработных была бы выше.

[1]) Безработные, имеющие доход, распределены в отношении всех семейных безработных.

[2]) По данным бюджетных обследований 1927 г., доход на члена семьи в среднем для всех семейных рабочих составляет 22,21 руб.

Эти небольшие выборки из обильного и очень интересиого материала переписи безработиых указывают иа то, что среди безработных членов союзов имеются мнимые безработные и безработные материально обеспеченные. Последнее свидетельствует об относительно слабой напряженности давления на рынок труда со стороны безработных.

О том, что данные нашей текущей статистики дают преувеличенное представлеиие о безработице в СССР, говорят и цифры безработицы, выявленные демографической переписью (895 тыс. безработных в городах) [1].

По данным балансовых расчетов Госплана избыточное количество труда в работоспособном возрасте (16—59 лет) составляет в 1927—28 г. 1,1 млн.—на 20 с лишним проц. больше, чем в 1926—27 г.; 28—29 г. в свою очередь предполагает рост на 16% по сравнению с 1927—28 годом. Мы видим, таким образом, что и по балансовым расчетам безработица идет по растущей кривой.

Чем вызван такой рост безработицы? Об'яснение этому надо искать прежде всего в исторически сложившейся экономической обстановке Советского Союза. СССР представляет собою страну с громадным аграрным перенаселеиием, выбрасывающим ежегодно, как мы видели выше, колоссальное количество избыточного труда в город. Недочеты в организации найма труда, обильное применение временных работ и текучесть рабочей силы дают возможность крестьянскому населению легко проникать в производство, вытесняя подчас основные кадры городского пролетариата. О размерах давления крестьянского населения на городской рынок труда свидетельствует большой удельный вес крестьян в общей массе предлагающих труд и высокий процент среди нанимаемых промышленностью рабочих. По данным бирж труда пришельцы из сельских местностей составляют в общей массе предложения труда 24% в среднем за 1927—28 г.; такой же, примерно, процент мы имеем в 1926—27 г. Больше всего привлекают жителей сельских местностей следующие отрасли труда: горная (35,2% в общей массе предложения), строительство (54% из общей массы предложения труда), сахарная промышленность (24%), железнодорожный транспорт (18,5%) и т. д. В отраслях индустриальиого труда удельный вес выходцев из деревни ниже, составляет для металла 13,2%, в том числе 19,7% среди неквалифицированных профессий; для текстилей 11,7% (14,5% по неквалифицированным профессиям), для химиков — 11,7% (14,7% среди неквалифицированных) и т. д. В общей численности ианимаемой промышленностью рабочей силы на долю выходцев из сельских местностей приходилось в 25—26 г. 34%, а в 26—27 г. — 29%. Эти цифры с достаточной убедительностью говорят о значении деревни, как основного источника городской безработицы СССР. В крупных капиталистических странах деревня такой роли в формировании городской безработицы, конечно, не играет.

Говоря об относительном перенаселении, Маркс указывал, кроме аграриого переиаселения, еще две формы: 1) текучее перенаселение, возникающее в результате относительно замедленного роста занятого населения, изнашиваиия и вытеснения старших возрастов рабочих и замены их молодыми и 2) застойное перенаселение, образующееся преимущественно из рабочих отсталых отраслей, вытесняемых крупной промышленностью, и отживающих профессий. В капиталистических странах низкие темпы развития народного хозяйства и капиталистическая его рационализация усиливают роль этих двух форм перенаселения в образовании безработицы. В СССР, наоборот, значение этих форм перенаселения относительно невелико: текучее перенаселение смягчается сокращением рабочего дня и переводом на пенсию престарелых возрастов; для борьбы с застойным перенаселением проектируется реорганизация в плаиовом порядке мелкой и кустарио-ремеслеиной промышленности и дальнейшее развитие системы переподготовки рабочих отживающих профессий.

[1]) Перепись не относила к числу безработных работающих в коллективах для безработных и тех, кто работал не по специальности или на временных работах.

К числу специфических причин, обусловливающих рост безработицы в СССР, надо отнести относительно высокую активность женской трудящейся массы. Об'ективные предпосылки усиленного стремления женщин к самодеятельности заложены в политике советской власти, признающей за женщиной право на труд наравне с мужчиной; в размере оплаты женского труда, не уступающей зарплате рабочего-мужчины, в системе охраны женского труда и т. д. Реконструкция народного хозяйства, в частности, промышленности, увеличивающая конкурентоспособность женского труда, рост культурности женщин и социализация домашнего быта еще больше увеличат в перспективе тягу женщин к самодеятельности. Роль этого фактора в образовании безработицы, следовательно, возрастет.

Преспективы безработицы.

Перспективы развития народного хозяйства открывают большие возможности в части использования накопившихся трудовых ресурсов. Промышленность увеличивается по численности рабочей силы за пятилетие на 25% по отправному варианту и 32,2%—по оптимальному, строительство—на 145,0% по отправному и 200% по оптимальному варианту, культурные учреждения—на 34,8% и т. д., общая численность лиц наемного труда без сельского хозяйства увеличивается в абсолютном выражении на 2,7 милл. по отправному и на 3,4 милл. по оптимальному варианту. Из общего прироста лиц наемного труда без сельского хозяйства на города приходится 2 м. по отправному варианту и 2,5 милл. по оптимальному варианту. Кустарно-ремесленная промышленность вырастает за пятилетие на 33% по числу занятых лиц по отправному варианту и на 51% по оптимальному. Абсолютный прирост кустарей в городах выражается числом 224 т. по отправному и 373 тыс. по оптимальному варианту. Таким образом, только лица наемного труда и занятые в кустарно-ремесленной промышленности дают за пятилетие прирост в размере 2,2 млн. без сельского хозяйства и 2,4 милл. с сельским хозяйством по отправному варианту и 3 милл., включая и сел.-хоз. рабочих, по оптимальному варианту.

Особого внимания заслуживают мероприятия в области сельского хозяйства, направленные к смягчению аграрного перенаселения советской деревни и к уменьшению размера отхода в города. К этим мероприятиям относятся интенсификация сельского хозяйства, коллективизация, сближение уровней дохода между городом и деревней и т. д.

Баланс труда городского населения, составленный Госпланом с учетом проектировок хозяйственного развития и перспектив роста работоспособного населения, выявляет возможность снижения безработицы за пятилетие с 1.133 тыс. чел. (неиспользованный остаток по балансу) в 1927—28 г. до 835 тыс. в 1932—33 г. по отправному варианту и 511 тыс. по оптимальному. В процентах к 1927—28 г. это соответственно составляет 73,7 и 45,1. Удельный вес безработных среди работоспособного населения понижается с 6,4% в 27—28 г. до 3,9% в 32—33 г. по отправному варианту и 2,4% по оптимальному. Среди лиц, работающих по найму, удельный вес безработных снижается с 16,6% в 27—28 г. до 9,6% в 32—33 г. по отправному варианту и 5,6% по оптимальному.

Среди занятого городского населения заметно повышается удельный вес пролетариата, достигая 42,7% в 32—33 г. по отправному вариаиту и 43,4% по оптимальному вместо 41,4% в 27—28 г. Удельный вес нетрудового населения снижается с 1,0% в 27—28 г. до 0,8% в 32—33 г. по оптимальному варианту.

Необходимо оговорить расхождение в цифрах, характеризующих безработицу за отчетный период, по данным баланса труда и материалам текущей статистики. Число безработных, полученное методом баланса (неиспользованный остаток труда), меньше, так как в трактовке баланса безработными считаются лица, не имеющие занятий и ищущие таковых, в то время как безработные, зарегистрированные органами статистики, как мы видели выше, сплошь и рядом имеют занятия (временные или не по специальности).

Есть основание предполагать, что расхождение, существующее ныне между численностью действительных и зарегистрированных безработных, будет существовать в известной мере и впредь. Таким образом, численность зарегистрированных безработных может быть несколько выше сальдо баланса. С точки зрения баланса труда это обстоятельство не имеет существенного значения. Нам важно выявить тенденцию развития хозяйства СССР на ближайшее пятилетие: идет ли оно по линии смягчения диспропорции между спросом и предложением или в перспективе будет иметь место дальнейшее накопление безработных. Несмотря на всю свою ориентировочность, наш баланс ясно и отчетливо говорит о падении кривой безработицы, выявляя тем самым преимущества развивающегося социалистического хозяйства перед загнивающим капитализмом, плодящим «кон'юнктурную и структурную» безработицу.

Нельзя обойти молчанием отрадной перспективы, выявленной при построении баланса труда для молодежи (15—24 г.). Расширение сети учебных заведений, создание фонда социализированной зарплаты, идущего главным образом на пособие учащейся молодежи, даст возможность значительной части молодежи не искать заработка, а обучаться в школах, повышая свой культурный уровень и приобретая соответствующую квалификацию. По ориентировочным подсчетам Госплана число занятых в различных отраслях труда подростков (15—17 л.) в 1932—33 г. понизится абсолютно, примерно, на 100—200 тыс.

Рассмотрение баланса труда в разрезе по полу указывает на необходимость форсированного вовлечения женщин в различные отрасли труда. Эта необходимость вызывается следующим обстоятельством.

Неравномерность развития отдельных отраслей народного хозяйства приводит при неизменных коэффициентах участия женщин в различных отраслях труда к снижению удельного веса женщин среди лиц наемного труда на 1,2%. Если исходить из этого пониженного коэффициента участия женщин, число безработных женщин составит подавляющее большинство в общем количестве балансового остатка. Такое положение надо считать совершенно ненормальным, и мы должны поставить себе задачей всемерное расширение сферы применения женского труда.

Механизация производства и поднятие квалификации трудящихся женщин дадут возможность последним внедриться в те отрасли и профессии, которые фактически сейчас для них закрыты.

Ориентировочные расчеты Госплана показали, что при условии форсирования общего и профессионального обучения трудящихся женщин удельный вес работающих женщин в сфере наемного труда может быть поднят с 27% в 27—28 г. до 31,2% в 32—33 г. по отправному варианту и 32,5% по оптимальному.

Осуществление запроектированных темпов снижения безработицы требует, помимо вышеуказанных хозяйственных мероприятий (развитие индустрии, сельского хозяйства и пр.), целого ряда организационных мер. Основными из них являются: организованная переброска рабочей силы наибольшего спроса, переквалификация застойных групп безработных и ослабление текучести рабочей силы.

Проектировки в области заработной платы, предполагающие ослабление разрыва в уровне благосостояния отдельных категорий труда и групп рабочих, и развитие жилищного строительства, устраняя главную причину текучести рабочей силы, дают основание рассчитывать на возможность значительного снижения текучести, способствующей, как мы видели выше, росту численности безработных. Что касается первых двух мероприятий, то осуществление их связано со значительными денежными ассигнованиями, предусмотренными в финансовом плане борьбы с безработицей.

Общая сумма ассигнований на борьбу с безработицей запроектирована на пятилетие в размере 1.067 милл. руб., из коих 851 милл. приходится на социальное страхование, остальные суммы проходят по государственному и местному бюджетам и прочим источникам. Из общей суммы ассигнований 308 милл. запроектировано на трудовую помощь безработным: организацию коллективов безработных, переподготовку, переброску их в другие районы и т. д.

Вся сумма ассигнований на борьбу с безработицей вырастает за пятилетие на 160%, при чем расходы на трудовую помощь безработным увеличиваются вдвое. Среди статей расхода на трудопомощь больше всего вырастает расход на переподготовку рабочей силы (120%).

Значительный рост ассигнований на борьбу с безработицей, при абсолютном снижении числа безработных, обеспечивает нам максимальный охват безработных пособиями, при одновременном росте нормы пособия на 84%, и более правильное распределение избыточного труда по районам, нарушаемое неравномерным развитием в перспективе отдельных отраслей хозяйства и районов.

Многим эти проектировки кажутся чрезмерно оптимистичными. Трудно верится в возможность такого значительного снижения безработицы в течение одного пятилетия, в то время как до сих пор мы имеем рост безработицы из года в год. При этом забывают, что безработица настоящего времени, отражая в известной мере диспропорцию между спросом и предложением, является в то же время результатом целого ряда организационных непорядков, вполне устранимых при надлежащей постановке дела регулирования рынка труда. Ослабление текучести в результате устранения пестроты зарплаты, смягчения жилкризиса и упорядочения найма временных рабочих; переподготовка рабочей силы и своевременная их переброска в районы наибольшего спроса—все это на ряду с проектируемыми темпами вовлечения рабочей силы, безусловно будет способствовать уменьшению числа безработных. Работа эта, конечно, потребует большого напряжения со стороны соответствующих государственных органов и общественных организаций. Она потребует также, как мы видели выше, и больших денежных средств, но ее нужно и можно осуществить.

А. Гриневич.

Основные вопросы массовой работы на текстильных предприятиях.

«Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с нею тысячами переходных ступеней, граней... Историческая роль пролетариата—переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него». (Л е н и н, т. XI, стр. 329).

Линия партии на социалистическую реконструкцию нашего хозяйства, нашедшая наиболее четкое отражение в пятилетнем перспективном плане народного хозяйства, встречает живейший отклик и получает активнейшую поддержку со стороны широчайших масс рабочих. Сейчас, когда лозунги социалистического соревнования подхватываются одной фабрикой за другой и перекатываются по всей стране, когда сотни и тысячи рабочих на каждой фабрике напряженно думают и работают над тем, как бы не уронить честь своей фабрики в производственном отношении,—доказывать это нет необходимости. Мы имеем примеры, когда в результате соревнования на ряде фабрик и заводов стремительно падают прогулы, брак, повышается производительность и т. п. Факты последнего времени из этой области с полной наглядностью опрокидывают все рассуждения нытиков, думающих, что мы чуть ли не зашли в тупик, что мы зарвались, что трудности непреодолимы, что линия партии не популярна в массах.

Но реконструкция хозяйства страны вносит ломку не только в производство; выражая собой наступление социалистических элементов, она неизбежно вызывает и обострение классовой борьбы в стране и известные колебания в отдельных группах рабочих, связанных в той или иной степени с деревней.

* * *

В массе рабочих - текстильщиков мы имеем твердую поддержку линии партии на реконструкцию хозяйства. Те изменения, которые произошли в результате революции в положении рабочих, создали здоровую основу для дальнейшего движения вперед. Революция дала значительное улучшение материального положения текстильщиков, в особенности основных групп рабочих. В среднем реальная зарплата таких групп, как ткачи, банкаброшницы, ватерщицы, сноваля, прядильщицы—повысилась на 40—50% против довоенного уровня. При все еще вопиющей нужде, несомненно, имеется улучшение жилищных условий, культурного обслуживания и т. п.

Не меньшее значение имеет систематический рост производства, строительство новых фабрик, переоборудование ряда предприятий. Какие размеры

принимает работа по переоборудованию—показывает, к примеру, фабрика им. Ногина, где за 1927/28 г. по прядильной было пущено 35% нового оборудования, проведено коренное переоборудование ткацкой. Реконструкция охватила 30% рабочих прядильной и всех рабочих ткацкой. От желающих работать на новых фабриках, на новых усовершенствованных машинах—нет отбою. На ряду с этим проведена и ведется огромная работа по улучшению условий труда. Увеличиваются проходы между станками, количество света, об'ем воздуха на работающего, совершенствуется вентиляция.

Весь этот размах строительства увлекает все, что есть передового среди текстильщиков, активно поддерживающих переход на уплотненные работы, охотно переходящих на опытную работу, связанную с рационализацией производства.

Однако, на ряду с этим задача перевоспитания отсталых слоев рабочих в условиях текстильной промышленности особенно сложна, и потому на передовые слои рабочих выпадает здесь исключительная ответственность. Надо иметь в виду, что текстильная промышленность как по своему удельному весу во всей промышленности Советского Союза, так и по количеству рабочих является в настоящее время самой крупной отраслью промышленности. Она дает 35% стоимости продукции всей цензовой промышленности, а по количеству рабочих составляет 34%.

Особенности социального состава рабочих текстильных предприятий—в том, что мы имеем здесь в среднем о к о л о 40% р а б о ч и х, ж и в у щ и х в д е р е в н е. Данные Владимирского губкома, собранные по 56 предприятиям, показывают, что из 76 тыс. рабочих 33.500 или 44% связаны с крестьянским хозяйством, из них ежедневно уходят в деревню 21.370 чел., остальные—по праздникам. По отдельным предприятиям удельный вес рабочих, живущих в деревне, еще выше:

На Нижне-Середской ф-ке (Иваново)	55%
„ Красно-Волжской м-ре „	80%
„ им. Либкнехта (Влад. губ.)	92%
„ Ленской (Московской губ.)	80%

Если к этому прибавить, что и многие рабочие, живущие в городе вокруг фабрики, также так или иначе связаны с деревней, станет ясно, как велико влияние деревни на настроение рабочих-текстильщиков.

Надо сказать, что революция, создав более благоприятные условия для развития крестьянского хозяйства, способствовала укреплению связей с землей значительной части рабочих, живущих в деревне.

В крестьянском хозяйстве рабочих идет два процесса: часть не справляется с хозяйством и забрасывает его, но значительная часть укрепляет свое хозяйство и часто гораздо больше, чем это было до революции, связана с деревней. И хозяйство рабочих в деревне сплошь и рядом более культурно, чем крестьянское. Налоговое обложение их значительно выше крестьянской группы. Работа же по организации сельскохозяйственных коллективов в текстильных районах поставлена чрезвычайно скверно. Причиной этого являются трудности вовлечения рабочих, живущих в деревне, в колхозы и недостаточное внимание к этому вопросу со стороны наших организаций. Поэтому рост хозяйства рабочих в деревне идет по линии индивидуального хозяйства. Часть из них, хотя и небольшая, вырастает в кулацкие хозяйства. Отсюда та «критика» политики партии в деревне, которую мы иногда слышим на предприятиях в виде замечаний о поощрении советской властью «лодырей» в деревне, о неправильности обложения кулацких групп и т. п. Отсюда же—и настроения против индустриализации, практически выражающиеся в борьбе против уплотнения и рационализации, улучшения техники предприятий и т. п. Моментом, задерживающим в деревне рабочего, являются и жилищные трудности, недостаток квартир вокруг фабрик. При этом надо иметь в виду, что

рабочие сейчас значительно культурно выросли, и поэтому многие рабочие, ранее сдававшие углы и комнаты приходящим, сейчас предпочитают сами использовать всю имеющуюся у них жилищную площадь.

С жилищным вопросом у нас во многих отраслях промышленности положение тяжелое. Жилищное строительство не поспевает за развертыванием промышленности. По текстильной же промышленности мы имеем особенно резкое отставание. При этом надо иметь в виду, что положение особенно ухудшилось на фабриках, работающих с наибольшей нагрузкой, перешедших на три смены и 7-часовой рабочий день. Треть текстильщиков, проживающих в фабричных домах, живет по 2—3 семьи в одной комнате, а по отдельным предприятиям процент сожительствующих гораздо выше (по Гусю 75%). При работе в три смены никакой возможности выспаться нет. Еще хуже в казармах. К этому надо добавить, что очень редко где в общежитиях поддерживается хотя бы примитивный порядок. Положение с банями, прачечными, яслями, детскими садами еще более трудное. Есть ряд предприятий, где совершенно нет бань, а на тех предприятиях, где они есть, добрая половина—в неудовлетворительном состоянии. Большинство их стары, грязны, с сырыми, холодными раздевальнями. Теснота часто бывает невероятная. Лишь на пяти предприятиях Владимирской губ. имеются прачечные (из 56). В других—стирают в банях. До половины же рабочих - текстильщиков не имеют никаких прачечных. В прачечных приходится простаивать часто по нескольку часов в очереди.

В то же время *за последние три года*, в связи с значительным расширением производства, происходил *большой приток новых рабочих* (около 20%). Этот приток шел не равномерно, а концентрировался на группе предприятий, где в особенности сильно расширялось производство, происходил переход на 7-часовой рабочий день и три смены. В особенности это относится к крупнейшим и лучше оборудованным предприятиям (на В.-Середской ф-ке, например, за один лишь 1927/28 г. количество рабочих выросло с 4.814 до 6.396, т.-е. на 1.582 чел., или на 33%). На этих фабриках приток новых рабочих значительно больше средних 20% по всей текстильной промышленности и иногда достигает 40—50%. При этом сюда еще не входят те новые рабочие, которые сменяют естественную убыль.

Третьим моментом, представляющим особенности состава рабочих текстильной промышленности, является наличие среди них в среднем 54% *женщин-работниц*, что усиливает роль бытовых вопросов в настроениях рабочих.

Культурный уровень рабочей массы чрезвычайно низкий. *На 800 тыс. текстильщиков около 150 тыс. неграмотных и не меньшее количество малограмотных*, грамотность которых сводится к умению кое-как подписать свою фамилию.

Таковы особенности состава рабочих текстильной промышленности.

Особенности реконструктивного процесса в текстильной промышленности.

В деле реконструкции своего производства текстильная промышленность также имеет свои особенности, играющие первостепенное значение для всей массовой работы. На ряду с большой работой по строительству новых предприятий, переоборудованию старых, специализации фабрик на производстве определенных сортов продукции, основной работой во внутренней реорганизации производства было за последние два года уплотнение труда, переход на 3 и 4 станка, 3 и 4 сторонки.

Следующие цифры показывают, какой огромный размах принял этот процесс внутренней реконструкции производства в текстильной промышленности.

Уплотнение машин в текстильной промышленности (в %% к общему числу машин).

	Прядение.			Ткачество.				
	2 стор.	3 стор.	4 стор.	2 стан.	3 стан.	4 стан.	6 стан.	Более 6 авт.
Хлопч.-бумажн. пром.								
1-й Гострест 1/X—26 г.	62.0	38,0	—	61.2	38,8	—	—	—
1/X—27 г.	45,5	54,5	—	38.9	61,1	—	—	—
1/X—28 г.	22,3	68,7	9,0	26.1	48,6	25,3	—	—
2-й Гострест 1927/28 г.	21,6	58,3	19,4	33,2	29,3	20,4	1,4	13,9
1 кв. 27/28 г.	24,8	71,3	3,0	39,3	42.2	2,9	0,5	13,7
IV „ 27/28 г.	19.4	50,6	29,4	28,6	23,7	30,0	1,8	14,7
3-й Гострест 1/X—27 г.	50.0	32,2	17,8	Свед.	54.5	—	Сведений нет.	
1/X—28 г.	33,4	31,2	35,4	нет.	38,2	30 4		
Тверской Трест 1926/27 г.	Сведений нет.			44,1	51,2	2,9	—	1,8
1927/28 г.				35,0	38,6	21,3	0,1	5,0

За 1927/28 г. по 1-му Государственному шерстяному тресту 54% ткацких станков перешли на уплотненную работу (на одного рабочего три станка).

Необходимо с полной отчетливостью представить себе, *какую* необычайную, колоссальную *ломку* должно было внести *это в весь процесс производства, в организацию труда, в обычный уклад труда на фабрике, в установившиеся привычки*. Сдвиги в рабочей массе в результате таких изменений весьма велики и выходят за пределы фабрики, в быт, и мы еще сами не в силах оценить происходящих изменений.

Одновременно с этим идет работа по упрощению и механизации ряда процессов производства. Перестройка и рационализация производства повели к изменению в положении отдельных групп рабочих, к падению роли тех или иных групп рабочих в производстве. Мюльные машины заменяются ватерными, вводятся нортроповские машины. Механизация процессов в набивном деле ведет к упадку роли набойщиков. Части рабочих приходится переходить на другие работы, иногда на другие фабрики. При общем повышении зарплаты в отдельных группах бывают случаи снижения. Приходится менять навыки старым работницам, десять лет работавшим на паре, при переходе на тройки и четверки, менять станки, переквалифицироваться. *Вся эта ломка представляет чрезвычайную сложность и отражается на настроениях рабочих*. К этому присоединяется вопрос об избыточных рабочих руках как в фабричных поселках, так и в окружающих деревнях. При огромном впитывании расширяющейся промышленностью новых рабочих это расширение не может поглотить всех ищущих работы.

Уплотнение и рационализация непосредственно замедляют рассасывание свободных рабочих рук. И надо добавить, что улучшившиеся после революции условия труда и зарплаты способствуют тому, что старые возрасты дольше задерживаются в производстве. Отсталый рабочий видит только это непосредственное влияние уплотнения. Пристроить члена семьи на фабрику для многих бо́льшая выгода, чем получить прибавку в заработке от перехода на 3 и 4 станка. Вливание же больших масс новых малоквалифицированных рабочих иногда влияет понижающе на заработок старых рабочих.

Огромные трудности, которые создавали эти условия для массовой работы, не даром вызывали сомнения среди отдельных неустойчивых коммунистов. Трудности эти действительно велики, и они еще осложнялись общехозяйственными затруднениями. Однако, сейчас уже можно сказать, что ряд трудностей в этом отношении уже преодолен и притом с бо́льшей легкостью, чем можно было ожидать. Это происходит потому, что мы опираемся на

крепкое ядро в рабочей массе и имеем неиссякаемое доверие и поддержку со стороны всего передового, что есть в рабочих массах.

Тем не менее, вся эта перестройка создавала и создает условия для роста цеховых настроений среди отсталых слоев рабочих, является причиной колебаний в их среде. В связи с перебоями в снабжении в отдельные моменты эти колебания охватывали и более широкие слои рабочих на отдельных предприятиях, приводили к резкому недовольству работой партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций. Такие случаи были на «Красном Перекопе», на В.-Середской ф-ке и некоторых других предприятиях, где в момент резкого недовольства руководство и влияние на массы выпадало из рук наших организаций.

В связи с уплотнением растет напряженность работы, которая нервирует рабочих, живущих в деревне и связанных с крестьянским хозяйством, в периоды сельскохозяйственных работ.

Навстречу этим цеховым настроениям идут другие, иного происхождения. Эти другие источники кроются в довольно значительном количестве выходцев из разложившихся классов, которые сейчас попадают на производство: бывших торговцев, служащих, интеллигенции, а то и бывших фабрикантов, помещиков или их родственников.

Упадочнические настроения захватили и кое-кого из коммунистов.

Вот какие выступления отдельных коммунистов имели место:

«Налог на крестьянство тяжел, прижали среднее крестьянство, поэтому получилась не смычка, а размычка. Крестьяне клянут коммунистов за недостаток продуктов и товаров». (Чл. партии Скоркин, Зарядье, Ив.-Вознесенск).

«Затрата на тяжелую индустрию—мертвый капитал, и поэтому товарный голод. При наличии голода мы будем иметь 60% недовольных». (Мартынов, чл. партии).

На фабрике им. Зиновьева в Иванове были поставлены опыты с приборами Виттекера к платтовским станкам. Работа протекала трудно, шла сплошная рвань, опыт долго не удавался. Недовольство охватило много ткачих. Не только отдельные члены партии, но и ячейка в целом не выдержала и вместо раз'яснения рабочим важности опыта стала требовать от администрации прекращения его.

Там, где имеется такая размагниченность и пассивность перед трудностями, неумение связаться крепче с массой оказывалось больше, разложившиеся группы, троцкисты пытались выступать открыто, сделаться центром притяжения для всех отсталых элементов на фабрике. К этому прибавляется разлагающее влияние наличия в составе администрации фабрик лиц враждебных рабочему классу. На Старо-Павловской ф-ке (Богородского уезда), например, среди администрации ф-ки обретается 27 чел. бывших фабрикантов, их ближайших родственников и торговцев.

Таким образом, *сложность всей нашей массовой работы на текстильных предприятиях упирается сейчас в два основных момента: 1) трудности и противоречия в связи с переустройством текстильной промышленности и 2) социальный состав рабочих и изменения, происходящие в этом составе за последние годы.*

Отсюда вытекают и условия успеха всей нашей работы: 1) не избегать этих трудностей, не стараться как-нибудь перетерпеть, переждать, когда они пройдут (такие настроения есть), а *повернуть всю массовую работу лицом к этим трудностям и противоречиям* и 2) направить ее в основном по линии *воспитания новых слоев рабочих, подтягивания их к уровню основного пролетарского ядра и перевоспитания всей рабочей массы в соответствии с задачами реконструкции производства.*

Многие работники наших местных организаций ищут разрешения задач массовой работы на текстильных предприятиях в новых организационных формах. Тут выдвигаются и вопросы перенесения работы в цех, организации цеховых и сменных ячеек и т. п. Все это безусловно необходимо и отвечает назревшим острым потребностям работы. Организационно мы чрезвычайно отстаем от потребности жизни.

Однако, решающее значение имеет не то, наделено ли цехпрофбюро теми или иными формальными правами, или другой подобный вопрос, а то, *насколько соответствует центральной задаче линия и вся работа местных организаций*, насколько четко эта задача поставлена перед всей рабочей массой, насколько мы сумели сплотить вокруг этой задачи все передовые слои рабочих.

В том, что этого нет на деле, и заключается слабость работы партийных организаций на текстильных предприятиях. Как правило, партийные организации не предупреждали того недовольства, колебаний, которые возникали в связи с продовольственными затруднениями или с трудностями перехода на уплотненные работы, а занимали оборонительную позицию, ожидая, пока стихия подопрет. Тогда раз'ясняли, собирали собрания, успокаивали.

Ряд затруднений производственного порядка таков, что мы не можем через них перескочить. Возьмем, например, производство подсобных материалов и деталей. Отовсюду несутся жалобы на недостаток и их плохое качество. Основная же причина этого в том, что в дореволюционное время производство этих материалов было поставлено из рук вон плохо, и значительная часть их ввозилась из-за границы. И только сейчас мы приступаем к коренному переустройству производства подсобных материалов. Таких независящих от нас моментов в текстильной промышленности немало. Их придется известное время терпеть. И эти вопросы надо прямо ставить перед рабочими.

Беда именно в том, что мы их не ставим со всей остротой перед рабочей массой, а иногда неправильной информацией дезориентируем рабочих.

Не меньше затруднений с техническим персоналом как высшим и средним, так и низшим.

Состав подмастерьев на текстильных предприятиях отсталый, малоквалифицированный, иногда безграмотный, со старыми навыками, иногда противящийся нововведениям. Среди среднего и высшего техперсонала очень много так наз. «практиков». На ткацких фабриках Ивгостреста, например, об'единяющих 46 тыс. рабочих, имеется лишь один инженер с высшим образованием. Выработка новых специалистов длительна и трудна. Да эти новые специалисты еще и не имеют опыта и практики. Часто же вместо того, чтобы получить поддержку в своей работе, эти новые специалисты забрасываются руганью за то, что они не так опытны еще, как старые.

Необходимо перед рабочими ставить вопрос о задачах и трудностях выработки нового состава техперсонала. *Необходимо воспитывать массы на трудностях нашего строительства и в первую очередь воспитывать на этом актив, передовых рабочих.* Все члены партии уже усвоили то, что в связи с индустриализацией нам предстоят большие трудности. Но когда дело доходит до конкретных трудностей на каждой отдельной фабрике, когда рабочие спрашивают, почему мало хлеба, почему плох хлопок, много рвани, почему плохи челноки, погонялки, подсобные материалы, то вместо прямой постановки вопроса часто получают обещание улучшить или ссылку на высшие органы. Не только широкая масса членов партии, но и актив, а часто и руководящие организации на фабрике не знают конкретных причин трудностей, с которыми сталкивается фабрика. Перед такими вопросами коммунисты иногда пасуют, не

знают, что ответить. Отсутствие ясной ориентировки в конкретных трудностях порождает неуверенность в своей работе, сомнения среди отдельных рабочих и отдельных членов партии, как по вопросам практики у себя на производстве, так иногда и насчет линии партии.

Для того, чтобы преодолеть мелкобуржуазные шатания, нужна прежде всего в самой партийной организации твердость и четкость, знание причин трудностей на своей фабрике, умение разобраться в них и твердо поставить перед рабочей массой вопросы трудностей со всей резкостью, сплачивая на этой линии всех передовых рабочих.

Многие ищут все новых и новых форм работы, чтобы охватить массу, пускают в ход все новые методы агитации, применяют постановки кино, спектаклей, чтобы оживить рабочие собрания, но упускают основное. А основное заключается в том, чтобы *привести в движение, в действие тот огромный рабочий актив*, который имеется на ф-ках. Если только пролетариат может выполнить задачу перевоспитания выходцев из мелкой буржуазии, то повести за собой массы для выполнения задачи реконструкции производства, оживить все наши собрания, всю массовую работу может только рабочий актив. Никакое построение и перестроение ячеек, цехпрофбюро не может заменить собой этого основного узла всей работы на предприятиях.

Нужно ли для того, чтобы проделать огромную работу по воспитанию новых слоев рабочих и повышению уровня основных кадров, искать и выдумывать новые формы работы? Кое-что тут нужно (именно то, что способствует нашему проникновению в самую гущу рабочих, приближению нашей работы к отсталым слоям, приспособлению ее к специфическим условиям производства и быта). Но основные формы даны, надо их только уметь использовать.

В этом отношении одной из основных болезней массовой работы на текстильных предприятиях является недооценка роли нашей выборной системы, отчетных и выборных собраний различного рода. Если в капиталистической стране выборы являются одним из способов одурачивания и развращения избирателя, то наша советская система является могучим орудием классового воспитания. Но эти средства воспитания отсталых слоев рабочих становятся действительными, лишь когда в выборные формы вкладывают серьезное содержание, когда к ним подходят не формально. Если исключить выборы в советы, которые происходят обычно более организованно, то остальные выборы проходят на предприятиях весьма часто наспех и формально. При выборах на фабконференции обычно не ставится перед рабочими вопрос, какие задачи стоят перед этой конференцией, не ведется подготовка к ней, раз'яснение этих задач. Суть выборов часто сводится к технике намечения и голосования кандидатов. Поэтому часто на эти конференции приходит элемент случайный, более свободный, кому есть время и т. п. Часто по этому признаку и происходят выборы на конференцию. Так же происходят и выборы делегатского института. Вопрос о повышении сознательности рабочих масс и их активности в выборах зависит сейчас от того, насколько мы самый процесс выборов сумеем использовать для раз'яснения и отстаивания линии партии. Для этого *необходимо, чтобы собрания рабочих стали местом обсуждения основных, боевых вопросов жизни предприятия.*

Формальное отношение к выборным институтам на фабрике сказывается и в том, что постоянное вовлечение новых слоев рабочих в управление, в работу выборных органов иногда превращается в простую смену людей.

Огромное количество актива на фабриках не закрепляется вследствие колоссальной текучести состава выборных организаций. На Нижне-Середской фабрике пленум фабкома на последних выборах в 1928 г. обновлен на 10 чел. из 15. Эти 10 нигде прежде на профсоюзной работе не работали, не были ни делегатами, ни сборщиками, ни в цехпрофбюро, ни в каких низовых профсоюзных звеньях. Весь рабочий аппарат также был обновлен (председатель ФЗК, председ. РКК, руководитель культкомиссии).

Цехделегатский институт в марте 1928 г. был обновлен на 172 чел. из 258,—на следующих выборах был снова обновлен на 235 чел. из 316. Из всего состава цехпрофбюро в количестве 9 чел., 8—в первый раз на профсоюзной работе, и только один был раньше профуполномоченным.

На фабрике им. Абельмана за 1928 г. сменилось 6 председателей фабкома, 7 секретарей фабкома и 4 председателя производкомиссии.

Это лишь более яркие примеры. Огромная текучесть состава—общее явление для профсоюзных организаций текстильщиков.

В связи с огромной работой по перестройке хозяйства вопрос о воспитании рабочих масс к иному отношению к производству является коренной задачей профорганизации.

Поэтому значение такой организации, как производственные совещания, исключительно возрастает. *Производственные совещания* не должны оставаться хотя и необходимым и важным, но все же придатком к системе организаций, охватывающих фабрику. Они *должны стать одним из основных рычагов в работе по реконструкции производства.* Необходимо и соответствующее отношение к ним.

Как правило, на производственных совещаниях присутствуют ответственные руководители фабричного управления и цехов, руководители профработы, техперсонал, партработники. И тем не менее, принимают большое количество безответственных, расплывчатых, ничего не говорящих решений, которые только вводят в заблуждение рабочих, неправильно их ориентируют. Например: «Улучшить положение с сырьем, улучшить качество материалов», в то время как ни фабрика, ни даже трест этого сделать не может, или может лишь в далеком будущем. На фабрике им. Ногина были такие решения: «Предложить администрации повести всяческими способами борьбу с широй на хлопке»,—«производить через каждые две недели перезаправку 14—16 номеров на других машинах». Или такие: «Обратить внимание на машину № 36». В таких случаях администрация в сводках о принимаемых мерах к выполнению решений пишет: «меры принимаются», «устраняются», «внимание обращено», и постановление считается выполненным. Беда еще в том, что расхлябанность и разгильдяйство часто бывают так велики, что производственные совещания иногда бывают вынуждены заниматься такими вопросами, как рекомендовать администрации поддерживать чистоту в ткацкой фабрике (выметать полы и промывать окна) и т. п.

В ряде мест на производственные совещания выносятся вопросы тарификации, расценок, выдача спецодежды и т. п.

На ряду с решительным изменением содержания работы п. с. и метода разрешения на них вопросов необходимы и организационные мероприятия, направленные к приспособлению их работы к охвату широких масс рабочих. В значительном большинстве на текстильных предприятиях производственные совещания об'единяют огромные цеха, иногда с тысячами рабочих. Конечно, там нельзя и высказаться, не говоря уже о том, что обсуждаются вопросы, интересующие небольшую группу рабочих, остальных же совершенно не касающиеся. Интересен опыт разукрупнения производственных совещаний на Родниковской фабрике «Большевик». Приведем следующие цифры о посещаемости производственных совещаний на этой фабрике:

1927 год.

По ткацкой ф-ке—11%; по прядильной ф-ке—6%.

1928 год.

По ткацкой ф-ке—4,6%; по прядильной ф-ке—4,6%.

В 1928 г. произошло понижение интереса к производственным совещаниям. После разукрупнения картина посещаемости резко меняется:

По ткацкой ф-ке: шпульный отдел—25%, подмастерья—61%, ткацк. автоматич. станков—63%.

По прядильной ф-ке: рабочие на ватерах—22,5%, на трепальных и чесальных машинах—42%.

Этот ценный опыт, который подтверждается данными по другим отраслям промышленности, необходимо распространить на все фабрики.

Крупнейшим отрицательным моментом в нашей работе на текстильных предприятиях является то, что система всей культурно-просветительной работы не увязывается с современными хозяйственными и политическими задачами, с задачами реконструкции хозяйства.

Культурные запросы рабочего-текстильщика огромны. На это указывает хотя бы рост читаемости книг. На середских фабриках в 1927 г. в месяц в среднем выдавалось 2.836 книг; в 1928—6.142. Это явление не единственное и не случайное. Основным читателем является молодежь до 25 лет. Она составляет 70—80% читателей. При этом в значительной мере этот рост идет за счет молодежи, вновь вступающей в производство. Одним из важнейших вопросов в деле культурного обслуживания является вопрос о помещениях. Расположенные в большинстве в деревенских районах, фабрики находятся в этом отношении в крайне тяжелом положении. Рассчитывать на то, что в ближайшие годы этот вопрос может быть разрешен хоть в какой-либо мере, нельзя. При нынешних условиях на первой очереди, безусловно, должен стоять вопрос о постройке прачечных, бань, жилых домов.

При таких условиях необходимо на первый план в работе клубов выдвинуть вопрос о методах клубной работы. Это тем более важно, что на текстильных предприятиях массовую работу на производстве, особенно в основных отраслях,—ткацком и прядильном отделах,—по условиям производства вести почти невозможно. Все твердят партийцам и профактиву, работающим на производстве, чтобы они вели работу в цеху, у станка. Но «у станка» вести ее невозможно, можно только в уборных, и то лишь отрывая рабочего от производства.

Клубы же замыкаются в своих стенах. Они развернули колоссальную культурную работу, создали свой актив в виде кружков, насчитывающих, примерно, на каждой фабрике от 200 до 700 чел. Для этого-то актива клуб является клубом, для остальных рабочих он является только театром. И поэтому при некотором росте кружков членство в клубах повсеместно падает, и даже многие члены кружков не являются членами клуба.

В большей мере, чем в какой-либо другой отрасли, на текстильных предприятиях необходимо культурно-политическую работу переносить в казармы, общежития, рабочие поселки. Удачный опыт такой работы дает фабрика «Коммунистический Авангард» (Владимирской губ.). По решению ячейки, там все ответственные работники прикреплены к коридорам. В каждом коридоре имеется парторганизатор, женорг, организатор молодежи, созданы домовые комитеты, культкомиссии, санитарные тройки и т. п. После совещания с интеллигенцией, прикреплены врачи, учителя, технический персонал. И кружки организуются по коридорам. Тут же устраиваются вечера, с выступлениями коридорных кружков, удачно проходящие. Стихийно возникают звенья пионеров в коридорах. Необходимо суметь оценить такие удачные опыты, всколыхнувшие и втянувшие в общественную жизнь массы рабочих, развертывающие подлинную самодеятельность.

Клубная работа не используется для производственного просвещения, для раз'яснения политических и хозяйственных задач, для выявления тех настроений, которые складываются в рабочей массе. К этому надо добавить, что в клубах главным образом молодежь. Взрослый рабочий принимает мало участия в работе клуба. В большинстве клубов кружки организуются по шаблону: физкультура, стрелковый, драматический, музыкальный, струнный, хоровой, фото-изо. Эти кружки именно определяют лицо всех клубов. Затем, идут: рабкоровский, кройки и шитья.

Работники клубов иногда жалуются, что их заставляют к выборам в советы делать часто агитпостановки, писать лозунги и плакаты, вообще спускаться с высот искусства к политическим событиям, что их заставляют отдавать помещения под собрания, намекают, а то и прямо говорят, что следует платить за их постановки, плакаты, музыку и пр., а им хотелось бы «более глубокой работы». Некоторые стремятся, хотя и неудачно, сделать из своих любителей драмкружков артистов.

Хозяйственное строительство, очередные задачи партии стоят в стороне от клубов. Громадные средства расходуются на клубную работу (около 7 млн. руб. в полугодие). Из этой суммы только 23.000—на производственное просвещение.

В то время как женщины составляют 54% рабочих, почти никаких затрат не делается, чтобы создать работницам условия для работы в клубе, посещения его. В то время как 40% рабочих живет в деревне, на обслуживание этих слоев перепадают крохи, обычно даже не предусматриваемые в сметах клубов. А между тем вопрос о политическом и культурном просвещении рабочих в деревне имеет решающее значение.

Борьба с мелкобуржуазными настроениями на текстильных предприятиях будет успешна лишь тогда, когда мы сумеем охватить нашим политическим воздействием основной массив отсталых слоев рабочих—рабочих, живущих в деревне. Эти рабочие на деле очень мало принимают участия в жизни предприятия и в работе общественных организаций на фабрике. В деревне они также мало принимают участия в работе деревенских организаций. Этот рабочий на деле предоставлен самому себе. Те формы политической работы, которые представляет работа красных уголков в деревне, открываемых профсоюзными организациями, ни в малейшей степени не отвечают задачам подтягивания этих слоев рабочих. Помимо того, что эти уголки часто имеют такой жалкий вид, что, например, один предсельсовета не нашел лучшего способа использования его, как поместить туда овец (все равно пустует!), работа их сводится к постановкам спектаклей, кино-картин, реже лекций, бесед. Эти лекции и беседы общи, не затрагивают непосредственных интересов, связанных с работой на фабрике. Средства, расходуемые на это дело, ничтожны, четкой установки, какую же именно работу вести с этими рабочими, нет. Деревни, близко расположенные к текстильным предприятиям,—не обычные крестьянские деревни. Во многих местах это по существу прифабричные поселки, где интересы зачастую определяются фабрикой. Поэтому и отношение к работе в этих деревнях должно быть иное. Все это нужно изменить. Больше средств, большая четкость в постановке политической и культурной работы среди рабочих, живущих в деревне.

Всю нашу культурно-просветительную работу необходимо повернуть лицом к трудностям нашего хозяйственного строительства, к задачам реконструкции хозяйства, к задачам воспитания отсталых слоев и в особенности новых рабочих и рабочих, связанных с деревней, к бытовым условиям женщин-работниц. Только при этом условии культурно-просветительные организации на предприятиях смогут выполнить свою роль.

Однако, думать, что большим количеством выездов докладчиков, лекций и т. п. мы решим вопрос о политическом воспитании отсталых слоев

живущих в деревне рабочих, неверно. Лишь воздействием рабочего актива на фабрике и подготовкой кадров актива из самих рабочих, живущих в деревне, можно разрешить этот вопрос.

И здесь важнейшим моментом является создание таких условий на фабрике, которые бы в наибольшей мере обеспечивали влияние передовых рабочих, основных рабочих кадров на всю рабочую массу. Для этого надо, чтобы основные кадры эти четко чувствовали эту свою роль. Нужно основные вопросы производства и общественной жизни решать не кабинетным порядком, в порядке согласования вопросов в «треугольнике». Нужно, чтобы эти вопросы решались активом, чтобы актив играл первую роль в борьбе с трудностями. Тогда вопросы организационных форм, их приспособления к новым условиям будут разрешены легче.

Если на новом этапе нашего хозяйственного строительства задача подтягивания, воспитания в пролетарском классовом духе новых отсталых слоев рабочих выдвигается как первостепенная, то особенное значение имеет разрешение этой задачи среди рабочих-текстильщиков. И выполнить ее можно, лишь опираясь всеми силами на передовые слои рабочих, создавая такие условия, чтобы они влияли на отсталых, а не наоборот.

Н. Ленцнер.

Магдебургский с'езд социал-фашистов.

I. Обострение классовых противоречий и подготовка фашистской диктатуры.

Состоявшийся в Магдебурге 26—31 мая с'езд немецкой с.-д. является, несомненно, событием интернационального значения, крупнейшей вехой в истории борьбы классов Германии, рабочего движения в особенности. Подготовка к грядущей гражданской войне в Германии, подготовка к войне империалистической, к войне против СССР в особенности — таковы те политические проблемы, которыми занималась реформистская бюрократия, собравшаяся в Магдебурге.

Чтобы об'яснить почему Магдебургский с'езд занимался этими вопросами, нам необходимо отметить основные тенденции третьего периода как в области международной, так и в применении их к Германии. Анализируя третий период, VI конгресс указал на следующие его основные тенденции: обострение противоречий капиталистической стабилизации (на основе известного технического прогресса и роста производства) и вследствие этого все большее ее расшатывание. При растущей неравномерности экономического и политического развития отдельных стран противоречие между ростом производства и сузившимися рынками сбыта крайне обостряет противоречия между отдельными империалистическими странами, вызывает поэтому стремительный рост вооружений—преддверие войны. Одновременно резко обостряются противоречия между капиталистическим миром и СССР, становится все более угрожающей опасность войны империалистов против СССР. Указанное противоречие между ростом производства и сужением рынков сбыта внутри империалистических стран резко обостряет классовые противоречия. Буржуазия каждой страны стремится стать конкурентоспособной путем рационализации своей промышленности (результат: растущая хроническая безработица, потогонная система, снижение жизненного уровня пролетариата и при этом значительной части квалифицированных рабочих) путем прямого понижения доли рабочего класса в народном доходе (увеличение рабочего дня, в ряде случаев снижение зарплаты, снижение расходов на безработицу и социальное страхование, увеличение налогов для трудящихся, пошлин на продукты массового потребления и т. д.). Это наступление капитала все чаще встречает отпор пролетариата, переходящего в контрнаступление. В условиях обострения кризиса капитализма, эти классовые бои в ходе своего развития в конечном счете перерастут в гражданскую войну, в непосредственную борьбу за власть.

Все противоречия третьего периода с особенной быстротой и четкостью выявляются в современной Германии. Разбитый в первой империалистической войне, германский капитализм сумел при активной помощи реформистской бюрократии в течение какого-нибудь десятилетия встать на ноги. Германский капитализм возродился как активная империалистическая сила. Но этот рост германского империализма происходит в «тяжелых» условиях. Германская

буржуазия должна отдавать известную — и немалую — часть прибавочной стоимости, выколачиваемой из пролетариата, буржуазии других стран. Понятно, что германская буржуазия, взявшая курс на отвоевание соответствующего места под «солнцем», стремится возместить репарационные платежи дополнительным нажимом на рабочий класс. Еще на-днях вождь партии «центра» и католических профсоюзов—Штегервальд [1])—с неслыханной откровенностью развил программу наступления на рабочий класс.

«В хозяйственном и налоговом отношении мы стоим перед социальной политикой форсирования хозяйственного развития страны и отметания всех излишних задач в частном и государственном хозяйстве. Необходима основательная проверка и рациональная организация бюджетов в республике, *на местах и в общинах*; *широкая реорганизация германской налоговой системы*; *упрощение и удешевление социального страхования*.

Ежегодный ввоз продовольствия из-за границы должен в непродолжительном будущем снизиться на 1 — 1½ миллиарда марок. Это будет возможно лишь в том случае, *если население временно будет нести жертвы в форме более высоких пошлин* на определенные товары и в форме других внутриполитических льгот сельскому хозяйству.

Далее *министр заявил, что социальное страхование подлежит* упрощению и удешевлению. С этой целью должна быть произведена *реформа страхования безработных*. *Цель реформы—добиться, чтобы на хозяйство не ложились большие тяготы, чем это абсолютно необходимо*. Страхование безработных должно ограничиться в своем действии теми безработными, которые потеряли работу *не по своей вине*. Страхование инвалидов также не может оставаться в своей теперешней форме. Мы не можем обойтись без реорганизации этой области страхования. Важнейшие социальные задачи современности—дать работу безработным и жилище тем, которые лишены его. Осуществление этих задач должно быть делом не социальной политики, а хозяйственной».

(Иначе говоря, безработные должны получить помощь, став... работающими. Яснее не скажешь).

Комментарии к этой программе излишни.

Но германская буржуазия знает, что одной экономической мощи для империалистического соревнования, для подготовки к участию в новой войне за передел мира, недостаточно. Надо вооружаться.

Надо вооружаться, надо брать за горло рабочий класс. Но германский пролетариат не склонен быть пушечным мясом для новой империалистической войны, тем более для войны против СССР, не склонен приносить в жертву свои классовые интересы во имя конкурентоспособности империалистической Германии. Экономические бои последнего года, огромные успехи компартии на выборах в фабзавкомы, массовая демонстрация берлинских рабочих, несмотря на запрет Цергибеля, майские баррикады—все это говорит о том, что на наступление капитала пролетариат отвечает контрнаступлением, что германский пролетариат сплачивается вокруг компартии и готовится к прямому широкому наступлению на буржуазию и ее государство.

II. Социал-фашисты как организаторы буржуазной диктатуры.

Буржуазия отчетливо осознает перспективу гражданской войны. Берлинская маевка пролила яркий свет на грядущее Германии. О необходимости диктатуры буржуазная Германия в лице Штреземана, Вирта, Штегервальда

[1]) Цитируем по отчету, помещенному в Ц. О. католической партии «Германия» от 27/V.

заявляла еще до майских событий. После берлинских событий буржуазная Германия заговорила об опасности *керенщины*, о перспективе гражданской войны. «*После* берлинских баррикад преступно играть в демократию. Нужна твердая власть, нужна диктатура,—так говорит основная печать [1]) немецкой буржуазии, так говорят Штегервальды. Но тут встает вопрос: *какие формы* должна принять диктатура? *Как* создать строй диктатуры, чтобы он не слишком разоблачил себя в глазах *широких* масс? Провести этот переход руками одних буржуазных партий, это значит создать пропасть между ними и рабочими массами (а ведь у одного центра свыше 1½ млн. избирателей среди промышленных рабочих и работниц), это значит крайне ускорить гражданскую войну. Провести этот переход по итальянскому методу, т.-е. поручить фашистам произвести переворот — это значит *способствовать* сплочению всего германского пролетариата (силу которого германская буржуазия не недооценивает) в борьбе с буржуазной диктатурой. Тем более, что германская буржуазия не забыла уроки капповского путча. Германская буржуазия не хочет *полностью* ломать парламентскую систему. Она по-своему правильно считает, что в Германии диктатура прикрытая, хотя и урезанная парламентской системой, более удобна, чем диктатура итальянского типа.

Германская буржуазия стремится, таким образом, *эволюционным* путем перестроить известные части политической надстройки, стремится ввести такую диктатуру, которая, громя пролетарский авангард, в то же время стабилизировала бы наличный раскол в рабочем классе, помогла бы укрепить сотрудничество классов, не дискредитировала бы буржуазные партии в широких массах. Ясно, что такая диктатура может быть установлена лишь с помощью и при самом активном участии реформистов. Зачем же—чего никак не могут понять такие «великие диалектики», как Тальгеймер—германской буржуазии предпринимать крайне опасный в германских условиях итальянский эксперимент, когда в Германии *можно* создать режим диктатуры с помощью реформистов? Ведь реформисты пока еще имеют за собой 9 мил. избирателей, из них 5—6 миллионов рабочих, ведь в их руках мощный аппарат профсоюзов, могучая организация «республиканского флага». Ведь у реформистов — огромный политический опыт по части обмана масс, и им книга в руки по вопросу о том, как создать режим диктатуры, прикрываясь всякими демагогическими лозунгами.

Германская буржуазия, понятно, всячески укрепляет свои фашистские кадры. Но германская буржуазия в лице ее основной партии—*народной* партии—не считает целесообразным пойти по пути итальянской буржуазии. Она социально и политически достаточно сильна, имеет достаточный опыт в использовании коррумпированной верхушки пролетариата против революционного движения, чтобы не передоверять фашистским кадрам политической власти, чтобы создавать режим диктатуры с помощью социал-фашистов. Она знает, что Вельсы и Зеверинги будут создавать режим неприкрытой буржуазной диктатуры, ибо иным путем они не спасут и свое влияние в рабочем классе. Укрепляя фашистские кадры, развивая деятельность фашистских организаций, буржуазия пока использовывает эти «факты» для шантажа социал-фашистов, для давления на Вельсов и Зеверингов в том направлении, чтобы они энергичнее и тверже держали курс на разгром революционного движения, на подготовку империалистической войны, на «мир в промышленности».

[1]) Демократическая печать («Франкфуртская газета», «Берлинер Тагеблатт») не характерна, ибо она отражает настроения малочисленных и не влиятельных кругов либеральной буржуазии, у которой поджилки трясутся при мысли о грядущей гражданской войне.

Ставя ставку на режим диктатуры с помощью реформистов, германская буржуазия готовится к такой гражданской войне, при которой одна часть рабочего класса боролась бы на буржуазных баррикадах, при чем одновременно весь аппарат реформистских профсоюзов работал бы для более усиленного выколачивания прибавочной стоимости из рабочего класса. Ставя ставку на режим диктатуры с помощью реформистов, буржуазия создает и более благоприятные условия для подготовки к империалистической войне. Вести подготовку войны, тем более самую войну после проигрыша первой империалистической войны, крайне трудно. Зная симпатии широчайших масс германского пролетариата к СССР, германская буржуазия понимает, какие трудности сопряжены с участием Германии в антисоветской войне. Участие реформистов в коалиции, в создании диктатуры в некоторой мере облегчает решение этих задач, ибо реформисты, выдвигаясь на передний план в деле идеологической и организационной подготовки войны, особенно войны против СССР, сделают все возможное, чтобы скрыть империалистический характер войны.

Своеобразие нынешней обстановки Германии (по сравнению, напр., с Италией 1922 г.) состоит таким образом в том, что фашистский режим буржуазия хочет установить и начинает устанавливать прежде всего[1] руками реформистов. Этого своеобразия не видят ни правые, ни примиренцы, с пеной у рта критикующие тезис о социал-фашистском перерождении реформизма. Но германская буржуазия уже сказала свое решающее слово. Она лишь требует, чтобы реформисты были тверды и впредь, чтобы они не стеснялись в мероприятиях по удушению революционного авангарда. О линии трестовского капитала мы можем судить, напр., по следующей выдержке из передовой «Рейнско-Вестфальской газеты» — органа рурской тяжелой индустрии:

«Наименьшее, чего можно от них (с.-д. *Н. Л.*) потребовать — это роспуск коммунистической партии и всех подчиненных ей организаций, прежде всего красного союза фронтовиков (уже выполнено. *Н. Л.*), не оставляя при этом сомнения, что об отмене этого запрещения нечего мечтать в ближайшие годы.

Вот краткий минимальный перечень тех мероприятий, которые должны быть проведены государственной властью. Если имперское и прусское правительства, и прежде всего социал-демократия, занимающая в этих правительствах видное место, захотят уклониться хотя бы в какой-нибудь мере от этих мероприятий, то это будет тяжелый проступок перед государством. Они стоят сейчас у власти, и жаждущее порядка население должно и может ждать от них, что они сделают все возможное и не допустят развития берлинских событий.

На этих господах теперь лежит ответственность, которой они сами добивались. Пусть они покажут, что они в состоянии управлять государством и что у них есть необходимое для этого мужество» (из статьи «Что же дальше?» в № от 4/V).

Крупная буржуазия может быть спокойна. Социал-фашисты не «подгадят». Достаточно вспомнить то, что они сделали за последний год. Год коалиционной практики показал, что именно реформисты являются наиболее хорошими проводниками политики буржуазной Германии. Его результаты были столь выразительны, что даже одна с.-д. газета (плауэнская) однажды не выдержала и отметила, что «коалиция прокладывает путь

[1]) Мы говорим: «прежде всего», ибо на ряду с социал-фашизмом существуют «чистые» фашистские кадры, которые буржуазия укрепляет и которые будут играть соответствующую роль при режиме диктатуры.

к фашизму». «Левые» болтуны единственный раз сказали правду. Коалиция готовит фашистский режим, ибо для этого реформисты и были взяты в коалицию [1]). Махровый черносотенец Кейдель (будучи минвнуделом буржуазного блока) не сумел провести запрещения Союза Красных Фронтовиков. Зато это теперь сделали Гржезинский и Зеверинг, хотя их партия перед выборами в рейхстаг лицемерно критиковала действия националистического минвнудела. Черносотенный минвнудел не решался лишить пролетариат завоеванного права на улицу. Зато «социалистические» минвнуделы достаточно решительны, чтобы отнять это право у пролетариата.

Правительство буржуазного блока не решалось провести декрет о постройке броненосца. Зато это сделало правительство, возглавляемое социал-демократами [2]), хотя вся избирательная кампания с.-д. велась под лозунгами борьбы с постройкой броненосца [3]).

По признанию Пауля Леви [4]) буржуазный министр финансов не решился бы вести такую открыто-буржуазную финансовую политику, какую ведет Гильфердинг. Составить бюджет, перекладывающий сотни миллионов с буржуазии на плечи пролетариата, выпустить заем, дающий буржуазии неслыханные льготы, дарящий ей 50 млн. марок, возвестить о предстоящей «реформе» социального страхования, действительно, решился бы не всякий буржуазный министр в обстановке столь обостряющихся классовых противоречий.

Буржуазные партии постарались сплавить реформистам портфель министра труда, ибо основная функция этого министра состоит в том, чтобы принудительными законами заставлять рабочих отказываться от всех своих требований, выставляемых ими в стачках, чтобы вести курс на снижение расходов по «социальной политике» (т.-е. на пособия безработным, инвалидам и т. д.).

В своей готовности служить буржуазии реформисты решались даже на такие «подвиги», как голосование в рейхстаге против собственных же законопроектов (что имело место с законом о пособиях безработным).

Венцом годичной коалиционной практики реформистов была кровавая баня, устроенная ими в Берлине в майские дни. Берлинские расстрелы, заранее подготовленные и политически взвешенные, показали реформистов в их новой роли, роли социал-фашистов. Политическая цель берлинских расстрелов не была достигнута. Социал-реформистам не удалось ни спровоцировать пролетарский авангард на преждевременный изолированный бой, ни запугать широкие массы. Зато сами реформисты перешли Рубикон, открыто встав на путь фашизма. Устраивая бойню, провоцируя пролетарский авангард на преждевременный (ибо большинство класса еще не завоевано, хотя эта задача встала уже вплотную) бой, социал-фашисты видят в этом единственный путь и своего спасения, как буржуазной рабочей партии. Год коалиции рассеял многие иллюзии масс. Реформисты рисовали массам коалицию, как средство завоевать государство по частям, как наиболее мирный и лучший путь улучшения жизненного уровня

[1]) Этого не понимала в свое время примиренческая группа в ЦК (Эверт, Герхардт и др.), расценивая перспективу создания большой коалиции как перспективу ослабления фашистской опасности.

[2]) В связи с этим интересно отметить признание Мюллера на с'езде, что с.-д. министры голосовали на заседании кабинета за постройку броненосца, хотя знали, что они могли бы иметь большинство против постройки.

[3]) У Мюллера хватило наглости заявить на с'езде, что он уже до выборов знал, что броненосец придется строить и что с.-д. партия-де пересолила, агитируя на выборах против постройки броненосца. Нужно далеко зайти в своей социал-фашистской и социал-империалистской эволюции, чтобы так плевать в лицо многомиллионным избирателям с.-д. партии.

[4]) См. передовую в журнале «Классовая Борьба» от 15/V.

пролетариата, как инструмент мира. Коалиционная же практика показала массам, что эта коалиция является орудием укрепления классового господства буржуазии, орудием более усиленной эксплоатации масс, орудием подготовки новой войны.

Кризис с.-д. партии в связи с голосованием с.-д. министров за постройку броненосца, катастрофическое поражение профсоюзной реформистской бюрократии на выборах в фабзавкомы были результатом годичной коалиционной практики. Но реформистская бюрократия превосходно понимает, что нужно ожидать еще более худшего. Социал-фашистский путь, на который встали реформисты, является для них путем борьбы за удержание влияния на большинство рабочего класса.

Социал-фашистский путь реформистов отражает прежде всего всю серьезность кризиса немецкого капитализма. У последнего нет материальных резервов для компромисса с рабочим классом. Он коррумпировал часть рабочей аристократии, но одновременно снизил жизненный уровень значительной части квалифицированных рабочих, этой былой опоры оппортунизма. Он создал новый слой чиновничества из рабочих аристократов, посадив их в полицейские управления, но одновременно он срезает социальные пособия миллионам безработных, инвалидов и т. д.

Реформисты вросли в буржуазное государство, но зато сузился их социальный базис в рабочем классе и крайне расширился мелкобуржуазный базис (эти передвижки в социальном базисе реформизма отчетливо выявились на майских выборах 1928 г.). Они уже не могут демократическими методами удержать за собой большинство рабочего класса. Не помогает и политика исключений из профсоюзов и др. массовых организаций. Нужно поэтому поставить последнюю ставку: на фашистские методы разгрома революционного пролетариата, на фашистскую систему сотрудничества буржуазии и рабочей аристократии. Социал-фашистское знамя реформизма — это знамя подготовки диктатуры, это знамя подготовки новой империалистической войны, войны против СССР. И это знамя немецкая с.-д. подняла на своем с'езде в Магдебурге.

III. Проблема диктатуры на Магдебургском с'езде.

Политическая линия с'езда была четко формулирована уже во вступительной речи Вельса—этого Цергибеля периода 1919 г. и мастера по устройству кровавых бань, а ныне председателя партии. «Если бы врагам республики удалось нанести столь тяжелый вред демократии, что единственным исходом осталась бы диктатура, то с.-д. и профсоюзы, действуя с полным сознанием ответственности и с сохранением непоколебимой дисциплины, вынуждены были бы прибегнуть к методам диктатуры. Право диктатуры принадлежит социал-демократии и никому другому, ибо только при социал-демократии существовала бы также и гарантия возвращения к демократии. Социал-демократия отклоняет всякую ответственность за кровавые события в майские дни. (В отчете, помещенном в вечернем выпуске «Форвертса», весь отрывок дан жирным шрифтом) [1]). В этом тщательно взвешенном заявлении дана полная программа социал-фашизма.

В речи Вельса, во-первых, дан ответ буржуазии на вопрос о том, готовы ли реформисты взять на свои плечи дело создания диктатуры. Вельс, председатель партии, на ее с'езде публично дает положительный ответ. Из речи Вельса, во-вторых, вытекает, что вопрос о диктатуре уже обсу-

[1]) В своем отчете «Форвертс» отмечает, что на это заявление с'езд ответил бурными аплодисментами.

жден и решен в среде реформистской бюрократии. Вельс говорил не только от имени ЦК и не только от имени с.-д. партии. Он ведь говорил и от имени профсоюзной бюрократии. Он выступил как уполномоченный и партийной и профсоюзной бюрократии. Всякому ясно, что без тщательного предварительного обсуждения вопроса Вельс не решился бы выступить с таким ответственным заявлением. В речи Вельса, в-третьих, указаны и те методы, которыми социал-фашисты будут организовывать диктатуру. Социал-фашисты будут создавать режим диктатуры под лозунгом защиты демократии. «Коммунисты и фашисты хотят похоронить демократию. Мы хотим ее сохранить. Но сделать это можно лишь диктаторскими мерами». Таков, примерно, тактический трюк Вельсов. Вельсы не были бы социал-фашистами, если бы они не прикрыли свое фашистское дело знаменем демократии. В этом, между прочим, и заключается одно из различий между фашизмом и социал-фашизмом. Первый готовит диктатуру, дискредитируя демократию. Второй готовит диктатуру якобы для защиты демократии. Первый это делает потому, что он опирается прежде всего на националистическую реакционную мелкую буржуазию города и деревни, на отсталые деклассированные элементы пролетариата, второй — потому, что все еще ведет за собой широкие массы пролетариата, рассматривающие демократические права, как результат демократии.

Первый (напр. в Италии) устанавливал диктатуру, громя всю парламентскую систему, всю систему партий, ибо имел рядом с собой лево-реформистскую партию (каковой была итальянская социалистическая партия в 1922 г.), лево-реформистские профсоюзы, многочисленную лево-реформистскую парламентскую фракцию; второй выдвигается буржуазией там, где особенно силен реформизм, сильна коррумпированная рабочая верхушка и рабочая бюрократия, где сильны еще демократические иллюзии рабочих масс революции.

Диктатура, о которой говорит Вельс, будет опираться на профсоюзы. Т. о. не только с.-д. партия становится социал-фашистской, но этот же процесс проделывает и профсоюзная бюрократия. Она хочет сделать реформистские профсоюзы фашистскими. Зная программу «хозяйственной демократии», принятую последним гамбургским с'ездом профсоюзов, не трудно понять, что профсоюзная бюрократия хочет превратить профсоюзы в орудие предпринимателей по более усиленному выколачиванию прибавочной стоимости [1]). Конечно, Вельсы, Зеверинги, Брейтшейды не были бы социал-фашистами, если бы, подготовляя этот новый, превосходящий по своим размерам все предшествующие, удар против рабочего класса, не кричали о том, что они «ни пяди» не уступят в защите социальных интересов пролетариата. Делая доклад от имени парламентской фракции, Брейтшейд патетически заявил, что вопрос о социальном страховании—это вопрос коалиции. «Если вы посмеете сократить расходы на социальное страхование, коалиция будет взорвана»—так, примерно, грозил буржуазии Брейтшейд. Ясно, что вся эта шумиха рассчитана прежде всего на то, чтобы успокоить бунтующие с.-д. массы, требующие ухода с.-д. министров из коалиционного правительства, успокоить массы реформистских профсоюзов, требующие, чтобы профсоюзы организовывали контрнаступление.

Все заявления Брейтшейда и др. о борьбе за существующий порядок в социальном страховании, заявления Зеверинга и др. о борьбе за «респу-

[1]) Как высоко котирует буржуазия фашистские способности реформистской профсоюзной бюрократии, видно из одной статьи в «Горнозаводской Газете», органе тяжелой индустрии, заявляющей, что реформистские вожди «гораздо лучше понимают обстановку, чем даже католические профсоюзы».

бликанизацию» рейхсвера и все прочие демагогические заявления были лишь весьма прозрачным маневром, предназначенным для успокоения масс и торговли с буржуазией о цене предательства. Буржуазия, несомненно, не уступит. Социал-фашисты же будут не за страх, а за совесть гнуть рабочих в бараний рог.

Опыт сотрудничества социал-фашистских *диктаторов* с профсоюзной и партийной *бюрократией уже имеется*. Выступая на собрании берлинского актива с.-д. партии, Цергибель публично заявил: «Я находился в непрерывной связи с руководящими товарищами из партии и профсоюзов». Берлинские выстрелы производились, стало быть, *с ведома и благословения бюрократии партии и профсоюзов*. О тесном сотрудничестве этой троицы в будущем Вельс и заявил на магдебургском с'езде [1]).

Социал-фашистская программа, сформулированная Вельсом, не встретила возражений ни от одного из делегатов с'езда, ни один «левый» делегат не выступил с критикой заявлений Вельса. «*Левые*» с.-д. *своим молчанием подтвердили свою солидарность с социал-фашистской программой Вельса*.

Под социал-фашистскую программу, сформулированную Вельсом, на с'езде был подведен и соответствующий теоретический базис. Во всех выступлениях партийных вождей красной нитью проходила мысль о том, что современное государство Германии *не* является классовым государством, что оно является государством *и* рабочего класса. Более глупый, чем другие, Дитман в своем докладе о военной программе заявил даже, что в Германии происходит уже... строительство социализма.

«Мы больше уже не живем в чистом капиталистическом обществе, а в переходном периоде к *социализму*... Старое государство мы расценивали как управление делами господствующего класса. Теперь государственная власть дается народом... Критики заявляли, что для социалистического государства они допускают военную силу. Но я уже указал, что *мы находимся в периоде развития к социализму*. Мы должны теперь защищать уже *социалистические* требования. Кто разрешает России иметь военную силу, потому что там якобы нужно защищать социалистический строй, тот должен разрешить и Германии, ибо здесь мы должны защищать социалистические достижения, *в десятки раз превосходящие достижения русских*» [2]) (курсив отчета. Цитирую по «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 29 мая).

Можно не сомневаться в том, что *завтра* Дитманы об'явят социалистической ту фашистскую диктатуру, которую они установят. Заявление Дитмана показывает, что социал-фашисты в своей демагогии ушли вперед даже по сравнению с Муссолини.

---

[1]) Одно это заявление вдребезги разрушает все теоретические фокусы-покусы г. Тальгеймера, который весьма кичится своей «ученостью», критикует редакторов партийных газет, пишущих о социал-фашизме. По мнению Тальгеймера, понятие «социал-фашизм» заключает в себе внутреннее противоречие. По мнению Тальгеймера, нелепо говорить о социал-фашизме, ибо фашизм уничтожает реформистскую партию и профсоюзы. После речи Вельса Тальгеймер должен будет умерить свой полемический пыл. Оказывается, что «неученые» молодые редактора печати КПГ лучше разбираются в диалектическом ходе классовой борьбы, чем «ученый диалектик» Тальгеймер.

[2]) В унисон этим социал-фашистским теориям была теория, развитая Зольманом: «Как преимущественно политико-экономическая партия с.-д. не может взять курс лишь на атеизм. Атеизм в такой же мере широкое понятие, как и вера в бога. *К социализму можно притти как через атеизм, так и через христианство*. В рядах с.-д. есть атеисты, монисты, философские идеалисты, философские материалисты, неокантианцы, протестанты, католики, а также (!) иудеи». Разве *такая* партия—плохая социал-фашистская партия?

IV. Программа подготовки империалистической войны и войны против СССР.

Теория «надклассового» государства была положена и в основу *военной программы* (или — как нечаянно остроумно заметил Пауль Леви,— *программы войны*), принятой с'ездом. Современное государство — наше государство. В то время, как реакционные фашистские государства вооружаются, демократическая Германия не может быть безоружной. Вооружения Германии нужны не для наступательной войны (ибо, как заявил Брейтшейд, «Германия далека от того, и не в состоянии вести империалистическую политику, если бы даже она этого хотела»), а для обороны, для защиты своей нейтральности — таковы были аргументы социал-фашистов. Весь смысл этой теории, как и всей военной программы, сводится к тому, чтобы *оправдать* в глазах масс (переживших ужасы мировой войны, в которой германский империализм потерпел поражение) новые вооружения, подготовку новой империалистической войны. Социал-фашисты с большим искусством использовывают «особое» положение Германии, как побежденной страны, доказывая массам, что Германия «*не может*» быть *империалистической* страной.

Решение о разработке военной программы было вынесено ЦК с.-д. партии в связи с кризисом партии, вызванным голосованием с.-д. министров за постройку броненосца. Тот стихийный бунт, который поднялся в рядах с.-д. партии (в одних случаях, принимавший форму отказа от выполнения партийных нагрузок, в других — требования исключения с.-д. министров из партии, в третьих—требования поддержки лозунга коммунистов о плебисците), показал с.-д. верхам, какую огромную работу нужно проделать, чтобы оправдать в глазах масс политику империалистических вооружений, чтобы подготовить их к новой войне.

Военная программа с.-д. рассматривается и буржуазией и реформистской бюрократией, как крупнейшее *идеологическое* орудие в обработке масс для новой войны. Германская буржуазия, сама усердно играющая по пацифистским нотам, меньше всего беспокоится о том, что с.-д. программа «принципиально» отвергает войну как «орудие национальной политики», что с.-д. программа «угрожает» принять все меры в том числе и (не шутите) «революционные» для наказания *виновников наступательной войны*. Огромное—с точки зрения империалистической Германии— значение с.-д. военной программы состоит в том, что с.-д. партия, впервые после войны *развернула отчетливую социал-империалистскую программу*. Впервые после 10 лет со времени окончания первой империалистической войны, партия, ведущая за собой 9 млн. избирателей; из них по меньшей мере (в мае 1928 г.) 5 млн. пролетарских избирателей, поставила на своем знамени лозунг *вооружений*. При чем эта милитаристская программа с.-д. имеет — с точки зрения обработки масс для войны — то преимущество перед программами фашистов-националистов, что она не идет «против течения», против пацифистских настроений масс, а весьма ловко эксплоатирует эти пацифистские настроения для милитаристских задач. Социал-фашисты оказались достаточно ловкими (правда, с помощью австро-марксистского обер-фокусника Бауэра), чтобы военную программу, своим острием прежде всего направленную против СССР, представить в глазах масс, как программу защиты нейтральности Германии в случае войны других стран против СССР. Социал-фашисты *хотят выиграть время*. Их основная задача состоит в том, чтобы усыпить внимание масс на период *подготовки войны*. Когда же подготовка будет совершена, задача оправдания *участия Германии в войне против СССР*, — думают реформисты — явится делом менее сложным и трудным.

Но военная программа, принятая магдебургским с'ездом, является не только программой вооружения для войны во-вне. Она является также программой вооружения *для гражданской войны внутри страны*[1]. Только с этой точки зрения можно понять то исключительное внимание, которое уделил с'езд вопросу «завоевания» *рейхсвера*. Социал-фашисты готовятся к диктатуре. Но диктатуре нужна вооруженная сила. Этой вооруженной силой является рейхсвер, в своей командной верхушке—в значительной мере и в рядовой массе—монархический. Социал-фашисты, готовя диктатуру для подавления рабочего класса, настаивают на том, чтобы буржуазия вверила им рейхсвер. Буржуазия, конечно, этого не сделает, но та забота, которую проявляют реформисты в отношении рейхсвера — *этой наемной армии* германского империализма — ярко характеризует их социал-фашистскую суть.

V. „Левые" на Магдебургском с'езде.

Программа магдебургского с'езда — *это программа подготовки диктатуры* (*против рабочего класса*) *и империалистической* (*прежде всего против СССР*) *войны*. Эта программа знаменует собой *новый* этап—именно социал-фашистский—в развитии немецкого реформизма. Эту программу с.-д. партия намечает после годичного опыта коалиции, балансом которого является резкое падение влияния с.-д. в рабочем классе. Понятно поэтому, что на с'езде—как он ни был профильтрован — *должны были выявиться некоторые* колебания, должно было отразиться, хотя как в кривом зеркале, недовольство с.-д. низов. Линия основного ядра бюрократии (Вельс, Зеверинг, Мюллер, Гильфердинг, Браун и т. д.) ясна и четка. Никаких колебаний в деле перехода к социал-фашизму у них нет. Никакого «похмелья» после года коалиционной практики они (*по заявлению Гильфердинга*) *не чувствуют*. Их курс—это продолжение коалиционной политики, подготовка гражданской и империалистической войны[2]). Но баланс года коалиционной практики был столь отрицателен, перспективы столь незавидны, что даже среди части сторонников линии ЦК царили пессимистические настроения. Уже в своей вступительной речи Вельс вынужден был говорить о наступлении ожидавшихся разочарований, о том, что «находясь в коалиции, мы чувствуем себя в тяжелом состоянии оборонительной борьбы», что «с.-д. всегда имеет мужество быть *непопулярной*». (См. «Абенд» от 27 мая). Правда, в своей речи Гильфердинг старался подогреть с'езд, уверяя, что самый тяжелый период — позади. Но его речь, холодно принятая с'ездом, не развеяла настроений похмелья (Katzenjammer'a) и беспокойства. В своем заключительном слове Фогель призывал делегатов не представлять дело так, что «наша коалиционная борьба была совершенно бесцельной и смешной. Этим мы уменьшаем *пропагандистскую силу* (в этом-то собака и зарыта. *Н. Л.*) наших действий в будущем». («Л. Ф.» от 31 мая). Такой матерой реформист, как *Ландсберг*, отразил эти колебания «переходного периода», спраши-

[1]) Зеверинг—ианболее яркая фнгурв соцнал-фашизма, не только поддерживал лозунг завоеванвя рейхсверв как орудня в гражданской войне, но открыто высменвал непоследовательиых «левых», «которые заявляют, что военная снла в капиталистическом государстве служит не только внешне- но н внутренне-полнтическнм интересам буржуазнн, и в то же время требуют в своей progрвмме действня, чтобы военные силы не применялнсь прн конфлнктах между государством н трудом». («Л. Ф.» от 29/V).

[2]) «Кельнская Газета», оргаи народной партии, с удовлетворением отмечала, что «нельзя говорить, что ЦК боялся создать ясность о будущей линнн н предложил бы туманную линию. Фогель поставил вопрос о броненосце с твердой ясностью н решительностью». (См. утрен. вып. 28/V).

вая: что же будет дальше? «При обсуждении политики нынешнего коалиционного правительства выявился *всеобщий пессимизм*... В нас всех живет чувство неуверенности. *Что мне придется еще пережить?*». (Цитирую по отчету «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 31 мая).

Никаких выводов болото с'езда, конечно, не делало. Никаких выводов не делала и «левая» оппозиция, представлявшая собой в отношении сплоченности полную противоположность руководящей группе партии. *Численно оппозиция была значительно сильнее, чем на Кильском партейтаге*. По вопросу о военной программе она получила 147 голосов против 244. Если выделить голоса делегатов с мест (без парламентской фракции), тогда удельный вес оппозиции повышается до 43%[1]) (167 и 122). Если же взять промышленные районы (Берлин, Нижний Рейн, Саксонию), тогда оппозиция превращается уже в большинство. Нам достаточно отметить этот факт, чтобы стало ясным, что в с.-д. *низах происходит большое брожение*.

Волна недовольства соц.-дем. массы, большая часть которой все более становится в оппозицию к социал-фашистскому курсу ЦК, подняла на верх «левых» фразеров, являющихся составной частью социал-фашистской бюрократии. Численно большая оппозиция была *идейно-политически абсолютно импотентна*. Если в *Киле* оппозиция выступала с «принципиальной» критикой, то в Магдебурге она полностью капитулировала в основном вопросе, разделявшем «правых» и «левых» с.-д.—вопросе о коалиции.

Вся прежняя «левая» — Зейдевиц, Розенфельд и др. открыто заявили, что они не являются принципиальными противниками коалиции. «Дискуссия на с'езде показала, что налицо крепкое единство партии. Никто теперь не является уже больше принципиальным противником всякой коалиции»,— заявлял «левый» Розенфельд.

Но капитулировав перед ЦК в основном разделявшем ее от ЦК вопросе, оппозиция не могла противопоставить ему никакой другой линии. Все ее выступления сводились к «покорной просьбе» вести более успешную коалиционную политику, вести такую политику, которая не дискредитировала бы столь резко с.-д. партию. Представители большинства с правом отмечали, что оппозиция отступила со своих кильских позиций, и хвалили умеренность ряда ее представителей. «Форвертс» особенно хвалил саксонских «левых», в частности, лидера дрезденских с.-д. — Флейснера. Выступавший от имени ЦК Шеллинг приветствовал выводы Зейдевица и призывал всех делегатов «сердечно приветствовать эти выводы». (Цитирую по дрезденскому «Голосу Рабочего» от 29/V).

Может быть, с несколько большим треском, но политически столь же импотентно выступала оппозиция *по вопросу о военной программе*. Ее проект, весьма «левый» в принципиальной части, в разделе практических требований — по справедливому замечанию Зеверинга—ничем не отличался от проекта большинства. С шумом заявляя, что они против вооружений капиталистического государства, что они за политику, намеченную... К. Либкнехтом и Р. Люксембург, «левые» болтуны не решались даже требовать отклонения военных кредитов.

Их единственный «практический» пункт — требование контроля над производством военных материалов — сближая их с брандлерианцами, выдавал «левых» с.-д. с головой, как сознательных спекулянтов «левой фразой». Грозно возвещая, что «левые» считают борьбу с войной борьбой за социализм, эти болтуны в своих комментариях к программе (см. статью Штре-

[1]) См. «Л. Ф.» от 29/V.

беля в этом сборнике) выдвинули, как практическую программу борьбы за мир... Женевский протокол Макдональда и Эррио.

На самом с'езде эта «левая» оппозиция военной программе была особенно жалка. Светило оппозиции—Пауль Леви—выступил с социологическими обобщениями о сущности войны, о том, что с.-д. отвергает войну и т. д., а в конце чижика с'ел: как заметил Криспин, Леви «стыдливо закончил свою речь требованием реорганизации рейхсвера». При голосовании о военной программе оппозиция получила относительно наибольшее число голосов (147 в сравнении с 135 за резолюцию оппозиции о коалиции). За эту резолюцию голосовали даже те, которые по всем остальным вопросам твердо идут вместе с ЦК. Это голосование показывает, во-первых, насколько непопулярна военная программа с.-д. даже в их собственной партии, насколько сильно давление с.-д. низов, заставляющее 43% делегатов прикидываться противниками вооружений «в принципе», во-вторых, насколько бессодержательна и безответственна позиция оппозиции, если даже самые прожженные правые считают возможным голосовать за резолюцию.

Подводя итоги с'езду, «Форвертс» с правом мог сказать, что *с'езд был более сплоченным, чем кильский*. Та «левая» — в рамках дозволенного—критика, которая раздавалась на с'езде ни в малой степени не противоречит этому факту. Критика, не развязывающая движение против социал-фашистского курса, а помогающая прикрыть этот курс «левыми» занавесами, весьма ценна для социал-фашистской бюрократии. Заправилы с'езда бешено нападали на Экштейна, когда тот заявлял, «что кличка «предатель отечества» является почетной для нас (с.-д.)», ибо т[illegible]ая левизна уже переходила грани дозволенного и играла с огнем. Но такое «необдуманное» выступление было одиноким. И ЦК и «левые» ушли со с'езда довольные друг другом, довольные «товарищеской полемикой».

Магдебургский с'езд показал, что в обстановке обостряющихся классовых противоречий, «левая» с.-д. все больше вынуждена разоблачать себя, как составную часть социал-фашистской бюрократии.

Майские расстрелы сыграли огромную роль в ускорении этого процесса консолидации с.-д. бюрократии. Майские расстрелы кровью рабочих скрепили союз Цергибеля и «левого» Кюнстлера. Именно Кюнстлер стал раз'ездным защитником действий Цергибеля, защищая его социал-фашистский террор перед с.-д. массой Франкфурта, Кельна и др. «левых» городов.

Известную роль в консолидации с.-д. бюрократии играет и предстоящая коалиция в Саксонии. Могли ли саксонские с.-д.—эти патентованные «левые» — выступать на магдебургском с'езде за взрыв коалиции, когда на-днях им самим придется участвовать в создании коалиции?

Но майские расстрелы и предстоящая коалиция в Саксонии являются результатами одного и того же процесса — обострения борьбы классов. Обостряющая классовая борьба *заставляет* «левых» вместе с Цергибелем устраивать кровавые бани, сидеть вместе с представителями трестовского капитала в одном кабинете. Это ли не саморазоблачение «левых», не показатели их социал-фашистской эволюции?

Было бы, конечно, неправильным думать, что «левые» *совсем* откажутся от спекуляции с «левой фразой». Кюнстлеры, Флейснеры, Либманы будут сотрудничать с Цергибелями и сидеть в министерских креслах. Зато Леви и Зейдевицы будут болтать о классовой борьбе в своей «Классовой Борьбе» (орган «левых»). Но *основной* итог Магдебурга состоит в том, что произошел известный процесс консолидации «правой» и «левой» бюрократии и что этот процесс будет развиваться и в дальнейшем. Этот итог важно подчеркнуть для того, чтобы можно было *правильно оценить роль брандлерианцев в развертывающейся решающей*

борьбе между реформизмом и коммунизмом. В обстановке «правения» «левых» социал-демократов, их саморазоблачения в глазах масс роль брандлерианцев, как барьера против коммунизма, несомненно, увеличивается. Брандлерианцы имеют то преимущество перед «левыми» с.-д., что они выступают под коммунистическим знаменем, что они имеют известное прошлое, что они не несут ответственности — подобно «левым с.-д.» — за коалиционную практику Гильфердингов и Мюллеров, за социал-фашистскую деятельность Цергибеля. Чем больше будет обостряться классовая борьба, тем «ответственнее» будет роль брандлерианцев, как орудия реформизма в борьбе с коммунизмом. «Левые» социал-демократы критикуют лишь коалицию. Брандлерианцы же агитируют за рабочее правительство. «Левые» соц.-демократы предлагают лишь реформировать рейхсвер. Брандлерианцы же предлагают создать милицию. «Левые» соц.-демократы сваливают вину за майские расстрелы на коммунистов, брандлерианцы же на Цергибеля и... коммунистов.

Помешать делу создания единого фронта под руководством компартии, приложить все усилия к тому, чтобы компартии не удалось мобилизовать массы для борьбы за власть, сбив последние на путь создания «рабочего правительства», на путь борьбы за «рабочий контроль» — такова та роль дезорганизаторов революционного движения, которую предназначает для брандлерианцев реформизм. Чем больше будут леветь массы, тем «сердечнее» будет становиться блок между «левыми» типа Леви и брандлерианцами, тем все быстрее будут исчезать те небольшие перегородки, которые отделяют брандлерианцев от «левых» с.-д. Реформисты и брандлерианцы, конечно, просчитаются, если рассчитывают, что ренегатам «Спартака» удастся внести какой-либо серьезный разброд в ряды революционного пролетариата. Но ясно в то же время, что брандлерианцы в ходе обострения классовой борьбы будут всячески использованы реформистами для борьбы с компартией. Было бы неправильно недооценивать опасности *с этого конца.*

VI. Кризис немецкой с.-д. и задачи борьбы за массы, идущие за с.-д.

Если магдебургский с'езд отразил процесс *консолидации* социал-фашистской *бюрократии*, то вместе с тем, с'езд показал, что в соц.-демократической *партии* развертывается глубокий кризис. Показателем этого, во-первых, была неслыханная для с.-д. с'ездов послевоенного периода численность оппозиции, во-вторых, те бешеные нападки, которые делала бюрократия *на молодые кадры своей партии.* Эта тревога «отцов» не напрасна. Антиброненосная кампания показала, что с.-д. молодежь не гарантирована от коммунистического влияния.

Если верхи с.-д. молодежи являются лишь филиалом «левой» с.-д. бюрократии, то широкие массы с.-д. молодежи идут гораздо дальше партийной массы. Во время антиброненосной кампании был ряд случаев перехода групп с.-д. молодежи в комсомол.

Социал-демократические низы, особенно молодежь, несомненно, находятся в состоянии брожения.

Обострение классовых противоречий, наступление капитала, контрнаступление пролетариата, развертывающееся под руководством компартии, не только оторвали от с.-д. значительные массы рабочих, но и внесли глубокое разложение в ее собственные ряды. С.-д. рабочие низы охвачены глубоким недовольством. Они еще не осознали (известная часть, никогда не осознает, ибо она — отряд коррумпированной рабочей аристократии и поэтому поддерживает социал-фашистский курс ЦК), что политика с.-д. партии — это буржуазная политика, но они уже выходят из состояния пассивного сопротивления линии партийной бюрократии. Они требуют выхода из коалиции и реаль-

ной борьбы против наступающего капитала, они требуют отказа от поддержки империалистической политики, борьбы с этой политикой. Поправение «левых», открытая социал-фашистская линия, взятая на магдебургском с'езде, ускоряет процесс отхода масс от реформизма. *Многое* зависит и от нашей партии. Сейчас больше, чем когда бы то ни было, необходим твердый курс на создание единого фронта *внизу* и с соц.-дем. настроенными рабочими. Сейчас больше, чем когда бы то ни было, необходимо *главный огонь направить по* «левым» фразерам из лагеря реформистов, по их брандлерианским союзникам. Но одновременно нужно дать отпор разглагольствованиям о том, что массы, идущие за соц.-демократией, являются наиболее сознательно-реакционной частью пролетариата. Если бы такие настроения проникли в партию, они имели бы лишь один результат — торможение дела создания единого фронта с соц.-дем. рабочими против буржуазии и реформистской бюрократии.

Магдебургский с'езд проходил под знаком бешеных нападок на нашу партию и СССР. Реформистская бюрократия чувствует, что почва уходит из под ее ног. «Лейпцигер Фольксцейтунг» «наивно» спрашивала, почему на с'езде так много говорят о коммунистах, если они,— по заявлению ораторов,— накануне развала. «Левая» газета напрасно прикидывается дурой: она превосходно знает, что бешеные нападки Вельса и К° на компартию вызваны именно тем, что компартия растет, что растут силы пролетарской революции.

Магдебургский с'езд социал-фашистов дал программу подготовки диктатуры, подготовки империалистической войны, своим острием направленной прежде всего против СССР. Предстоящий с'езд КПГ даст социал-фашистам достойный ответ. Он развернет программу борьбы за сплочение и организацию большинства пролетариата, за подготовку к грядущим великим боям за диктатуру пролетариата.

Г. Смолянский.

К профсоюзным проблемам „периода третьего“.

(К предстоящему пленуму ИККИ).

Профсоюзные проблемы, тактика наших партий в нарастающих экономических боях рабочего класса приобретают все большее значение, как один из центральных вопросов нашей работы. В частности, этот вопрос будет в центре работ предстоящего X пленума ИККИ.

VI конгресс Коминтерна и IV конгресс Профинтерна наметили генеральные черты «третьего периода» и особенности современных классовых боев. С того времени прошел почти год. Развернувшиеся за это время экономические бои, перебросившиеся почти во все части капиталистического мира, не только целиком и полностью подтвердили анализ конгрессов Коминтерна и Профинтерна о нарастании классовых противоречий, но и явились экзаменом на большевистскую зрелость коммунистических партий, на их способность к проведению в жизнь тактики «класс против класса», на самостоятельное возглавление экономических боев, на роль собирателя и руководителя масс в обстановке «третьего периода».

Новая полоса экономических боев не только подтвердила генеральную линию Коминтерна, но целый ряд проблем, претворенных в опыте практической борьбы, уточнила, поставив в связи с этим перед компартиями и новые тактические задачи. На VI конгрессе Коминтерна еще ранее, на IX пленуме ИККИ, где впервые намечались основные тенденции современных экономических боев, вопрос стоял о *недооценке* в наших рядах возможности *частичных* экономических боев при трестифицированном капитале, о *хвостизме* в отношении реформистского профсоюзного аппарата («Zwingt die Bonzen!»—«толкайте профбюрократов!»). Компартии и революционное профдвижение захватывались стачечным движением *врасплох*. Доминирующим моментом в работе компартий и революционного профдвижения был *агитационно-пропагандистский*, а не организационный. Еще далеко не для всех даже вполне искренно голосовавших за резолюции VI конгресса Коминтерна был ясен смысл нарастающей активности масс (и в первую очередь—неорганизованных). Опыт последнего года *развернул* эти проблемы. Перед нами проблема неорганизованных, как одна из важнейших проблем нашей эпохи. Перед нами задача охвата неорганизованных в новом освещении—через «комитеты борьбы», стачкомы, антилокаутные комитеты и т. д., создаваемые не из недр профессиональных союзов, а *всей борющейся массой* пролетариата. Перед нами новая тактика на перевыборах фабзавкомов. Наконец, самая борьба с социал-империалистической профсоюзной бюрократией, как и вытекающие отсюда тактические проблемы (что делать с исключенными из реформистских профсоюзов членами революционной оппозиции, отношение к «реверсам» и т. д.) не стояли тогда с такой исключительной остротой, с какой они

стоят в настоящее время. Вот почему, прежде чем перейти к этим основным тактическим проблемам, необходимо предварительно ознакомиться с общей обстановкой борьбы.

Обстановка борьбы

Особенности теперешнего под'ема рабочего движения отражают *дальнейшее* обострение основных капиталистических противоречий «третьего периода», отмеченных VI конгрессом Коминтерна. Экономическая политика современного капитализма, раздираемого основным противоречием между возрастающими производительными силами и суженными рынками, направлена на усиление эксплоатации пролетариата путем капиталистической рационализации. Эта капиталистическая рационализация означает дальнейшее понижение жизненного уровня пролетариата, усиленную безработицу, чудовищную интенсификацию труда. Не случайным является то явление, что наибольшее ожесточение и заострение экономических боев мы имеем как раз в тех странах, где процесс капиталистической рационализации зашел дальше всего и особенно где период наиболее *бурной* капиталистической рационализации уже *в значительной* степени *исчерпал* себя (Германия). В Англии, более *отставшей* в темпе капиталистической рационализации, мы имеем лишь *начальный* период накопления экономических конфликтов.

Через три—четыре года капиталистической рационализации рабочий класс начинает сбрасывать с себя иллюзии, прививавшиеся ему социал-демократической и профсоюзной бюрократией о возможности в результате капиталистической рационализации повышения жизненного уровня пролетариата. Еще только в конце прошлого года, на гамбургском конгрессе германских профсоюзов реформисты распространяли легенду о повышении реальной зарплаты в Германии. Известный меньшевистский статистик Войтинский писал в мае 1928 г. в «Форвертсе»: «Для рабочего класса речь идет о двойной задаче: выровнять... возрастающую дороговизну и обеспечить себе *справедливую долю* в плодах рационализации. Профсоюзам удалось, в общем и целом, эту задачу разрешить». А в начале 1929 г., в февральской книжке «Геверкшафтсархив», даже этот теоретический орган германских реформистов вынужден был поставить вопрос о том, что «теория реальной зарплаты происходит от тех, которые зарплату *выдают*, но не от тех, которые на нее должны существовать».

Насколько соответствуют действительности утверждения меньшевистского статистика, видно даже из официальных данных германских статистических органов. Если не считать быстрого повышения реальной зарплаты в первый послеинфляционный период, как результат стабилизации валюты, то с января 1926 г. до июля 1928 г., т.-е. как раз в период рационализации, реальная недельная зарплата квалифицированных рабочих увеличилась только на 2,7%, а у неквалифицированных—на 5,1%. Уже эти самые цифры показывают, какие «плоды» капиталистической рационализации выпадали на долю рабочего класса. Но к этому следует прибавить, что за последние три года интенсивность труда увеличилась не менее чем на 40%. Безработица достигает сейчас свыше двух миллионов человек, а с работающими сокращенную неделю—около 3½ млн.; в отдельных отраслях промышленности, главным образом, в старых, реальная зарплата стоит на чрезвычайно низком уровне. Так, например, в текстильной промышленности квалифицированный рабочий получает в среднем даже менее средней реальной зарплаты неквалифицированного германского рабочего вообще. Мечта предпринимателей—не увеличение доли рабочего класса в «плодах» рационализации, а дальнейшее безостановочное понижение жизненного уровня германского пролетариата. Об этом открыто говорит капиталисти-

ческая печать. Пожалуй, никогда так цинично предприниматели не излагали своей «рабочей программы», как именно сейчас, потому что они чувствуют за собой поддержку всего реформистского профсоюзного аппарата. Реформистское профдвижение стало опорой «общенационального хозяйства».

Стоит только проследить за выступлениями крупнокапиталистической прессы, чтобы убедиться в открытых вожделениях «рационализированного» капитала. Во время рурского конфликта «Дейче Бергверксцейтунг» (от 12 октября 1928 г.) писала: «Пора подумать о пресечении борьбы за зарплату, о стабилизации зарплаты... Вполне возможно, что в течение зимы или весной мы будем свидетелями дальнейшего снижения кон'юнктуры почти до степени экономической депрессии... *Следовало бы серьезно поставить вопрос о понижении зарплаты*».

Та же газета в номере от 28 декабря прошлого года так формулировала стратегию предпринимателей (речь шла опять-таки о рурской борьбе):

> «Предприниматели стоят перед пропастью абсолютного хозяйственного non possumus! («не можем!»)... При этом здесь решает не специфическое положение тяжелой индустрии, но *всего капитала*... Это обстоятельство обусловливает непоколебимую стойкость ее позиций. И здесь лежит *стратегический центральный пункт* всей борьбы».

Наконец, совсем недавно, в конце апреля этого года, «Газета работодателей» обобщает всю эту «принципиальную» установку:

> «Мы *не терпим* никаких бесплодных экономических и социальных боев, *нам нужен покой* и снова покой для того, чтобы построить наш экспорт... Этот покой нарушается новыми требованиями в области зарплаты»...

Таким образом, перед нами законченная программа предпринимателей. Такую же программу, как и такую же картину в общем положении рабочего класса, мы имеем и в других странах капиталистической рационализации. Во Франции, несмотря на хозяйственный под'ем последнего года, происходит понижение жизненного уровня рабочих. Не только вследствие капиталистической рационализации, но и в силу необычайного и все продолжающегося роста дороговизны. Реальная зарплата французских рабочих сейчас составляет не более ¾ довоенного времени. В Англии почти нет той крупной старой отрасли промышленности, где бы не произошло прямого снижения реальной зарплаты или удлинения рабочего дня. В 1928 году у железнодорожников проведено при решительной поддержке председателя союза, пресловутого Томаса, 2½% снижения зарплаты. У горнорабочих в совершенно планомерном порядке, округ за округом, велась кампания за снижение зарплаты. У металлистов либо шел прямой нажим на уровень зарплаты, либо квалифицированные рабочие массами переводились в низшие разряды. Наконец, в самые последние дни в ответ на «победу» «рабочей» партии текстильные предприниматели пред'явили требование о снижении зарплаты на 12½%.

Характер экономических боев.

Таким образом, перед нами *новый характер экономических боев*. Рабочий класс в своем стремлении к повышению или даже к сохранению своего жизненного уровня встречает *об'единенный* капиталистический фронт. В связи со сращиванием современного крупномонополистического капитала с буржуазным государственным аппаратом борьба за повышение жизненного уровня пролетариата перерастает в борьбу против *основ капиталистической системы*. Новые условия экономических боев пролетариата придают им ярко выраженный *политический* характер. Накануне войны, когда стал развиваться

трестифицированный капитал, — особенно в Германии, — еще нынешние теоретики II Интернационала (Каутский, Гильфердинг, Бауэр) заметили эту отличительную черту экономических боев при концентрации капитала. Тогда стали говорить о «границах» профессионального движения. Если в прежнее время конкуренция мелких предпринимателей давала возможность частого наступления профсоюзов, то чем дальше, тем все больше и сильнее, в связи с ростом трестификации и могущества магнатов капитала, становится их стремление вынуждать профсоюзы переходить от наступления к обороне. Именно в этот период особенно ясно выступает значение профессионального движения, как части всеоб'емлющего движения к социализму. Перед профсоюзами встает дилемма: либо «внедрение» в капитализм, либо революционная классовая борьба против капиталистической системы; или «хозяйственная демократия»—или борьба за диктатуру пролетариата. Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр, которые поставили проблему, но испугались революционных выводов, капитулировали перед капитализмом. Для них учение о «границах профдвижения» явилось не импульсом к революционной перестройке тактики рабочих организаций в смысле создания из профсоюзов подлинных массовых рычагов пролетарской революции, в смысле концентрации и политизации стачечного движения, преодоления в профсоюзах цеховой ограниченности и пренебрежения к неорганизованной и неквалифицированной массе, реорганизации по производственному принципу, правильного взаимоотношения профсоюзов и вождя пролетариата — его революционной политической партии,—а переходной ступенью к тому, чтобы после войны, в эпоху социальной революции твердо ограничить деятельность профсоюзов рамками капиталистического строя и самим применить и углубить ревизионистскую теорию «внедрения», против которой они раньше так рьяно боролись.

Но этот новый характер современных экономических боев («класс против класса!»), получивший особое заострение при нынешнем сращивании монополистического капитала с буржуазно-государственным аппаратом, на начальном этапе «третьего периода» вызвал было и в наших собственных рядах оппортунистическую тенденцию недооценки возможности сейчас частичных экономических боев пролетариата. Между тем, опыт последнего года показал как раз противоположное. Частичные экономические бои пролетариата имеют сейчас не меньшее, если не большее, чем раньше, значение. Именно в настоящий период роль революционного профдвижения заключается прежде всего в организации борьбы за частичные требования—под углом зрения перспективы борьбы за политическую власть. Эта оппортунистическая недооценка явилась следствием непонимания «третьего периода» вообще, непонимания развертывающегося кризиса капиталистической стабилизации. Новая волна экономических боев рассматривалась лишь как партизанские оборонительные и арьергардные выступления пролетариата, как отзвуки революционных боев достабилизационного периода.

В действительности же широкие рабочие массы, которые не могли долго оставаться пассивным об'ектом безудержного разгула проводимой в интересах рационализации капиталистической эксплоатации, которым 3—4 года капиталистической рационализации принесли лишь массовое снижение жизненного уровня и миллионные кадры «структурной безработицы», т.-е. отработанного машинного мяса капитала, не могли не усилить своего отпора наступлению предпринимателей, переходя все чаще и смелее в контрнаступление. Стоит только проследить развитие стачечной борьбы в последние годы, чтобы наглядно в этом убедиться (см. табл. на след. стр.).

Мы берем только те крупные капиталистические страны (а также Индию), о которых имеются хотя бы частичные данные за последний

1928 г. Эти цифры показывают, что 1926 и 1927 годы (а для Англии и 1928 г.) были временем наибольшего упадка стачечного движения. Количество стачек в Германии и Англии было самое низкое более чем за 30 лет. Бросается в глаза бурное нарастание темпа движения и ожесточенный характер боев (длительность потерянных рабочих дней). В Германии за 9 месяцев 1928 г. по сравнению с экономическими боями всего 1927 г. потеряно на 2½ млн. больше рабочих дней при меньшем количестве участвующих в движении на 100 тысяч человек. В Англии за те же 9 месяцев, при том же количестве бастующих, что и за весь 1927 год, число потерянных рабочих дней больше на 84 тыс. Во Франции цифры вообще несравнимы: за один октябрь 1928 г. в стачечное движение было вовлечено большее количество рабочих, чем за весь 1927 г. Наконец, в Индии только за первые три месяца 1928 г. число потерянных рабочих дней составляло половину всей цифры 1927 г., а в провинции Бомбей за 9 месяцев 1928 г. эта цифра была в 140 раз выше цифры всего 1927 г. (не включая, таким образом, последней бомбейской стачки текстильщиков).

Годы	Германия: a) Число конфликтов	Германия: b) Число бастующих (в тысячах)	Германия: c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)	Великобритания: a) Число конфликтов	Великобритания: b) Число бастующих (в тысячах)	Великобритания: c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)
1925	1.766	777,9	17.114	603	441	7.590
1926	365	96,5	1.405	323	2.734	162.230
1927	851	499,6	6.005	308	108	1.170
1928	621	399,7	8.581	232	110	1.254
	(9 месяцев)			(9 месяцев)		
				283	121	1.375
				(11 месяцев)		

Годы	Франция: a) Число конфликтов	Франция: b) Число бастующих (в тысячах)	Индия: a) Число конфликтов	Индия: b) Число бастующих (в тысячах)	Индия: c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)	Провинция Бомбей (Индия): a) Число конфликтов	Провинция Бомбей (Индия): b) Число бастующих (в тысячах)	Провинция Бомбей (Индия): c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)
1925	890	241	134	271	12.578	69	176	11.388
1926	1.782	338	128	187	1.098	57	29	78
1927	443	120	129	132	2.020	54	28	165
1928	532	310	58	84	1.005	47	1.562	22.749
	(6 месяцев; июнь—ноябрь 1928 г.)		(3 месяца)			(9 месяцев)		

Надо иметь в виду, что наибольший рост стачечного движения приходится на последние месяцы 1928 г. и на 1929 г., о которых вообще еще нет точных статистических данных. Все крупнейшие стачки последнего периода имели место именно в это время (Рур, Лодзь, З. Словакия, Сев. Франция, Бомбей и т. д.). Оживление стачечного движения в Англии также началось только в конце 1928 г. и особенно в 1929 г. «Sunday Worker» в статье о перспективах экономических боев в Англии в конце декабря 1928 г. писал: «В каждой отрасли производства и в каждом районе имеются показатели, которые говорят о том, что период наибольшей депрессии уже позади и что мы находимся на под'еме новой волны рабочих боев»... «Налицо боевой дух, который, несмотря на репрессии и трудные условия... находится, несомненно, в процессе роста».

Характерным во всех этих боях явился тот факт, что, несмотря на открытую штрейкбрехерскую роль социал-империалистической профсоюзной бюрократии, несмотря на предательскую роль правых ренегатов и тактику примиренцев, которые рассматривают всю новую тактику Коминтерна, как политику «авантюр» и «ультра-левого сползания», несмотря даже на ряд ошибок самого коммунистического авангарда, который делал лишь первые шаги в проведении в жизнь постановлений VI конгресса Коминтерна и далеко не научился еще *самостоятельно* руководить статечными боями, боеспособность борющихся рабочих масс даже в случаях *материального* поражения забастовки нисколько не уменьшалась. Рабочий класс целиком сохранял свою способность к *дальнейшей мобилизации* сил для новой борьбы. Реформисты и правые утверждают, что даже в тех случаях, когда рабочие «формально» наступают, на деле все экономические бои современного периода являются исключительно оборонительными. Между тем, действительное положение таково, что даже в тех случаях, когда предприниматели ведут прямую атаку на рабочих, эти оборонительные со стороны рабочего класса бои носят в себе существеннейшие черты обратного контрнаступления.

Но самым главным и симптоматичным в экономических боях последнего периода является все возрастающая *активность неорганизованных* рабочих. Во всех без исключения боях последнего года неорганизованные рабочие играли не только активную, но, в большинстве случаев, и *первенствующую* роль. Во время рурского локаута из 213 тыс. локаутированных рабочих было свыше ¾ неорганизованных. В Лодзи при общем числе 80—85 тыс. бастующих текстильщиков число организованных в ППС'овский союз составляло не более 4.500 человек. Во Франции и Соед. Штатах профсоюзы вообще об'единяют ничтожную часть рабочего класса. И даже в Англии отличительная черта нынешних стачек заключается в массовом участии неорганизованных рабочих (стачка в автомобильной промышленности и др.) и в «неофициальном» (по терминологии английских трэд-юнионистов) характере этих стачек, т.-е. они ведутся *без* и *против* трэд-юнионистской бюрократии. Эта высокая степень активности неорганизованных рабочих является, в первую очередь, выражением направления нынешних экономических боев, обращенных непосредственно против капиталистической рационализации. Благодаря рационализации произошли глубокие структурные изменения в самом рабочем классе: основную массу современной рационализированной фабрики, при механизированном процессе труда и контроля, составляют *неквалифицированные* и так называемые *подученные* рабочие. Реформистские профсоюзы всегда были и до сих пор в основном остались организациями верхушечных слоев пролетариата. С другой стороны, эта растущая активность неорганизованных, несомненно, выражает процесс развертывания и нарастания классовых боев *вообще*. В моменты упадка движения неорганизованные рабочие, несомненно, легче поддаются депрессии. Но при нарастающих классовых боях активность неорганизованных является тем термометром, по которому измеряется *степень заострения* классовых противоречий.

Реформистские профсоюзы и экономические бои.

Чем больше нарастают экономические бои, тем резче выявляется сращивание реформистского профсоюзного аппарата с крупным монополистическим капиталом и буржуазным государством. Это именно обстоятельство является источником все более углубляющегося кризиса реформистского профдвижения. С одной стороны, социал-империалистическая профсоюзная бюрократия вынуждена *занять позицию* и выступить открыто

на защиту капиталистической рационализации, отстаивая принудительный арбитраж и «промышленный мир». С другой стороны, для рабочих организованных в реформистских профсоюзах, становится все более и более невыносимым то положение, при котором им приходится вести экономические бои под руководством штрейкбрехерского аппарата. В каждой капиталистической стране реформистский профсоюзный аппарат стал сам себя рассматривать как один из опорных столбов «общенационального хозяйства». И именно грандиозные по размахам и чрезвычайно острые по форме экономические бои последнего периода вызвали практическое и теоретическое *углубление сращивания* реформистских профсоюзов с буржуазным государством.

Известно, например, что в Англии 1928 год был годом пропаганды лидерами английских трэд-юнионов «промышленного мира». Как только выявилось начало новой волны экономических конфликтов, эти лидеры поспешили даже не возглавить это движение для того, чтобы по славной традиции Перселей и Хиксов его обезглавить, а стали торопить предпринимателей... к скорейшему осуществлению «промышленного мира», обвиняя их *в непонимании ими значения «промышленного мира» для британского империализма*. В декабрьском номере «Индэстреаль Копартнэршип» Бэн Тернер выступил буквально со следующим заявлением: «То, что две важнейших предпринимательских организации (Союз британских предпринимателей и Ассоциация британской промышленности) до сих пор молчат, является, безусловно, плохим предзнаменованием. Быть может, предпринимательским кругам текстильной, машиностроительной и судостроительной промышленности все же удастся убедить других своих коллег, что они должны признать организованных рабочих, как фактор промышленности, если они хотят *сохранить мировые позиции Великобритании*. Если преследуемое профсоюзным руководством сотрудничество будет разбито, то это может иметь *роковые последствия для всей нации*».

В таком же тоне высказываются и германские реформисты. В январской книжке «Геверкшафтсархив» «левый» теоретик германских профсоюзов, Карл Цвинг, пишет о перспективах немецкого профдвижения и итогах за 1928 г. «Профсоюзы стоят у порога 1929 г. внутренне и внешне укрепившимися... Внутренняя консолидация выразилась в *дальнейшем развитии их идеологии*... С'езды больших союзов, как и конгресс АДГБ, ясно показали, что германские профсоюзы серьезно вошли в новую эру, имеющую целью *соучастие в управлении и ответственности в хозяйстве*. Без сомнения—*с большей целеустремленностью и ясностью, чем в первый период*»!!.

Во Франции, где мы имеем, пожалуй, наиболее быстрый темп развертывания экономических боев в Европе, вся политика реформистской конфедерации труда была направлена к удушению стачечного движения. Это особенно ярко было видно во время всеобщей забастовки текстильщиков в Северной Франции. И чем быстрее нарастает темп массовых стачечных боев, тем более открыто реформисты берут на себя роль организаторов штрейкбрехерства.

Таким образом, процесс сращивания реформистского профсоюзного аппарата с буржуазным государством, являющегося одним из показателей «третьего периода», со времени IV конгресса Профинтерна и VI конгресса Коминтерна зашел *еще глубже*. С другой стороны, для определения действительного *соотношения сил* в международном профессиональном движении важным является отметить *переходное* состояние сегодняшнего соотношения классовых сил вообще. Рабочий класс *уже* от обороны перешел в контрнаступление, но он *еще* не настолько силен, чтобы

повести самому широкое наступление. В то же время социал-империалистические профсоюзные бюрократы усиливают и еще больше будут усиливать свой курс на фашизацию профессиональных союзов, а тем самым и на раскол этих союзов. Чем больше происходит полевение рабочих масс, чем больше коммунистам и революционному профдвижению удается развертывать массовые экономические бои вопреки и против воли реформистского профсоюзного аппарата, тем сильнее становятся репрессии против коммунистического и революционного профсоюзного авангарда, выражающиеся в массовых исключениях революционных элементов из реформистских профсоюзов и в уничтожении последних остатков профсоюзной демократии.

Все это поставило перед коммунистами и революционным профдвижением целый ряд новых и сложных тактических задач: как охватить неорганизованные рабочие массы; какие найти формы и методы самостоятельного руководства экономическими боями; как быстрее преодолеть социал-демократические традиции и профсоюзный легализм в наших собственных рядах; что делать с исключенными и как отвечать на репрессии социал-империалистической профсоюзной бюрократии; наконец, как уберечь себя от упрощенного разрешения вопроса—по линии наименьшего сопротивления—путем простого ухода из реформистских профсоюзов, а также от оппортунистической боязни создания новых, революционных профсоюзов, когда это диктуется об'ективной обстановкой.

Охват неорганизованных: комитеты борьбы.

Анализ характера современных классовых боев ясно показывает, что охват неорганизованных составляет важнейшую боевую задачу компартий и революционного профдвижения на ближайший исторический этап. Здесь же коммунистические партии встречают наибольшее сопротивление со стороны правых и примиренцев, которые демагогически обвиняют компартии в ставке на «деклассированные», «люмпен-пролетарские» элементы и в превращении в «партию неорганизованных». Это вытекает прежде всего из отказа от организации боевого революционного руководства нарастающими экономическими боями. Правые и примиренцы, как и социал-демократы, рассматривают неорганизованных, как несознательных рабочих и кандидатов в штрейкбрехеры. Между тем, в руках компартий и революционного профдвижения организованное вовлечение широких неорганизованных масс в экономическую борьбу должно явиться могучим орудием борьбы против действительного штрейкбрехерского реформистского профсоюзного аппарата. Сейчас нет никакого сомнения в том, что полное завоевание современного профсоюзного аппарата коммунистами и революционным профдвижением возможно будет лишь вместе с пролетарской революцией. Социал-империалистическая профбюрократия не отдаст нам аппарата даже при наличии у нас подавляющего влияния среди реформистских профсоюзных масс. Компартиям и революционному профдвижению необходимо поэтому повести длительную осаду реформистского профсоюзного аппарата, окружая его различными формами смычки активно участвующих в экономических боях неорганизованных рабочих с организованной членской массой реформистских профсоюзов. В этом отношении опыт последнего года дал такие новые формы охвата неорганизованных, которые помогли, подымая все новые и новые пласты неорганизованных до сих пор пролетариев, направить их в русло активной классовой борьбы. Эти новые формы—всевозможные боевые комитеты, стачечные и антилокаутные комитеты борьбы, которые избирались всей массой бастующих или охваченных локаутом рабочих без различия политической и профсоюзной ориентации—как организованных, так и неорганизованных. Эти комитеты борьбы впервые были выдвинуты в Руре. И затем со все большим и большим успехом стали применяться не только в Германии, но сделались международным достоянием тактики компартии и революционного профдвижения. Создание боевых комитетов позволяет нам преодолевать стихийность движения, поскольку огромная масса участвующих сейчас в экономических боях состоит из неорганизованных рабочих. Здесь именно ведется непосредственная борьба за руководство экономическими боями. Именно на путях наилучшего охвата неорганизованных через комитеты борьбы возможно сломить монополию руководства реформистского профсоюзного аппарата. Комитеты борьбы, таким образом, являются сейчас основными органами руководства экономическими боями. Наконец, комитеты борьбы, об'единяя всю заводскую массу, представляют собою естественную форму единства рабочего класса, единства снизу—на базе боевой политической и экономической платформы.

Но, с другой стороны, в наших собственных рядах в процессе организации комитетов борьбы и развертывания самой экономической борьбы появляются тенденции к извращению действительного смысла и функций комитетов борьбы. Комитеты борьбы избираются со специальною целью подготовки и проведения экономического конфликта. Будучи мощными рычагами мобилизации масс для борьбы, они все же являются организациями временными, приспособленными для нужд определенного экономического конфликта. Комитеты борьбы после стачки должны проводить еще самую широкую отчетную кампанию среди участвовавших в конфликте рабочих. Комитеты борьбы не должны также ограничивать поле борьбы, а стремиться к расширению территории экономического конфликта и превращению экономической борьбы в политическую. Но по окончании всех этих функций комитеты борьбы должны быть распущены. Комитеты борьбы не могут быть ни подчинены профессиональным союзам, ни противопоставлены им, ни превращаться в искусственные, «переходные» к профсоюзам формы организации. Некоторые товарищи предлагали превращать комитеты борьбы в постоянно функционирующие организации, в роде «обществ взаимопомощи от стачек и локаутов». Это означало бы бюрократизировать их, превращать их в безжизненные организации, выхолостив этим основное содержание комитетов, которые являются прежде всего органами борьбы. Самая возможность таких предложений свидетельствует о еще недостаточном осознании значения комитетов борьбы и их места на нынешнем этапе развития рабочего движения, а в конечном счете о еще недостаточном осознании самого характера экономических боев и значения проблемы неорганизованных.

Таким же непониманием является представление о том, что в странах с расколотым профдвижением, где существуют самостоятельные революционные профсоюзы, комитеты борьбы будто бы вообще излишни. История революционных профсоюзов показала, что и они до сих пор не в состоянии были организовать огромного большинства пролетариата. По существу такое решение вопроса означало бы подмену проблемы неорганизованных, бюрократическое разрешение вопроса, ту же цеховую трэд-юнионистскую ограниченность перед революционной проблемой.

Охват неорганизованных: фабзавкомы.

Нарастающие экономические бои и полевение рабочего класса со всей силой выдвинули вопрос о завоевании коммунистами и революционным профдвижением фабрично-заводских комитетов и создании фабзавкомов там, где, несмотря на все постановления конгрессов Коминтерна и Профинтерна, их до сих пор еще нет. Фабзавкомы представляют собой другую форму охвата неорганизованных. Они являются естественными

органами *классового единства в предприятии*. Но в отличие от комитетов борьбы они *постоянно функционирующие*, а не временные органы. С другой стороны, так же, как и комитеты борьбы, они не могут ни заменять, ни быть замененными профессиональными союзами. Последнее возможно только в случае полной реорганизации профессиональных союзов по производственному принципу, при которой фабрично-заводский комитет представляет собою первичную ячейку профессионального союза. Но как раз опыт всего послевоенного периода показывает, что чем дальше реформистский профсоюзный аппарат отходил от позиций классовой борьбы и сращивался с буржуазным государством, тем сильнее реформистские профсоюзы обрастали цеховщиной и тем труднее становится такая реорганизация. В последние годы реформистский профсоюзный аппарат совершенно *задушил* фабзавкомы, превратив их постепенно в *вспомогательные* органы капиталистической рационализации и предпринимательского надзора на предприятии. Самые перевыборы фабзавкомов сделались функцией реформистского профсоюзного аппарата, который отстранил от участия в перевыборах всю неорганизованную массу завода. Именно поэтому перевыборы фабзавкомов при возрастающей активности неорганизованных должны и могут стать рычагом охвата неорганизованных и боевой мобилизации масс вообще.

Последние перевыборы фабзавкомов в Германии блестяще подтвердили эту новую роль фабзавкомов на нынешнем этапе. Тактика «класс против класса» заключалась в том, чтобы, отказавшись от коалиционных списков с реформистским профсоюзным аппаратом, подготовить перевыборы через всю избирательскую массу и выступить *самостоятельно* с революционными кандидатскими списками. Таким образом, эта тактика предполагала демократическое голосование всей заводской массы. Сама избирательная кампания предполагалась через специальные избирательные комиссии, выдвигаемые на предварительных общезаводских собраниях. Эта новая тактика острием своим была направлена против традиций верхушечных комбинаций и методов дипломатии, практиковавшихся до последнего времени между революционными профсоюзами и революционной оппозицией реформистских профсоюзов, с одной стороны, и реформистским профсоюзным аппаратом — с другой. И применение этой новой тактики дало германской компартии и революционной оппозиции *громадные достижения*. Нужно сказать, что только такое самостоятельное выступление революционной оппозиции на перевыборах фабзавкомов выявило *действительную степень полевения* германского пролетариата. Но в то же время следует подчеркнуть известное *отставание* компартии и революционной оппозиции (так же, как и при выборах комитетов борьбы—уже не только в одной Германии) от активности масс. Здесь, как и там, *корни* этого отставания лежат в глубоко укоренившихся остатках *профсоюзного легализма*. Далеко не по всей Германии решительно и своевременно проводилась эта новая тактика. Предварительные комиссии по перевыборам вообще *почти нигде* не избирались. В ряде мест к самостоятельным спискам приступили только после того, как не удались переговоры с профсоюзной верхушкой. И самым показательным явился тот факт, что *наибольшие успехи* революционной оппозиции пришлись на те заводы и фабрики, где новая тактика проводилась *наиболее последовательно*. Более того, мы видим, что там, где коммунисты не оправдали доверия неорганизованных масс, где они выступали в комбинированных списках с реформистами, имели относительно наибольшие успехи христианские и гирш-дункеровские профсоюзы.

Первомайские демонстрации показали, — в частности, во Франции, — какую роль может сыграть организация фабзавкомов. Участие в первомайской забастовке 60% металлистов Парижа могло иметь место только потому, что за несколько дней до первомайской демонстрации, буквально

накануне первого мая, в Париже состоялась конференция заводских делегатов металлической промышленности для создания фабрично-заводских комитетов. Эта конференция постановила призвать металлистов в день первого мая к забастовке.

Вместе с тем, опыт работы по созданию фабзавкомов во Франции уже выявил, что и в этом вопросе компартиям приходится преодолевать *оппортунистические* тенденции в своих собственных рядах. За последнее время во Франции был целый ряд выступлений, в частности на с'езде французской компартии (тов. Крозе), свидетельствующих о характерном для этой страны парламентском извращении задачи компартии в связи с организацией фабзавкомов. Фабзавкомы рассматриваются как какое-то *парламентское представительство*, которому предстоит «защищать интересы рабочих перед предпринимателем». Это типичный парламентский кретинизм, перенесенный на предприятие. Другие французские товарищи попытались даже протащить пресловутую «хозяйственную демократию», для которой фабзавком должен стать первичной основой под флагом компартии и Унитарной Конфедерации Труда. Фабзавкомы — заявляют они — не имеют *политических задач, а только то, что предписано им государством*. Наконец, тоже специфическим французским явлением, несомненным синдикалистским пережитком являются выступления других товарищей, которые вместо конкретной постановки вопроса о том, *каким* путем *быстрее* осуществить организацию фабрично-заводских комитетов во Франции, переносят центр тяжести на абстрактные рассуждения о том, что будут представлять собою фабзавкомы в эпоху непосредственно-революционной ситуации. Это есть типичное синдикалистское бегство от революционного решения практических, конкретных проблем рабочего движения.

Революционная оппозиция и реформистский профсоюзный аппарат. Исключения и реверсы.

В связи с ускорением темпа классовых противоречий и все увеличивающимся ростом политического влияния компартий и революционного профдвижения усилилась *раскольническая деятельность* социал-империалистической профсоюзной бюрократии. Это нашло свое выражение в попытках массовых исключений из профсоюзов (Германия и Англия) и в ультиматумах, пред'явленных коммунистам и членам революционной оппозиции, в виде требования подписывать «реверсы» о борьбе против политической линии компартии и революционного профдвижения (Германия). В одном союзе горняков в течение шести недель за март и апрель 1929 г. было исключено 379 чел. В Берлине председатель местного союза металлистов пригрозил исключать членов революционной оппозиции «десятками тысяч». Это может вызвать в свою очередь в некоторых прослойках компартии и революционного профдвижения опасные тенденции к *отказу* от работы в реформистских профсоюзах. Такие тенденции, если бы они действительно получили распространение, были бы только на руку реформистам и правым ренегатам.

Никакая провокация реформистского профсоюзного аппарата не должна вынуждать коммунистов отступить от работы *внутри* реформистского профдвижения, от работы по завоеванию реформистских профсоюзов через завоевание профсоюзных масс. Все более тесное сращивание в наше время реформистского профсоюзного аппарата с буржуазным государством делает *особенно соблазнительным* сравнение реформистского профсоюзного аппарата с буржуазным государственным аппаратом. В истории Коминтерна такое сравнение уже имело место. В частности, на втором конгрессе Коминтерна английские и американские делегаты отрицали необходимость работы в существующих реформистских союзах. «Говорить о завоевании профсоюзов изнутри — утверждали они, — такая же бессмыслица, как

и мечтает о завоевании капиталистического государства изнутри». Неправильность этого сравнения происходит от того, что ставится знак равенства между профсоюзной бюрократией и членской массой профсоюзов. В момент подъема революционного движения, какой бы ни была предательской роль профсоюзной бюрократии, членская рабочая масса через голову профбюрократии сама определит характер профсоюзов. Резолюция, принятая вторым конгрессом Коминтерна, приобретает остро-актуальный характер как раз на нынешнем этапе. «Коммунисты должны во всех странах входить в профессиональные союзы для того, чтобы сделать из них сознательные органы борьбы за низвержение капитализма и за коммунизм... Всякое добровольное устранение от профессионального движения, всякая искусственная попытка создания особых союзов без вынуждения к тому исключительными актами насилия профессиональной бюрократии... или ее узкой аристократической политикой, закрывающей широким массам малоквалифицированных рабочих доступ в организацию,— представляет собою громадную опасность для коммунистического движения».

В основе всех тенденций извращения основной линии, намеченной целым рядом конгрессов и постановлений Коминтерна, несомненно, лежит опять-таки непонимание «третьего периода», непонимание роли неорганизованных и расстановки отдельных отрядов пролетариата, ведущих с разных сторон осаду реформистского профсоюзного аппарата (изнутри и извне), своеобразный организационный фетишизм, выражающийся в стремлении к искусственному насаждению «переходных» к новым профессиональным союзам форм организации.

Большое значение, в связи с этим, приобретает вопрос об исключенных. Боязнь исключений, как известно, всегда являлась подоплекой оппортунизма в рядах компартий и революционной оппозиции. Исключенный ныне из германской компартии Эндерле, в бытность его в прошлом году профсоюзным редактором «Роте Фане», саботировал кампанию против исключений под тем предлогом, что в противном случае ему самому грозит исключение из профсоюза. Таким образом, борьба против исключений стоит сейчас в центре внимания компартий и революционной оппозиции,—в частности в Германии и Англии. Но в то же самое время эта борьба не может вестись созданием «переходных», полупрофессиональных форм организации—путем регистрации, например, исключенных при революционной оппозиции, с получением от них регулярных членских взносов или же путем организации исключенных при массовых революционных организациях, например, при Межрабломе.

Рядом с этим стоит вопрос о «реверсах». «Реверсы» не новость в рабочем движении. До войны гирш-дункеровские профессиональные союзы в Германии заставляли своих членов подписывать «реверсы» о непринадлежности к социал-демократической партии. Для социал-демократических рабочих, имевших свои социал-демократические профсоюзы, это был вопрос принципа, а не тактики. Но когда сейчас социал-империалистические профбюрократы вводят «реверсы», как средство удушения нарастающих экономических боев и осуществления своей политики классового сотрудничества, то для членов революционной профсоюзной оппозиции, не имеющей своих революционных профсоюзов и стремящейся к завоеванию большинства членской массы реформистских профсоюзов, это вопрос тактики, а не принципа. Поэтому при вопросе о подписании «реверсов» следует исходить из единственно правильной предпосылки: облегчает ли это подписание завоевание и революционизирование рабочих масс или затрудняет, может или нет подписание «реверса» внести замешательство в ряды рабочих (что, собственно, и является целью профсоюзной бюрократии). В вопросе о подписании «реверса» не может быть схематического решения. Для оппортунистов и ликвидаторов вопрос стоит в плоскости необходимости всегда и при всех условиях оставаться в реформистском профессиональном союзе (Вальхер). Для коммуниста ответ лежит совсем в другой плоскости. Подписание реверса зависит от общего положения, от революционной целесообразности, от того, насколько поймут массы тактику коммунистов.

Допустимо ли создание новых профсоюзов?

Уже самая постановка такого вопроса говорит о его происхождении. Если, с одной стороны, раскольническая деятельность профсоюзной бюрократии вызывает тенденции легкого отношения к труднейшей задаче работы внутри реформистских профсоюзов, то, с другой стороны, она питает махровый оппортунизм, капитулянтство, отказ от борьбы, которую нужно вести вплоть до создания новых революционных профсоюзов, если об'ективные обстоятельства это диктуют. Коммунисты никогда не были и не могут быть принципиальными противниками раскола. Конгрессы Коминтерна определенно высказывались по этому поводу. Резолюции II и V конгрессов Коминтерна гласят, что коммунисты обязаны раскалывать реформистские профсоюзы, если отказ от раскола означал бы отказ от революционной работы в профессиональных союзах.

История Коминтерна и в этом отношении дает достаточно богатый опытный материал. Само создание Красного Профинтерна вызвало наступление против него ликвидаторов с Паулем Леви во главе, как против «организатора международного раскола». Это было тотчас же после первого конгресса Профинтерна в 1921 г. Леви прямо заявил, что благодаря первому поражению революции ближайшее будущее принадлежит не коммунистам и революционному профдвижению, а реформистам и социал-демократии. На иенском партейтаге КПГ в августе 1921 г. группа ликвидаторов внесла резолюцию о том, что коммунисты должны признать, что лозунг «Москва» внутри профсоюзов «не имеет никакого другого смысла, как пропаганда идей коммунизма». Отсюда, как естественный вывод, был отказ от организационного противопоставления Амстердаму. Этот искусственный антиленинский разрыв организационной и политической сторон должен был неизбежно убить самую идею коммунизма. Не прошло и полугода, как вся эта группа очутилась по ту сторону Коминтерна.

Характерно, что исходная позиция и нынешних правых—переоценка капиталистической стабилизации и мощи социал-демократии. Каковы могут быть сейчас об'ективные условия, при которых создается необходимость создания новых профсоюзов? Такой шаг, как создание новых профессиональных союзов, должен быть проведен с величайшей осторожностью, после десятикратной проверки настроения масс. Коммунисты должны решительно бороться с формальным, механическим насаждением новых профсоюзов, против установки на раскол. Но сейчас имеется нарастание экономических боев, политическая борьба становится все более заостренной, углубление процесса сращивания социал-демократии и реформистского профсоюзного аппарата все более отрывает и будет отрывать от них рабочие массы, в некоторых местах целые профессии остаются неорганизованными из-за сопротивления профсоюзной бюрократии. И в ряде стран создаются предпосылки для необходимого и возможного создания новых профсоюзов. Реформисты, вдобавок, начинают угрожать исключениями целых организаций. Вот почему, например, еще VI конгресс Коминтерна в такой стране, как Соед. Штаты, поставил перед компартией задачу создания новых профсоюзов в ряде отраслей производ-

ства, поскольку эти производства, благодаря деятельности реформистов, вообще лишены профсоюзов или же существовавшие там профсоюзы были разгромлены. В Польше во время лодзинской стачки, перед лицом ничтожного влияния пепеэсовского профсоюза и раскола ППС (и пепеэсовских профсоюзов) должна и могла быть проведена организация нового союза. То, что это не было сделано, явилось следствием профсоюзного легализма, господствовавшего в лодзинском комитете партии. Но в то же время польские коммунисты сделали бы величайшую ошибку, если бы взяли генеральную установку на раскол.

Таковы некоторые важнейшие профсоюзные проблемы «третьего периода». Этими вопросами далеко не исчерпываются все проблемы, но это, несомненно, важнейшие, вызывающие наибольшие дискусии в наших собственных рядах. X пленум ИККИ должен будет дать на них точный и исчерпывающий ответ. Переведение нынешних экономических боев на революционные политические рельсы под руководством компартий в огромной степени зависит от правильного, большевистского разрешения профсоюзных проблем. Вот почему эти профсоюзные проблемы стоят сейчас—более, чем когда бы то ни было раньше—в центре внимания Коминтерна.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Об одном важном, но мало изученном участке внутрипартийной борьбы.

(По поводу «Ленинских Сборников» V, VII и X).

> Только история большевизма за весь период существования может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.
>
> **В. И. Ленин.**

> По отношению к господину Бернштейну надо быть как можно более неуступчивым, а по отношению к товарищу Мартову надо быть уступчивым как можно более. Неужели все это не просто? Неужели все это не ясно? Неужели все это не понятно само собой.
>
> **Г. В. Плеханов.**

Борьба на два фронта, которую ведет сейчас партия против правого и левого уклона, исходит совершенно правильно из необходимости и важности в настоящее время сосредоточить огонь направо. При этом партия подчеркивает важность борьбы не только с открыто выраженными уклонами, но и примиренческим отношением к ним. Помимо всех прочих условий и причин примиренчество вызывается между прочим своеобразием форм борьбы направо, выражающимся в необходимости сочетания идеологических и организационных методов борьбы на различных этапах развития этого уклона. С этим примиренческим отношением к правой опасности должно вести беспощадную борьбу и разоблачать как опаснейший вид для прикрытия откровенного оппортунизма. Что именно эту роль выполняет такое примиренчество при наличии того или иного уклона, к сожалению, у нас еще далеко недостаточно освещено в литературе. Больше того. Иногда думают, что борьба на два фронта и борьба с примиренчеством вовсе не связаны глубоко с историей большевизма, являясь в значительной степени, если не целиком, «продукцией» наших дней. Увы, такая точка зрения была бы глубоко неверна, являясь в лучшем случае результатом «неудовлетворительного» знания истории большевизма. Широкая партийная масса должна отдать себе отчет в том, что в сущности большевизм вырос и закалился как в борьбе на два фронта, так и с примиренческим отношением к проявлению откровенного, либо так или иначе скрытого оппортунизма. Едва ли будет преувеличением сказать, что наличие примиренчества и примиренческих настроений в рядах партии всегда мешало и мешает итти к победе и без борьбы с ним не могло бы быть и нет ленинского большевизма. К сожалению, до сих пор в нашей популярной литературе по истории партии, да и не только популярной (кроме сочинений В. И. Ленина) о таких настроениях внутри большевизма в различные периоды партийной истории, как и о различных методах борьбы с ними В. И. Ленина, писалось совсем мало. Проследить эти настроения, тактику примиренчества, методы его борьбы, установить связь не только с сущностью, но и с методами борьбы против партии, между примиренчеством и оппортунизмом, наконец, дать ленинский подход к оппортунизму и примиренчеству—имеет в настоящее время актуально-политическое значение. Не имея возможности в рамках одной статьи набросать хотя бы

схему такой борьбы за весь период партийной истории (в частности и в особенности, например, в революции 1905—1907 гг., в эпоху реакции и под'ема и т. д.), мы позволим себе обратить внимание читателя на один особенно слабо изученный период, ярко обрисовывающий тактику В. И. Ленина в борьбе за партию, за партийность—именно на эпоху раскола после II с'езда, точнее, на один из наиболее интересных этапов этой эпохи, охватываемых материалами X «Ленинского Сборника» (декабрь 1903 г.—март 1904 г.), при чем нас интересует освещение этого периода для понимания ряда мероприятий, принимаемых партией в борьбе с правой опасностью и примиренчеством как по линии идеологической, так и организационной. Само собой разумеется, что здесь было бы только вредом для дела вульгарными аналогиями проводить параллели между борьбой того времени и нашей эпохой. И мы, конечно, и не собираемся делать этого. Наоборот, мы всячески подчеркиваем основную особенность эпохи раскола: 1) совершенно отличную социально-экономическую и политическую обстановку, 2) своеобразное положение «одной» партии, состоящей из б-ков и м-ков, 3) молодость, незрелость партии, 4) слабое развитие партийной дисциплины и т. д. и т. п. Но именно учитывая все эти особенности, мы тем не менее позволяем себе провести ряд аналогий, так как следующие моменты сближают эпоху раскола с современностью: 1) борьба за партию, за партийность и организационные принципы большевизма: 2) борьба за партийную дисциплину, партийный устав для всей партии, а не только для низов, 3) борьба за руководящие кадры; 4) вопрос об уступчивости, компромиссах во внутрипартийной борьбе, 5) вопрос о сочетании идеологических и организационных методов борьбы; 6) вопрос об освещении перед всей партией тех или иных разногласий и мобилизации всей партии для их преодоления. Все эти моменты стоят, *правда, в иных совершенно условиях* в настоящее время перед партией и Коминтерном; таким образом, изучая эту эпоху, мы собираемся *не механически переносить опыт борьбы в тот период на наши внутрипартийные разногласия*, но лишь подчеркнуть важность и актуальность уроков этой эпохи для наших дней, ибо... «только история большевизма за *весь* период его существования может удовлетворительно об'яснить...» и т. д.

У нас мало занимаются и изучают эпоху раскола после II с'езда РСДРП. Об'ясняется это отчасти тем, что документы, относящиеся к детальному освещению этой эпохи, мало известны широким партийным кругам, несмотря на то, что В. И. Ленин в своих больших работах и статьях, относящихся к этому периоду, касается наиболее важных моментов и этапов раскола (см. «Шаг вперед два шага назад», Собр. соч., т. V, изд. 1-е, см. также «Пора кончать», «Первый шаг» и др. Собр. соч., т. VII, изд. 2-е), отчасти потому, что все же картину внутренней механики борьбы В. И. Ленин не давал, считая, повидимому, преждевременным опубликование всех материалов, как не сделал этого и в отношении материалов программы, ставших известными для партии только после выхода в свет II и III «Ленинских Сборников», т.-е. уже в наше время. Что же касается меньшевиков, то они сделали все возможное (статья Мартова, Аксельрода, Плеханова, Потресова и др., брошюра Троцкого «Наши политические задачи»), чтобы исказить, извратить фактическую и принципиальную картину борьбы.

Опубликованные, хотя еще и не полностью, материалы и документы, характеризующие эту эпоху, в особенности материалы Института Ленина, позволяют не только покончить со всякими и всяческими легендами и проследить всю механику раскола, но и восстановить картину, разбив всю эпоху от II и III с'езда на этапы, представляющие собою определенные моменты в борьбе, со специфическими особенностями для каждого. Такая разбивка, позволяющая детально схватить развивающуюся борьбу, важна тем

более, что именно в этот период мы имеем по словам В. И. Ленина оформление большевизма. При этом мы оставляем в стороне анализ общепринципиальных теоретических разногласий с меньшевиками и Г. В. Плехановым в том числе. Нас будет интересовать лишь самый подход В. И. Ленина к меньшевизму (в то время—формальному уклону в партии) и примиренческому к нему отношению. Эта периодизация в общем вполне соответствует той, какую мы находим и у В. И. Ленина для этого периода в проявлении гибкой большевистской линии.

Известно, что меньшевики не только не подчинились решениям II с'езда партии, но немедленно же после с'езда начали бешеную полемику против решений II с'езда по организационным вопросам. «В партии осадное положение. Казарменный режим. Нас заезжают»—прямо-таки вопили меньшевики. Кампания против большинства с'езда сопровождалась бойкотом центров, отказом от какой бы то ни было работы со стороны меньшевистских «генералов» и «сподручных» и в Ц. О. и по поручениям ЦК. *Бойкот был излюбленным, прямо-таки классическим методом меньшинства* в борьбе против партии и партийности, методом, с которым мы сталкиваемся не раз на протяжении последующей партийной истории. На это обстоятельство не мешает обратить внимание читателя, поскольку кое-кто из весьма видных представителей правого уклона пытался выступить против партии с аналогичными методами бойкота—в форме отставок, отказа от работы под крики о зажиме, диктатуре лиц и т. д. Быть может, это обстоятельство прольет свет на то, куда же в конце концов ведет линия правого уклона. Пользуясь связями старой «Искры», меньшевики посылали на места «своих» людей, дезорганизующих местную работу и восстанавливающих местные организации против Ц. О. и ЦК. Меньшевики организационно оформляют «фракцию», имевшую негласный центр — «бюро меньшинства». В то же время меньшевики ведут переговоры с Лениным и Плехановым, ставя себе определенную задачу захватить в свои руки центральные учреждения партии и дезавуировать В. И. Ленина во имя изменения всей линии II с'езда партии. Хотя Плеханов и Ленин не знали в это время о планах и фракционной деятельности меньшинства, однако, В. И. Ленин по характеру переговоров понял истинные намерения меньшевиков. В письме к А. М. Калмыковой Ленин писал: «Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств они требуют корректива политического... Теперь дилемма стоит неумолимо: *либо* расхождение в вопросах о лицах—тогда смешно из-за этого политич(еский) скандал делать и работу бросать. Либо расхождение политич(еское)—тогда еще более смешно «поправлять» его навязыванием определенных лиц иного, скажем, нюанса» («Ленин. Сб.» VI, стр. 252). А это «политическое» в требованиях меньшинства Ленин отметил себе тотчас же после с'езда. В неопубликованной заметке «Противоречия и зигзаги Мартова» Ленин, как бы резюмируя политическую линию Мартова на II с'езде партии, отмечал эту «двойственность» меньшевизма, этот «шаг вперед — два шага назад», означавшие не что иное, как «два шага назад» от старой «Искры» к блоку с бывшими экономистами различного толка, а через них и к идеологам «освобожденческого» либерализма, т.-е. струвизма. Нужен был поистине ленинский слух, чтобы уловить всю эту линию в меньшевистской музыке и ее разоблачать,—но разоблачать не механическим отсевом, а очень длительной и своеобразной борьбой, особенности которой следует разобрать.

Стараясь привлечь к работе меньшинство, зная и ценя их как крупных работников, боровшихся не без отдельных, правда, колебаний, против хвостизма и оппортунизма в русском и не только русском (Плеханов) революционном движении, В. И. Ленин вместе с тем видел, что сохранить подобный

«капитал» для партии можно не беспринципными уступками, а только давлением на них растущей и развивающейся партии, которая должна будет положить конец дезорганизаторской работе зарвавшихся генералов. Вот почему в отличие от Плеханова, недооценившего силу партии, видевшего партию только в лице «заграничных вождей» и боявшегося больше всего на свете потери их, Ленин, ведя переговоры с меньшевиками, в то же время в переписке с членами ЦК и работниками с мест все время настойчиво подчеркивает необходимость укрепления рядов партии сверху и донизу по линии организационной, агитационно-пропагандистской, транспортировки литературы, укрепления комитетов и т. д. с целью противопоставления положительной работы партии дезорганизаторской деятельности меньшинства, заставив последнее подчиниться либо уйти. Опубликованная в настоящее время переписка между Мартовым и Аксельродом целиком подтверждает и оправдывает ленинскую точку зрения. Однако, в этот период Ленин еще вовсе не считает необходимым доводить до сведения всей партии о разногласиях внутри руководящих органов, надеясь, что если меньшинство сумеет понять и исправить ошибки, поняв логику их развития и подход к вопросу по партийному, вовсе не нужно будет ни излишней растраты энергии партии, ни колебания авторитета руководства перед партийными массами. Плеханов не сумел сделать для себя таких же выводов, какие сделал В. И. Ленин. Больше того, новое событие, еще больше укрепившее правильность позиций В. И. Ленина и большинства в оценке дезорганизаторской работы меньшинства, окончательно бросило Плеханова в об'ятия меньшинства, так и не понявшего смысл раскола. Событие это было с'ездом заграничной лиги РСДРП.

С'езд протекал весьма и весьма бурно. Отсутствие на с'езде местных практиков-профессионалов, преобладание главным образом партийных литераторов, эмигрантской интеллигенции, оторванных от массовой партийной работы и шедших за меньшевиками, наложил соответствующий отпечаток на работу с'езда. Лига открыто брала реванш за поражение меньшевиков на с'езде партии. Это было в сущности открытым восстанием против партии и партийности: «мы соль земли», и потому нам все дозволено, для нас не существует партии и партийной дисциплины,—таков был стиль всей работы с'езда Лиги, выступившего против важнейших решений II с'езда.

Итоги работ с'езда Лиги даже слепого, казалось бы, могли убедить в том, какими путями и способами только и можно ликвидировать раскол. Ясно было, что меньшевики идут организованным походом против партии. Ленинские заметки насчет «политического нюанса» находят свое подтверждение полностью и целиком, и особенностью данного этапа борьбы с меньшевиками для Ленина как раз и являлась подготовка партии, в особенности ее передовых кадров и Плеханова в том числе, к тому, что в лице меньшинства партия имеет много более глубокую, чем это кажется на первый взгляд оппортунистическую струю, с которой придется бороться и притом бороться серьезно, быть может, даже вплоть до исключения из рядов партии, но делать это нужно не грубо, а подготовив всю партию, привлекая всю партию следить за развитием и своевременной ликвидацией этой весьма опасной болезни. При чем нужно иметь в виду, что особая трудность в такой борьбе заключалась в то время еще в том, что тогда, как известно, большевизм только оформлялся, и сама ленинская гвардия только-только начинала закаляться, даже она была не всегда по-ленински «тверда», и потому требовался особой тщательности, особого такта подход. В этом духе В. И. Ленин после с'езда Лиги и повел среди руководящих кадров тогдашнего большинства соответствующую кампанию. Однако, уже на другой день после с'езда Лиги Плеханов в самой категорической форме заявил, что необходимо итти на максимальные личные уступки, чтобы избежать раскола, при чем еще раз подчеркивал, несмотря на все происшедшие внутрипартийные события, что видит преобладание личных моментов во всех спорах. В. И. Ленин все еще надеялся убедить Плеханова в ошибочности такого взгляда, в необходимости твердо стоять на своих принципиальных позициях, продолжать начатую работу на местах, укреплять партию и тем заставить меньшинство сдаться, что уступки, о которых говорит Плеханов, в настоящее время только углубляют борьбу, мешают развитию роста партии и как раз сохранению этих людей для партии. В письме от 1/XI 1903 г. В. И. Ленин писал: «Я, право же, вполне и вполне понимаю ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче гораздо вернее, чем война с мартовцами. Это не парадокс... Да это будет полная компрометация с'езда, полная смута и скандал в России, в сто тысяч раз страшнее и опаснее пасквильной заграничной брошюры.

Надоел разброд,—вот что пишут и вопят из России. А отдать мартовцам—значит именно узаконить теперь разброд в России, ибо в России не было еще и тени неповиновения и бунта. Никакие мои и ваши заявления не удержат теперь делегатов большинства на партийном с'езде. Эти делегаты поднимут ужасное нечто.

Ради единства, ради прочности партии—не берите вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам» («Лен. Сб.», т. VIII, стр. 198—199). Однако, Плеханов стоял на своем. 1 же ноября Ленин подает заявление о выходе из Ц. О. и из совета партии, как представитель ЦО, при чем оговаривает, что не отказывается от посильного сотрудничества и работы, этим Ленин подчеркивает, что, выходя из редакции, он вовсе не нарушает воли с'езда партии, так как дает возможность Плеханову, все еще преуменьшающему суть разногласий, не желающему видеть их принципиальной стороны, добиться мирного разрешения конфликта. Ценя Плеханова, понимая его роль и значение в то время не только в русском, но и в международном движении, Ленин надеялся, что если только у Плеханова действительно имеет место добросовестное примиренчество, т.-е. он действительно добивается по-партийному подойти к разрешению раскола и думает, что меньшевики с ним согласятся, он либо на деле убедится, наконец, в истинных намерениях меньшинства, либо открыто перед ними капитулирует, но дальше после с'езда Лиги так продолжаться не могло. Одно из двух: партия, либо они. И, чутко подходя к такой важной проблеме, как проблема сохранения и укрепления руководящих кадров партии, Ленин решил сделать еще один шаг в деле партийного разрешения вопроса—именно не «меньшевистская отставка» и тем самым грубое нарушение партдисциплины и устава, а в рамках того и другого, сохраняя все свои принципиальные позиции, ни грана не уступая здесь, сделать еще одну попытку убедить товарища в его ошибке, исправить ее и сохранить его для партии. Насколько своим отказом от поста редактора Ленин далек был от мысли «генеральского бойкота» на меньшевистский манер, показывает тот факт, что когда он (Ленин) имел против себя весь ЦО во главе с Плехановым, в обстановке дрязг, сплетен и оскорбления, на которое Ленин лишен был возможности отвечать, он еще раз в письме к В. И. Засулич категорически подчеркивал, что намерен продолжать свое сотрудничество в «Искре». А ведь это были в сущности уже тогда чужие люди, враги, и все же условия, обстановка требовали того, что с этими людьми еще нельзя было разговаривать так, как разговаривают с врагами. Молодая партия этого еще не понимала. Как же после этого нужно квалифицировать тактику тех «правых», которые внутри своей ленинской единой партии бросают в исключи-

тельно трудных условиях социалистического строительства работу. Много ли здесь ленинского?.. Между тем Ленин ясно понимал, куда приведет Плеханова его требование «единства во что бы то ни стало», если только он все еще будет оставаться при своем старом убеждении о принципах раскола. Но Плеханов не только не собирался менять своих старых убеждений, не только не понял ленинского шага, как шага, который должен был многому научить Плеханова в уяснении природы меньшевизма, но приступил к переговорам с меньшевиками, уже прямо как капитулянт предложивши без всяких условий кооптацию в ЦО. При этом уже сам Плеханов старается убедить меньшинство в том, что вся суть разногласий в личности Ленина. И в то же время в статьях принципиального характера («Чего не делать») явно подчеркивает необходимость уступок ревизионизму, ратуя против непримиримости, проповедуя единство во что бы то ни стало.

В письме в ЦК и отдельным членам Ленин категорически выступает против той, с позволения сказать, «примиренческой» линии, которую занял Плеханов, требуя обсуждения создавшегося положения и решительного осуждения шатаний. И здесь В. И. Ленин оказался целиком и полностью прав, когда своим выходом из ЦО дал возможность колеблющимся не только еще раз убедиться в истинной физиономии меньшевизма, но и показать, куда приводит т. н. «примиренчество» во что бы то ни стало Г. В. Плеханова, которое на самом деле оказалось тем же меньшевизмом. Переход Плеханова на сторону меньшинства был, конечно, не случаен. Здесь не место разбирать причины этого перехода. Для Плеханова партия существовала прежде всего как верхушечные интеллигентски настроенные кадры по преимуществу, без которых Плеханов никак не представлял себе партию и партийные кадры. Мы видели, что собой представлял по составу с'езд Лиги, а между тем именно боязнь потерять этих людей заставила Плеханова сдаться на капитуляцию, ибо без них он себе не мыслил партию, как не представлял себе, что эти кадры могут быть заражены оппортунизмом. Но, если так относился Плеханов к «верхушке», то совсем другое отношение было у него к широкой партийной массе, именно той массе, которая выносила на своих плечах всю тяжесть настоящей большой работы. Об этом у Н. К. Крупской сообщаются интересные подробности ее деловых бесед с Г. В. Плехановым.

«Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденцию и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях. Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II с'езда» (подчеркнуто мною. *Н. Э.*).

Настолько глубоко различно было отношение Ленина и Плеханова к партии.

В то время как после II с'езда В. И. Ленин все больше и больше ориентируется на укрепление партии в России, Плеханов, видя партию только в лице «интеллигентско-эмигрантских кружков за границей, и менно в этот период относится к «корреспонденциям из России особенно недоверчиво». Что же удивительного после этого, если Плеханов в переговорах с меньшинством уверял последнее, что Ленин в конце концов тоже согласится, как и Плеханов, на кооптацию меньшинства в редакцию «Искры». Насколько Плеханов не понимал своеобразия разногласий, показывает, например, следующий факт. В то время, как Ленин ждал с большим нетерпением выхода в свет протоколов с'езда партии, чтобы положить конец сплетням и осветить истинную картину разногласий, Плеханов в письме к Потресову от 16/II—1903 г. предлагает выбросить из протоколов заседания, на которых происходили выборы в центральные учреждения, так как это может повредить престижу партии. А в следующем письме к тому же Потресову, настаивая на своем предложении, Плеханов подчеркивает, что имеет в виду также и соображения конспирации, но и это было только увerткой, на самом же деле, забыв, как он сам совсем недавно проповедывал, что не всегда худой мир лучше доброй ссоры и что не всякое единство похвально и приводит к добру, Плеханов фактически лишний раз играл на руку меньшевикам, так как под видом «конспиративных соображений» не давал возможности вскрыть на документах дезорганизаторскую работу меньшинства. Мало того, как раз меньшевики-то и добивались, всячески старались скрыть от партийных масс документы, освещающие разногласия. Так на попытку меньшевиков, собиравшихся фальсифицировать протоколы с'езда заграничной Лиги из-за боязни разоблачений перед широкой партийной массой и прикрывавших такую фальсификацию желанием устранить из протоколов все «личное», В. И. Ленин отвечал: «Сокращать что бы то ни было в протоколах с'езда, удалять кое-кого никто не имеет ни формального, ни морального права» («Лен. Сб.» X, стр. 19). Меньшевики лучше Плеханова понимали и представляли себе, что победой на с'езде Лиги еще не решается вопрос о том, за кем идет и пойдет партия, что предстоит еще очень серьезная борьба и что изучение этой борьбы по документам едва ли будет в пользу меньшинства. Эта тактика оппортунистов—фальсифицирование документов, помогающих уяснению принципиальных основ спора, сознательное выпячивание личных моментов и в то же время под прикрытием примиренцев развитие оппортунистической платформы — также характерна для методов борьбы против партии со стороны правых. К этому еще следует прибавить всякие «тайные переговоры», которые ведутся с носителями антипартийных настроений, хотя и осуждаемых на словах правыми, как в эпоху раскола тайные переговоры, примиренческого ЦК с меньшевиками. (Носков и т. д.). Как же В. И. Ленин отнесся к плехановской кооптации меньшинства? Из имеющихся документов видно, что В. И. Ленин предполагал сначала на «переворот», произведенный Г. В. Плехановым, кооптировавшим без всяких условий меньшевиков, ответить «контрпереворотом», так как Плеханов явно нарушил решения с'езда и грубо исказил смысл отставки Ленина, как шаг к мирной ликвидации конфликта в рамках партийных постановлений. Смысл «контрпереворота» должен был свестись к роспуску кооптированной Плехановым редакции и взятию «Искры» в руки ЦК.

Однако, В. И. Ленин, отчасти под нажимом примиренчески настроенного ЦК, а главным образом в силу слабой подготовленности партии в целом, в частности даже наиболее передовых ее кадров из большинства, к такому перевороту, решил заменить такой метод более длительной, осторожной (в рамках как устава, так и существующих центральных учреждений партии) борьбой. Суть этой борьбы выражалась в двух-трех словах: необходим новый с'езд, за созыв которого нужно бороться. В этот период разногласия, вступая в новую фазу, обнаружили серьезное расхождение между линией Ленина и линией примиренчески настроенного ЦК партии.

Дело в том, что «уступчивость», поскольку здесь, вообще говоря, применимо это слово, Ленина была совсем другой, чем «уступчивость» ЦК. Для Ленина уступчивость, как мы видели выше, означала в сущности уступчивость, исходящую из большевистского принципа—«твердокаменность—но гибкость» и при том гибкость в зависимости от конкретных условий и обстоятельств борьбы. Она сводилась к попытке ликвидировать на основе партийных решений в пределах руководящих учреждений партии разногласия без вынесения их за эти пределы. Эту принципиальную допустимость такого типа уступок и компромиссов и условий, на которых они возможны, В. И. Ленин прекрасно показал в «Детской болезни «левизны» в коммунизме».

Но учет условий означал именно «учет условий в целом в интересах партии, а не в интересах того или иного лица или группы, пусть даже и играющих очень видную роль в партии. Если момент требовал покамест и сохранения меньшевиков в партии и пока что даже на руководящих постах, то это, конечно, не означало прекращения борьбы или беспринципную уступчивость. Именно такова и была линия В. И. Ленина. Что означала «уступчивость» ЦК? Как и у Плеханова — непонимание это вытекало из недооценки глубины разногласий, характера разногласий, рассматривания их почти исключительно сквозь призму личного. При этом из суживания глубины разногласий и того факта, что по вопросам принципиальным меньшевики пока что высказывались мало, ЦК не сумел по-ленински уловить связь меньшевизма с экономизмом и освобожденчеством, а позиция Плеханова внесла еще большее смятение, а отсюда непонимание этой ленинской «гибкости». Да, раз В. И. Ленин склонен «итти на уступки», значит, действительно, можно «помириться» и без особых «чрезвычайных мер». Но, как мы видим, бывают уступки и «уступки». Одно дело линия В. И. Ленина, другое дело позиция Г. В. Плеханова. Это непонимание характера борьбы, вытекавшее из очерченных выше условий, затруднявшееся еще тем, что формально речь шла о «компромиссах» внутри «одной» партии—особенно резко сказалось у ЦК как раз в период разрыва В. И. Ленина с Плехановым, перехода последнего на сторону меньшевиков и ленинской борьбы за созыв с'езда. Это был период ярко выраженного беспринципного примиренчества в рядах ЦК. Ленин был абсолютно прав, когда поставил вопрос о необходимости борьбы за подготовку нового с'езда, долженствующего положить конец разброду на новый лад, внесенному меньшевизмом в партию, ибо знал, что после «шагов» Плеханова меньшевики перейдут к еще более решительной атаке. И действительно. Меньшевики разработали целый план кампании, которая должна была закончиться полной капитуляцией большевизма и даже исключением В. И. Ленина из партии.

28—30 января 1904 года собралась сессия состава ЦО партии, на которой должен был обсуждаться внесенный по инициативе нового состава ЦО вопрос о согласовании деятельности ЦК и ЦО по изданию партийной литературы, а фактически под видом такой невинной формулировки с целью превращения ЦО и ЦК для более успешной реализации своего «плана». Совет в то время в результате плехановской кооптации состоял из пяти лиц: Аксельрода, Мартова, Плеханова, Ленгника и Ленина. Ясно было, что большинство на нем обеспечено за меньшевиками, и потому заранее можно было догадываться о его решении по этому вопросу. Нужно было обязательно разоблачить игру меньшевиков, противопоставить ей свой план ликвидации раскола—необходимость партийного с'езда, склонив к такой борьбе всех тех, кто еще колебался между признанием разногласий серьезными и принципиальными и признанием их личными, а на деле все больше и больше отдавал партию на с'езде оппортунистическому меньшинству. В. И. Ленин внес поэтому предложение о внеочередном обсуждении внутрипартийного положения, имея в виду, во-первых, склонить Плеханова к борьбе за с'езд, во-вторых, как и в предыдущем этапе борьбы, показать, если Плеханов не согласится на такую борьбу, примиренчески настроенному ЦК, что Плеханов никакой «третьей» стороны не представляет и ориентироваться на него в деле достижения мира, как это делал кое-кто из ЦК—нельзя. Все это Ленин подробно обосновал в выработанном проекте обращения совета партии, в котором, отмечая дезорганизаторскую деятельность меньшинства, требовал безусловного, безоговорочного подчинения партийной дисциплине и осуждения антипартийных методов борьбы против партии. «Никакие разногласия,—писал В. И. Ленин,—между членами партии, никакое недовольство личным составом того или иного центра не могут оправдать бойкота и тому подобных приемов борьбы, свидетельствующих именно об отсутствии принципиальности и идейности, свидетельствующих о принесении в жертву интересов партии интересам кружка, интересов рабочего движения интересам узкого местничества. Но было бы совершенно непозволительно и недостойно революционеров проявлять свое недовольство в бойкоте или отстранении от поддержки всеми силами всей положительной работы, об'единяемой и направляемой обоими центрами партии. Поддержка общих центров, дружная работа под их непосредственным руководством есть наш общий и прямой партийный долг».

Ленин предвидел, конечно, что проект провалится, так как знал, что Плеханов уже с меньшевиками, но этот шаг должен был еще раз показать, что никакими методами партийного воздействия меньшинство кризиса разрешить не хочет, что призвать к порядку меньшинство сможет только вся партия в лице партийного с'езда. Чтобы ослабить впечатление от ленинского проекта, Плеханов, к которому присоединились и остальные члены совета из меньшинства, заявил: «То, что прочитано тов. Лениным, имеет характер воззвания, из которого трудно понять, какие именно конкретные практические предложения Ленин имеет в виду». Призыв к подчинению партийной дисциплине на основе решений II с'езда партии был уже для Плеханова только воззванием общего характера.

В свою очередь Плеханов, неоднократно подчеркивающий, что он не принадлежит ни к меньшинству, ни к большинству, внес резолюцию, означавшую не только переход совета, но и ЦК, т.-е. фактически всех центральных органов партии в руки меньшинства. Таков был итог «примиренческой» позиции Г. В. Плеханова. Не случайно именно он, а не меньшевики, внес такую резолюцию. Внеси ее меньшевики, все было бы ясно, но Плеханов ведь стоял над обеими фракциями, и его позиция, кое-что значила для того, чтобы все еще вводить в заблуждение колеблющихся. Эта резолюция и прошла меньшевистским большинством совета.

Теперь момент требовал уже быстрых и решительных действий со стороны ЦК. Меньшевики делали все возможное, чтобы захватить партию в свои руки, но захватить, замазывая, извращая разногласия, пряча от партии документы, дающие возможность разобраться в сущности борьбы, действуя, пользуясь молодым и слабым пока еще опытом партийных кадров, нечестными и демагогическими приемами. Тем более важна была широкая раз'яснительная работа перед партийной массой. В X «Ленинском Сборнике» напечатаны сохранившиеся два неопубликованных ленинских документа,—один, написанный до январской сессии совета: «К членам партии»,—другой после него «К партии» и, кроме того, письмо к рабочему-партийцу Н. Е. Вилонову, как ответ на запрос этого товарища. Все эти документы, излагающие сущность разногласий в их истинном свете, показывают, что В. И. Ленин твердо решил апеллировать непосредственно к партии с призывом положить конец работе меньшинства. Однако, разногласия уже зашли настолько далеко, путь меньшевизма и примиренчества настолько обозначился, что одних общих обращений было уже недостаточно, и отчетливо выявилась необходимость более подробно аргументировать перед партией свою позицию. В результате В. И. Ленин осуществляет еще ранее задуманную брошюру о сущности разногласий и пишет «Шаг вперед—два шага назад».—Это была первая попытка серьезно и принципиально обосновать как свои позиции, так и позиции противника. Впервые на широкий партийный суд выносилась оценка меньшевизму, как экономизму на новый лад, как оппортунистическому крылу русского рабочего движения, т.-е. впервые констатировалась «степень и «глубина» маленьких разногласий». Вполне понятна поэтому та встреча, какая была оказана ленинским «шагам» меньшевиками, но не только меньшевиками.

Итак, в необходимости апелляции непосредственно к партии не последнюю роль сыграла для В. И. Ленина все более обрисовывающаяся примиренческая позиция Центрального Комитета.

Но одной раз'яснительной кампании теперь после меньшевистских дел, после двух измен Плеханова (в ЦО и Совете), после обозначившихся примиренческих настроений в ЦК было уже недостаточно. Как «генеральный лозунг»—сама по себе раз'яснительная кампания должна была подкрепляться соответствующими организационными мероприятиями в ответ на дела меньшинства. Но ЦК оказался явно не на высоте положения. Примиренческая болезнь Плеханова оказалась явно заразительна для ЦК, а тот факт, что выступал в совете именно Плеханов с резолюцией, а не меньшевики в ответ на ленинское предложение, только укрепил эту болезнь, так как меньшевистских фокусов в этом ходе ЦК явно не уловил. А примиренчески настроенный ЦК не только не собирался принципиально проанализировать разногласия, но, укрепляясь в своем убеждении о личном характере разногласий, доходил в своих письмах до советов Ленину уехать на время и этим разрядить якобы разногласия. Такие советы естественно вызывали возмущение В. И. Ленина, требовавшего прямого и ясного освещения позиции ЦК.

«Эти глупенькие советы,—писал В. И. Ленин,—ч(то)бы я уехал отсюда. Я еще понимаю, когда их дают семейные (люди) родственники, но писать ту же ахинею из ЦК. Да именно теперь и начинается литературная война».

А 30 декабря Ленин еще более определенно высказывает эту мысль,—требует от ЦК полного и ясного «самоопределения». «Нас поражает и возмущает ваше молчание о боевых вопросах и ваша неаккуратность переписки... Мы категорически настаиваем на необходимости вполне выяснить себе позицию в борьбе с мартовцами, спеться нам между собой и взять вполне опред(еленную) линию». В результате этих настойчивых требований ЦК, наконец, самоопределился в том направлении, что отказался повести работу по организации с'езда, считая его несвоевременным, считая, что он еще более углубит раскол, и явно выражая свое неудовольствие позицией Ленина, якобы мешающего консолидации партии.

Намеки на «несолидарное выступление и крамолу» внутри самого ЦК имели в виду явно Ленина, что подтверждается и откровенным замечанием в письме ЦК с принятым решением: «Все умоляем старика бросить склоку и начать работу». Решение ЦК явно бросало его в об'ятия меньшевизма, как в свое время Плеханова. Отказ от с'езда был отказом от партийного способа ликвидации раскола, ибо другой путь был путем меньшевистским. И путь, на который стал ЦК, был путем очень и очень опасным. Урок Плеханова был не за горами. Беспринципное примиренчество грозило разложить даже большевистскую верхушку, нужно было решительно положить конец дальнейшему распространению разложения партийных рядов и ликвидировать раскол. Потерей центральных учреждений еще не решался вопрос о самой партии. Меньшевистскому плану построения партии на экономистско-оппортунистический хвостистский лад нужно было противопоставить борьбу за дальнейшее развитие принципов старой «Искры». Однако, и сейчас принятие организационных мероприятий еще не означало механического разрыва: последний мог бы только повредить делу. Речь шла еще пока не о подготовке двух партий, а о двуединой партии, завоевании лучших кадров, не сумевших еще разобраться в сущности борьбы и на деле, на опыте могущих в конце-концов убедиться, в какое болото ведет партию меньшевизм. 13 февраля 1904 года В. И. Ленин следующим образом отвечает на отказ ЦК подготовить с'езд: «... Получив сообщение о вашем коллективном решении большинства ЦК против с'езда и о желательности прекратить «склоку» и обсудив это сообщение втроем (Курц, Зверь и Ленин), мы единогласно приняли следующее решение:

1) Курц и Ленин слагают с себя временно должность членов совета (оставаясь членами ЦК), впредь до выяснения истинного характера наших разногласий с большинством ЦК. (Мы заявили в совете, что абсолютно не видим иного честного выхода из склоки, кроме с'езда, и вотировали за с'езд). Подчеркиваем, что уходим временно и условно, отнюдь не отказываясь вообще и очень желая выяснения по-товарищески наших разногласий и недоразумений.

2) В виду (а) необходимости нахождения за границей членов совета от ЦК; (б) необходимости личного совещания с русскими членами ЦК; (в) необходимости иметь за границей члена ЦК после от'езда Курца, Зверя и Ленина (Курц и Зверь уезжают в Россию, Ленин берет формальный и полный отпуск не менее, чем на два месяца); (г) необходимости устроить так, чтобы здешние дела, порождающие «склоку», велись теми членами ЦК, которые несогласны с нами, ибо мы не в силах иначе бороться со склокой, чем мы боремся,—в виду всего этого мы настоятельнейшим образом просим ЦК прислать сюда немедленно и непременно по меньшей мере одного из русских членов».

Борьба вступила в новую полосу — подготовку с'езда вопреки и против центральных учреждений партии. Как известно, партия живо откликнулась на призыв Ленина, и эти «успехи» меньшевиков вызвали решительный отпор с мест, и разлагающая партию работа имела успех главным образом лишь за границей, среди верхушек партии. Но здесь новых материалов пока еще нет. Они войдут в следующие сборники. Нам нет надобности освещать картину борьбы со стороны фактической по имеющимся материалам, так как она и так хорошо известна. Отметим только, что ЦК в конце-концов стал на путь кооптации в ЦК меньшевиков, хотя и скрывая это от партии и таким образом, как и Г. В. Плеханов в свое время, лучше всего разоблачив свою «добродетельную» «примиренческую позицию» и свои рассуждения о том, что сущность разногласий в «личностях». Подведем теперь некоторые итоги.

В чем же отличие ленинского подхода от подхода плехановского и примиренцев-большевиков из ЦК?

В о - п е р в ы х, Ленин сразу же прослеживает тенденцию возможного развития уклона, определяя глубину и принципиальность разногласий, очищая их от всех и всяческих привходящих элементов личных дрязг.

В о - в т о р ы х, Ленин в зависимости от состояния разногласий подготовляя и мобилизуя для их ликвидации партию, вовсе не считает необходимым и нужным сразу же раскрывать эти разногласия в руководящих органах перед всей партией.

В - т р е т ь и х, допуская «уступки» и «компромиссы», сочетая идеологические методы воздействия с организационными, все время остается на принципиальных позициях партии и партийности, резко осуждая антипартийные методы борьбы против партии (т а к т и к а б о й к о т а партийной работы, личных дрязг и др.), как мешающие разобраться в принципиальной сущности разногласий.

В-ч е т в е р т ы х, требует безоговорочных «оргвыводов» тогда, когда «товарищ по партии» не только не исправляет своих ошибок, но старается их замазать, преуменьшая под тем или иным соусом.

В - п я т ы х, привлекает к ликвидации разногласий всю партию, разоблачая, «невзирая на лица», шатания и колебания таких товарищей (Плеханов и др.).

В чем особенности подхода Плеханова и примиренцев, в чем их беспринципность и поддержка оппортунизма?

Во-первых, в том, что они и не думают поставить вопрос на принципиальную основу, стараясь свести к «личностям», к необходимости сохранения «единства» во что бы то ни стало и любым безудержным уступкам во имя такого мнимого единства.

Во-вторых, на основе такой беспринципности скатываются к антипартийным методам борьбы (на словах говорят о необходимости осуждения меньшинства, на деле в то же время ведут с ним (меньшинством) тайные переговоры, пытаясь заключить беспринципные блоки против «личностей», а на деле начиная сдавать оппортунизму свои позиции (Плеханов, «Чего не делать»).

В-третьих, буквально плюют на партийную дисциплину, партийный устав; третируют партию, считая, что им, как «верхам», «все дозволено», что без них партия не обойдется и что недопустима даже постановка вопроса о возможности их ската к откровенному оппортунизму.

Таковы итоги и уроки борьбы за партию в эпоху раскола. Излишне подчеркивать важность и необходимость тщательного изучения этих уроков для «руководства к действию» в наши дни.

Николай Эльвов.
